

ПОСЛѢДНІЙ
НОВІКЪ,

ИЛИ

ЗАВОЕВАНІИ ЛИФЛЯНДІИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1833.

ПОСЛѢДНІЙ НОВІКЪ.

ПОСЛѢДНІЙ Н О В Ы Й К Ѣ,

или

ЗАВОЕВАНІЕ ЛИФЛЯНДІИ
въ ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА Великаго.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА ЛАЖЕЧНИКОВА.

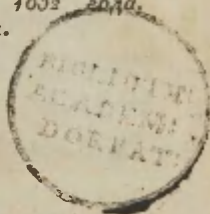
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Изданіе второе, съ перваго 1832 года,
съ исправленіями.

ВЪ МОСКВѢ

ТИПОГРАФІЯ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ при экземпляра.
Москва, 1833 года, Марша 2 дня.

Ценсоръ Левъ Цѣтеевъ.

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ.

Глава первая

С Т А Н Ъ.

Здѣсь Русью пахнетъ.

Пушкинъ.

Въ Нейгаузенской долинь, гдѣ пятами
своими упираются горы Ливонскія и
Исковскія, проведена, кажется, самою
природою граница между сими странами.
Новый-городокъ (Нейгаузенъ) есть уже
стражъ древней Россіи: такъ думали и
Князья Русскіе, утверждаясь на семь
Часть II.

мѣстѣ. Опважные наѣзтники въ полѣ, они были не рѣдко полишки дальновидные, сами не зная того.

Замокъ Нейгаузенскій построень на крутомъ берегу рѣчки Леліи, передомъ къ Лифляндіи. Четыре башни по угламъ, соединяющая ихъ ограда, все это грубо выведенное изъ дикаго, неопесаннаго камня, довольно глубокій оврагъ съ прехъ сторонъ, съ чешвершой обдѣланый берегъ: вотъ вся искусственная сила этой пвердыни. За то какъ далеко, какъ зорко оглядываетъ она передъ собою, вправо и влево, всю Нѣмецкую сторону! Все, что идешь и ѣдешь отъ Маріенбурга, Риги и Дерпта, всѣ движенія за нѣсколько десятковъ верстъ, не укроются отъ спорожкаго ея вниманія. Только сзади господствуешь надъ нею опшлогое возвышеніе, безпрестанно поднимающееся на двѣ слишкомъ версты до гребня горы Кувшиновой; но тамъ — сторона Русская! Рѣчка Лелія шечетъ передъ

лицемъ замка, изгибаясь въ недалекомъ разстояніи, съ лѣвой стороны назадъ, съ правой впередъ. На углу праваго изгиба насыпь (вѣроятно, и на лѣвомъ была подобная же, но она застроена теперь корчмою); нѣсколько такихъ искусственныхъ, высотъ, служившихъ Русскимъ военными укрѣпленіями, идутъ лѣспницею по просяженію Печерской дороги. Нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли донынѣ, иныя обросли рошицами, другія изрыты дождями, а, можетъ быть, и жадностію человѣческою. Спрун рѣчки мелки, но шумятъ, спротивляя, преграждены будучи множествомъ камней, временемъ брошенныхъ въ нее съ высоты башенъ.

Видъ изъ замка обнимаетъ Лифляндію на нѣсколько десяшковъ верстъ: передъ глазами разостланъ по тремъ уздамъ край ея одежды. Прямо за рѣчкою, въ срединѣ разлившейся широко долины, всталъ продолговатый холмъ съ рощею, какъ островокъ; нѣ-

сколько правѣ, за семь верстѣ, показывается вполонину изъ-за горы кирка Нейгаузенская, отдаленная отъ Рускаго края и ужасовъ войны, посѣщавшихъ нѣкогда замокъ; далѣе видны сизыя, неровныя возвышенія къ Оденпе, мызы и кирки. Лѣвѣ струится изъ мрачной дали прямо на Нейгаузенъ дорога Рижская; еще лѣвѣ чернѣетъ цѣль горъ Гангофскихъ, между коими поднимаетъ обнаженное чело свое Царьсихъ мѣстѣ, какъ владыка народа передъ величествомъ Бога, Муннамегги (яйцо-гора), наблюдающій, въ просяженіи слишкомъ на сто верстѣ, рубежъ Россіи отъ Маріенбурга черезъ Печеры до Чудскаго озера и накрестъ свою область отъ Нейгаузена, черезъ возвышенія Оденпе и Сагница, до вершины Гуммельсгофской. Между горами сими видна и знакомая намъ Оппекаленская кирка. Все какъ на блюдѣ! Русская однако - жь сторона закрыта отсюда скастомъ Кувшиновой горы, какъ полою

шапра великолѣпнаго. Чѣмъ далѣе поднимаешься по сему скапу, тѣмъ картина расширяется и углубляется. Глазъ безъ помощи орудія опазывается схватить все, что она предлагаетъ ему. На вершинѣ Кувшиновой сильнѣе бьется сердце Русскаго: съ нея видишь сіяніе креста и темныя башни Печерскаго монастыря, мѣсто испока Славянскихъ ключей, родины Ольги, Изборскихъ. и синяя площадь озера Псковскаго. Здѣсь уже настоящая Русь! Только *полувѣрцы*, обычаями, вѣрою, языкомъ смѣсь Лифляндцевъ съ Русскими, означаютъ переходъ изъ одного края въ другой.

Во время, которое описываемъ, замокъ представлялъ, какъ и нынѣ, однѣ развалины. Взорванъ ли онъ и покинутъ безъ боя Шведами, безнадежными удержавъ его съ малымъ *стреженемъ*, который онъ могъ только въ себѣ вмѣщать, отъ нападеній Русскихъ, господствовавшихъ надъ ними своими полевыми укрѣпленіями, давнимъ правомъ собствен-

ности и чувствомъ силы на родной землѣ; разрушенъ ли сей замокъ въ осаду Русскими — Исторія нигдѣ объ этомъ не упоминаетъ. Извѣстно только, что послѣдніе въ 1702 году уже власнители Нейгаузена. Здѣсь и у стѣнъ Печерскаго монастыря было сборное мѣсто Русскихъ войскъ, главное становище, или, говоря языкомъ нашего вѣка, главная *квартира* Военачальника Шереметева; отсюда, укрѣпленные силами, дѣлали они свои бѣглыя нападенія на Лифляндію; сюда, не смѣя еще въ ней утвердиться, возвращались съ побѣдами, хотя еще безъ славы, съ добычею безъ завоеваній, съ чувствомъ уже собственной силы, но не искусства. Здѣсь полководцы, обезопасенные упрямою безпечностію Карла, имѣли время обдумывать свои ошибки, готовить новыя предначертанія и учиться такимъ образомъ науку войны надъ непобѣдимыми того времени.

Станъ Русскихъ обрѣлъ возвышенный

берегъ Леліи и всю оплогость горы Кувшиновой до вершины ея. Изгибами своими казала сія оплогость, будто зыблется подъ многочисленнымъ вонисвомъ. Онъ весь видѣнъ былъ съ Ливонской стороны: бѣлые ряды палатокъ и между ними отличныя, начальническія; черныя ниши регулярной конницы, пестрые табуны восточныхъ всадниковъ, пирамиды оружія, значки, пикеты, все какъ будто искусно разставлено было на шашечной доскѣ, не много къ зрителью наклоненной. Пушки выдвинули жерла свои изъ развалинъ замка и *раскатовъ*, воздвигнутыхъ по сторонамъ ея и уступами въ разныхъ мѣстахъ горы; бѣгущія изъ-за нихъ струйки дыма показывали, что онѣ всегда готовы изрыгнуть огонь и смерть на смѣлыхъ пришельцевъ изъ Ливоніи. Лучъ упреннаго солнца, опзолочивая развалины замка, скользя по орудіямъ и теплясь въ крестахъ походныхъ церквей, разсвѣчивалъ сію картину.

Замокъ и передовыя укрѣпленія по

берегу Леліи спорожили, кромѣ полевой артиллеріи, драгунскіе полки Кропотова и Полукотова и пѣхотный Лимы. Вездѣ видны были сіи полководцы вмѣстѣ, и въ спанѣ и прошивъ огня непріятельскаго. Продолговатый холмъ въ срединѣ горы близъ Печерской дороги, гдѣ стояла богатая Турецкая ставка съ блестящимъ полумѣсяцемъ на верхушкѣ ея, охраняла почетная спража: Преображенскій и Семеновскій полки и сотня дворянъ Московскихъ. Семеновцами командовалъ любимый начальникъ ихъ Подполковникъ Князь Михайла Михайловичъ Голицынъ, Преображенцами Маіоръ Карповъ, одинъ болѣе другаго встрѣчавшіеся на перепутьяхъ сей войны, гдѣ только говорилось о чести Русскаго оружія. Въ рядахъ Московской сотни находился сынъ Военачальника *волунтеръ* Михайла Борисовичъ, уже съ именемъ храбраго офицера и неизмѣннаго товарища. Старый, созданный Родителемъ Петра I, Бутырскій полкъ, прославившійся на при-

спупахъ Азова, имѣвшій счастье избѣгнуть неудачи при Нарвѣ, но въ первой ошибкѣ со Шведами при Эррасферь извѣдавшій сладость побѣды, стоялъ не-подалеку отборной стражи, готовый замѣнить оную. До 12 драгунскихъ полковъ разныхъ именъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, основанія трехъ эскадроновъ Московскихъ гусарь, копейщиковъ и рейшаръ, нѣсколько пѣхотныхъ полковъ, стройно расположены были по отлогости горы. Передъ лицомъ спана, за рѣчкою Леліей, отправлялъ должность передоваго стража знаменитый Тамарскій наѣздникъ Мурзенко: онъ занялъ съ пяташинею своею продолговатый зеленый холмъ, одиноко возвышавшійся въ долину. — Печерскій монастырь, вновь укрѣпленный, охранялъ *Ертаульный* Воевода Иванъ Тихоновичъ Назимовъ.

Въ станѣ, въ безчисленныхъ мѣстахъ, закурился дымокъ, пріятный для обонянія солдатъ; уже вездѣ около кошловъ

засуетились кашевары. Также Калмыки и Башкирцы готовили свой обѣдъ: вдоль и поперекъ долины скакали воспочные вишязи, запаривая подъ сѣдломъ нѣжное мясо жеребятъ. Запрудили къ водопою, и ряды конницы, какъ нагорные ключи, потекли изъ спана. Съ другой стороны свистомъ и гарканьемъ отвѣчали на звукъ трубъ, и послушные сему зову табуны поспѣшали къ рѣчкѣ. Оба берега ея оступили тысячи коней. Звонкое ржаніе, глухой топотъ, суетливый говоръ, крикъ, все слилось въ какой-то тревожный гулъ, полный торжества жизни. Но — скоро все пришло опять въ прежнее положеніе.

Посмотримъ ближе, что дѣлалось во внутренности лагеря. Подойдемъ къ спавкѣ Фельдмаршала. Возлѣ нея ходилъ на часахъ — Преображенскій солдатъ, спатный, бравый, кровь съ молокомъ. Походка его была мѣрная, движенія изученныя. Одежда на немъ, будто онъ снарядился въ маскарадъ: не къ лицу

ему треугольная шляпа и распущенные волосы; Нѣмецкій широкій кафтанъ *не по нелѣ* сшилъ; исподнее платье стягивало его ноги. Но изменявшія ему по временамъ, хотя немедленно сдерживаемыя, ухватки, огонь, разыгрывающійся въ глазахъ его, казалось, говорили: »Остригите мнѣ волосы, сбросьте этого жаворонка съ головы, скиньте съ меня эполтъ халатъ; подпояшьте меня крѣпко кушакомъ, кофторой я съиздѣшства привыкъ носить и кофторымъ спань мой красовался; дайте волю моимъ ногамъ — и вы увидите, что я, не только Шведа, медвѣдя сломаю, догоню на бѣгу краснаго звѣря: вы увидите, что я Русскій!« По правую сторону савки, у входа ея, стояла *колясочка* съ липаврами; тушь же бродило нѣсколько прубачей. Инструменты ихъ были разложены на козлахъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ палатки прапезничали за длиннымъ столомъ, накрытымъ скаперишкою браною, Священники, офицеры и поселяне обоего

пола, челоуѣкъ до 50. Здѣсь гостепріимство Русскаго барина угощало, безъ разбора званій, всякаго, кшо не имѣлъ своего стола, или насущнаго хлѣба. Если самаго Фельдмаршала не было съ ними, шакъ это значило, что важное дѣло опозвало его отъ *хозяйничества*, которое не хваспливость, но добродѣтель наслѣдственная положила себѣ обѣщанье. Мало, что всякій бѣдный могъ вкушать отъ его прापезы; онъ былъ еще одѣляемъ деньгами. Такъ жили дѣды нашихъ баръ! Кругомъ брашскаго стола прислуживалъ рой *холоповъ*: дворецкихъ, мундшенковъ, егерей, сокольниковъ, ловчихъ, гайдуковъ, скороходовъ и камердинеровъ, составившихъ пеструю дворню вельможи того времени, дома и въ походѣ. Нѣсколько борзыхъ собакъ, вѣроятно любимыхъ, шныряли подъ сшоломъ и около него, выжидая себѣ подачи. По лѣвую сторону спавки толпились въ уваженіи опдаленіи адъютанты, ординарцы, курьеры. Далѣе въ углубленіи

сцены, нами рассматриваемой, стояла палатка, у которой раскрытыя при входѣ полы дозволяли видѣть, что въ ней происходило.

Въ ней производился судъ. На переднемъ концѣ длиннаго стола сидѣлъ *Президентъ*. По мѣсту, имъ занимаемому, и глубокомыслію, осынявшему его пріятную наружность, видно было, что въ немъ пожилаго, возраста не ждала мудрость, которой вопреки своенравной природѣ хотяшъ назначить постоянный срокъ. Въ глазахъ его съ проникающею умомъ спорило однако-жъ безпокойство сильныхъ страстей; рѣдко сходила съ губъ его усмѣшка осужденія. Одежда его показывала нѣкоторую небрежность; по камзолу, расстегнутому почти до нижней пуговицы, висѣли длинные концы шейнаго платка; обшлагъ у лѣваго рукава былъ отвороченъ. Это былъ Рейнгольдъ Паткуль. На сей разъ, по болѣзни Генераль - Аудитора, исполнялъ онъ его должность. Каковымъ

видѣли его теперь, шаковымъ бывалъ онъ въ ставкѣ Фельдмаршала и во дворцѣ. Онъ не старался скрыть себя; ни одежды, ни движеній, ни чувствованій не подчинялъ формамъ; онъ весь былъ наружъ. Свободныя движенія его въ обществѣ высшихъ хотя и не измѣняли правиламъ свѣтскаго образованія и знанію придворной жизни, должны были однако-жъ пугать взоры и чувствованія людей, воспитанныхъ въ спрожайшей почтительности къ старшимъ, если не въ страхъ къ нимъ.

Передъ главнымъ судьей лежали накресль *бѣлый посохъ* и обнаженная *шпага*, знаки чистоты суда и возмездія пороку. Во всю длину стола, по обѣимъ сторонамъ его, сидѣли члены суда, *Ассесоры*, изъ высшихъ офицеровъ разныхъ полковъ, — у нижняго конца стола Священникъ въ епитрахили съ крестомъ въ одной рукѣ, а другую положивъ на Евангеліе. Отъ него неподалеку стояли шрое солдашъ, закованныхъ въ желѣза: лица

ихъ говорили, что они ждали своего приговора. Засучивъ рукава своего заса-
ленного зипуна, зашкнувъ большой па-
лецъ лѣвой руки за красный кушакъ,
спереди потонувшій въ опвисломъ брю-
хѣ, мужичокъ, отвращительнаго и звѣр-
скаго лица, що морщился, какъ бы недо-
вольный медленнымъ судомъ, и огром-
нымъ перстомъ правой руки, на копо-
ромъ могли бы уলেখся при обыкновен-
ныхъ, почесывалъ налпшую кровью
шею, исписанную свѣшлыми рубцами,
шо важно поглаживалъ цѣлою ручи-
щею свою рыжую бороду, искоса посматривалъ на собраніе и улыбался, едва не
выговаривая: »и я здѣсь что-нибудь да
значу!« Онъ ждалъ своихъ жертвъ. Это
былъ палачъ Оська, по прозванію и оп-
личительнымъ признакамъ его масте-
рства, *Томила*. Глубокое молчаніе цар-
ствовало въ засѣданіи можно было слы-
шать скрипъ работающаго пера. Во-
кругъ стола ходила по рукамъ бумага,
которую всякой, прочишавъ про себя,

подписывалъ. Она обратилась къ Президенту, который, также прочитавъ ее еще разъ, подписалъ, и весь листъ кругомъ очертилъ узлами, чтобы не возможно было ничего приписать въ немъ. Наконецъ Президентъ всталъ, и за нимъ Ассессоры. Онъ положилъ правую руку на посохъ и мечъ. Всѣ сотворили знаменіе креста, кромѣ Нѣмцевъ, которые вмѣсто того благоговѣйно сложили руки на грудь. Потомъ онъ отдалъ бумагу Секретарю для прочтенія и громко произнесъ: *Богу единому слава!* Секретарь началъ читать дѣло о порубленіи Андреемъ Мершвымъ Ташарина саблею, и приговоръ, коимъ онъ, согласно 26 артикулу Военскаго Устава, долженъ бы быть живота лишенъ и отсѣченіемъ головы казненъ. Такому же наказанію по 25 артикулу подвергнулся Иванъ Шмаковъ, дерзнувшій поколоть своего Полковника Филиппа Кара. Но въ уваженіе, что раны порубленнаго Ташарина подавали надежду къ исцѣленію, и что у

Полковника пробишы были только мундиръ и фуфайка, Мершвый приговаривался къ наказанью бапожьемъ, а Шмаковъ къ выведенію въ желѣзахъ передъ фронтъ и къ пробишію руки ножемъ. Важнѣе сихъ преступниковъ былъ претій, казакъ Матвѣй Шайтановъ, *чернокнижецъ*, ружья заговоритель и чародѣй. А какъ, по толкованію перваго артикула Воинскаго Устава, «наказаніе созженія есть обыкновенная казнь чернокнижцу, ежели оный своимъ чародѣйствомъ вредъ кому учинилъ, или дѣйствительно съ діаволомъ обязательство имѣеть»; но поелику онъ чародѣйствомъ своимъ никому большаго вреда не учинилъ, кромѣ заговора ружей, присаживанія шишки на носу и прочаго и прочаго, и отъ обязательства съ сатаною отрекся по увѣщанію Священника: шо приговаривался онъ къ прогнанію *шницрутенюлѣ* и церковному публичному поканію. Тутъ палачъ нахмурился, по видимому, недовольный облег-

ченіемъ наказанія. Казалось, на узкомъ его лбу выклеймены были слова: »Ахъ! кабы меня сдѣлали главнымъ судьей, я все-бъ усиливалъ приговоръ, чтобъ нашей братьѣ была работа.« Пашкуль, нечаянно взглянувъ на него, прочелъ его сожалѣніе: онъ смѣнилъ этакъ зоркій взглядъ другимъ, грознымъ, сожигающимъ, и далъ знакъ, чтобы преступниковъ удалили для немедленного исполненія надъ ними приговора.

Судейская мало помалу начала пустѣть. Остались Пашкуль и при вышшихъ офицера: ихъ заняло чтеніе какихъ-то пригошовительныхъ бумагъ. Вскорѣ вниманіе ихъ прервано было приходомъ *Румормейстера*, блюстителя порядка на маршахъ и въ лагерь, за которымъ, между двумя солдатами съ мушкетами на плечъ, слѣдовалъ Русскій крестьянинъ. Въ глазахъ его горѣло дикое ожесточеніе; онъ не склонялся головою; уста его искривлены были презрѣніемъ. Длинная борода у него дѣлилась

на двое, представляя изъ себя два языка; широкій, сѣрый зипунъ, сзади весь въ сборахъ, спереди въ двухъ мѣстахъ застегнушый душими, мѣдными пуговицами, едва покрывалъ колѣна. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ *лѣстовки*, въ правой посохъ. Румормейстеръ подалъ Пашкулю бумагу и доложилъ ему, что эшопъ крестьянинъ вперся между брашьею за общій столъ, не крестился подобно другимъ, садясь за него, не ѣлъ, не пилъ, чуждался всякой бесѣды, безпрестанно плевалъ и шворилъ, то шепотомъ, то вполголоса, молитвы; потомъ вставши изъ-за стола, бродилъ около Фельдмаршальской спавки; хотѣлъ взойдши въ нее, но бывъ удержанъ часовымъ, бросилъ въ палатку свернутую бумагу.

»Фельдмаршалъ, продолжалъ офицеръ, поднималъ ее, и успѣвъ прочесть только при первыя слова — такъ именно приказано мнѣ доложить Вашему Превосходительству — повелѣлъ мнѣ отвесить сюда подозрительнаго крестьянина за

крѣпкимъ карауломъ, отдашь вамъ подмешную *цыдулу* и сказать, чтобы вы *поволили* изслѣдовать, кто такой эпомъ мужичокъ и не лазупчикъ ли отъ Шведовъ, или другой какой *шельмъ*; также и наказать его по усмотрѣнію вашему, ибо онъ полагаетъ, что подмешъ сей до вашей особы касается.»

— Что это за уродъ? сказалъ Пашкуль, принимая отъ Румормейстера бумагу.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! произнесъ крестьянинъ: — Господи! спаси насъ отъ нечистыхъ силы.

Пашкуль посмотрѣлъ на него и усмѣхнулся, но развернувъ поданное ему письмо и взглянувъ на первыя слова, вспыхнулъ, вскочилъ со стула, подошелъ къ крестьянину и, тряся его за воротъ, задыхающимся голосомъ спросилъ его: — Пашкуль измѣнникъ? кто это пишешь?

— Христіанинъ зарубежный, отвѣчалъ спокойно вопрошенный.

— Какой Христіанинъ ! Лжець , обманщикъ , сапана ! закричалъ Паткуль , не въ силахъ будучи владѣть самъ собою .

— Брешишь , басурманъ ! Пославній меня училъ православныя , соборныя , Апостольскія Церкви , и мы , братья ему по духу , исповѣдуемъ законъ правый . Въ нашемъ сборищѣ , въ крещеніи опщепенцевъ , бѣси дѣйствуютъ ; ученіе ваше криво , преданіе отецъ вашихъ лживо , законъ вашъ проклятъ . Ты щепотникъ , табачникъ , скобленное рыло , и съ тобой сѣдящіе Никоніанцы слуги Антихристовы . Господи Іисусе Христе , Сыне Божій , помилуй насъ !

Паткуль взглянулъ на него , пожалъ плечами , сѣлъ опять на стулъ и хладнокровно сказавъ : — »онъ сумасшедшій !« спалъ читая продолженіе подметнаго письма . Между тѣмъ одинъ изъ офицеровъ , сидѣвшихъ въ палаткѣ , промолвилъ : « это злой раскольникъ ! » — »Онъ ослушникъ Царскаго Величества Указа ! воскликнулъ другой : осмѣливается пока-

зываетъ въ народѣ безъ желшаго, раскольническаго лоскута на спинѣ!» —
»Имѣешь ли ты бородовую квишанцію?»
сказалъ третій: »ему надобно бороду
обристь.«

Раскольникъ молчалъ.

— Его надобно спрожайше судить!
закричали двое офицеровъ вмѣстѣ.

Крестьянинъ, покачавъ головою, отвѣчалъ: — Аще пойду подъ иновѣрный судъ, достоинъ есмь оплученія отъ церкви.

Здѣсь одинъ изъ офицеровъ хотѣлъ
убѣдить его словами Священнаго Писанія: »Всяка душа власпѣмъ предержавшимъ да повинуется: нѣсть бо власть, аще не отъ Бога.«

— Не претися о вѣрѣ и мірскихъ междо-
рѣчій пришелъ я къ вамъ, Никоніанцамъ: досыта училиши наши обличили новую вѣру и вбили въ грязь вашихъ Фарисеевъ. Какъ видно, вы не разсмотрѣнія и не правды ищите, но побѣды и одолѣнія. Ваша правда, аки паутинное тканіе прикосновеніемъ крыла

бездушныя мухи разоряется. Како бо
пѣши Господню пѣснь въ землѣ чуж-
дой, въ землѣ бѣсова плѣненія? Нѣсть
здѣсь воздвигающаго долу лежащихъ,
нѣсть руководящаго. За рубежемъ пошъ,
кто бы изобрѣлъ сокровище, чепыреде-
сяпнимъ пепломъ загребенное, кто бы
собралъ во едино спадо распоченное,
кто бы процвѣлъ, яко сельный кринъ,
обогащши связанныхъ нищетою, про-
свѣтшиши во тмѣ сѣдящія, укрѣпшиши из-
немогающія, свободиши бѣдспѣвъ и скор-
бей исполненныя. Тамъ образованіе гор-
няго Сіона, тамъ начертаніе стѣнъ
Іерусалима! Образумьтесь, суешные,
открыйте глаза, слѣпошспвующіе! Иди-
те за мною и обрящете сокровища не-
пщѣнныя.*

— Благодарствуюмъ, безвѣщій! ска-
зали офицеръ, понюхивавъ табакъ. — Не
хочу ради вашей вѣры ни сгорѣть въ

* Весь эшотъ разговоръ взятъ почти слово въ
словѣ изъ старообрядческихъ актовъ, издан-
ныхъ въ свѣтъ.

огнь, ни голодомъ умереть. Ты не мурельщикъ ли?

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

— Или изъ безпоповщины, гдѣ вмѣсто поповъ дѣвки служатъ?

Раскольникъ молчалъ.

— Нѣшовщикъ, что ли? Ну, говори, вѣдь мы знаемъ всѣ ваши бредни. Вы не признаете православнаго Священства и Таинствъ въ мѣръ? — Адамантова согласія что-ль? Ваша братья по каменной мостовой никогда не ходятъ: не такъ ли? Тупловщикъ? Ну, говори, борода! (Офцеръ потрясъ его порядочно за бороду, но онъ молчалъ.) Можно заставилъ себя говорить. У Оськи Томили нѣмые пѣсни поютъ: знаешь ли ты?

Раскольникъ горько усмѣхнулся и отвѣчалъ: — Бѣшьте мое шѣло, собаки, коли оно вамъ по вкусу. Вѣдаемъ мы, православные, что вѣра правая и дѣла добрыя погибли на земли. Наступило время послѣднее. Антихристъ насталъ, и

скоро будешь скончаніе міра и страшный судъ. Охъ! кабы сподобился я святымъ спрадальцемъ предстать ко Господу!

Во время допросовъ крестьянина вышшимъ офицеромъ, Папкуль продолжалъ чипать подметное письмо; а какъ намъ, сочинителямъ романовъ, позволено не только знать самыя сокровенныя дѣйствія, но и проникать во глубину помышленийъ людскихъ, между тѣмъ, какъ вмѣстѣ съ симъ дано намъ право помолчать иногда и о томъ, что говорится вслухъ: то мы, высмотрѣвъ содержаніе письма, дѣлимся тайною онаго съ нашимъ чипателемъ. Именно, въ немъ давалось за извѣстіе Фельдмаршалу, что Папкуль, измѣнникъ и предатель, связался съ злодѣемъ, который, подъ видомъ доброжелательства Русскому войску, спрается заманишь оное въ сѣпи, продать начальнику Шведскому и погубить. Злодѣй сей кажется не тѣмъ, что онъ есть. Если бы Фельдмаршалъ зналъ, кто онъ такой, то купилъ бы

голову его цѣною золоша. Самъ Царь дорого заплашилъ бы за нее. Сочинитель письма обѣщается подвесити обманщика съ шѣмъ, чтобы войско Русское, особенно Мурзенко, не тревожили на жишельствѣхъ зарубежныхъ Христіанъ.

Прочтя сіе письмо, Пашкуль задумался; какое-то подозрѣніе колебало его мысли и тяготило сердце его. »Не уже-ль? — говорилъ онъ самъ себѣ:« нѣтъ, этого не можешь быть! Понимаю, откуда ударъ! Нѣтъ, Вольдемаръ мнѣ вѣрепъ.» Окончивъ сей внутренній разговоръ, онъ поднялъ глаза къ небу, благодаря Бога за доставленіе въ его руки пасквиля, разодралъ его въ мелкіе клочки и спокойно сказалъ присутствовавшимъ офицерамъ: — Оставимъ эту заблуждшуюся овцу. Въ лагерь нѣтъ дома для сумасшедшихъ; такъ надобно опуститъ его туда, гдѣ больные одинакою съ нимъ болѣзнію собрались вагагой. Что дѣлать? Заблужденіе ихъ есть одна изъ неспрошъ рода человѣческаго. Предо-

схавимъ времени сгладить ее. Умъ и сердце начинаютъ быть пышлы сообразно вѣку, въ кошорой мы живемъ; наступишь, можешь быть, и то время, когда онъ присядуся на возвышенныхъ истинахъ.

— Но подметное письмо? спросилъ Румормейстеръ.

— Пасквиль именно на меня! сказалъ усмѣхаясь Пашкуль. А какъ мое доброе имя не можешь пострадать отъ сумасбродныхъ, то я сочинителю письма и посланнику его охотно прощаю. Съ тѣмъ однако-жъ — прибавилъ онъ, обратившись къ раскольнику — подобныхъ бумагъ въ станъ Русскихъ не пересылать. Смотри! перескажи это, закосялый невѣжа, своему учителю. Въ прошивномъ случаѣ, Мурзенко съ своими Ташарами опыщеть его въ преисподней. Тогда не пейайте на измѣнника Пашкуля. Вотъ мой отвѣтъ: слышишь ли?

— Близокъ часъ страшнаго суда! вздохнувъ, отвѣчалъ раскольникъ.

— Теперь, продолжалъ Паткуль, обращаясь къ Румормейстеру, передаю вамъ плѣнника. Прошу васъ поступить съ нимъ великодушно.

Румормейстеръ, обѣщавъ не дѣлать ему никакого плѣснаго испязанія, принялъ раскольника въ свое вѣдѣніе; но желая согласишь веселый нравъ съ своею обязанностію, повелѣвающею ему ловить и наказывать, какъ нарушителей спокойствія въ станѣ, подметчиковъ писемъ, разсѣвающихъ ложные слухи, и послушниковъ Царскихъ Указовъ, рѣшился подшутить надъ своимъ плѣнникомъ. Онъ отвелъ его за карауломъ къ высокому берегу Лелім, велѣлъ нѣсколькимъ солдатамъ окружить раскольника, поставить его на колѣна и положить голову его на барабанъ. Во всю эту операцію крестьянинъ произносилъ только: »О имени Господа Бога и Спаса нашего страдахомъ.« Но какъ скоро

увидѣлъ, что цирюльникъ собирался
бришь ему бороду, онъ началъ бороться
съ солдатами, проклиналъ всѣхъ, ревъль
и наконецъ умолялъ лучше умертвить
его. Стоны его раздавались по лагерю.
- Сильныя руки сжали ему ротъ, держали
его за волоса, за два конца бороды, за ноги,
за тылокъ — и сокровище, которое было
для него жизни дороже, борода упала
къ ногамъ нечестивыхъ Никоііанцевъ,
которые съ хохотомъ затоптали ее.
Смертная блѣдность выступила на его
лицѣ; холодный потъ капалъ со лба;
пѣна во рту клубилась; какъ вкопанный
въ землю, стоялъ онъ. Вдругъ какое-то
изступленіе оживило его черты, глаза
его страшно запрыгали. »Настала кон-
чина вѣка и часъ страшнаго суда! Мучь-
тесь, окаянные нечестивцы! я умираю
спрадальцемъ о Господѣ« — произнесъ
онъ, пробился сквозь солдатъ и бросил-
ся спремглавъ съ берега въ Лелію.
Ударъ головы его объ огромный ка-
мень отразился въ сердцахъ изумлен-

ныхъ зрителей. Ужась въ нихъ замѣнилъ хохотъ. Подняли несчастнаго. Черепъ былъ разбишь; не лзя было узнать на немъ образа человѣческаго. »Собака собака смерть!« сказалъ Румормейстеръ, и велѣлъ писарю изготопить *репортъ* высшему начальству о семъ происшествіи. »На чью-то душу грѣхъ этотъ ляжетъ?« роншали въ уныніи солдаты.

Какъ водится, зарыли самоубійцу въ лѣсной глуши. Говорили въ послѣдствіи времени, что на мѣстѣ томъ видѣли осьмиконечный деревянный крестъ и слышимо бывало, разъ въ годъ, жалобное протяжное пѣніе.

Г л а в а в т о р а я

П о с л а н н и к ъ.

*Со взоромъ, полнымъ хитрой лести,
Ей карла руку подаетъ,
Вбщая: дивная Наина!
Мнѣ драгоцѣненъ твой союзъ.
Мы посрамили коварство Фина.*

Пушкинъ.

Судъ и происшествіе сіе отдали нась опъ спавки Фельдмаршальской. Возвратимся къ ней и послушаемъ, что тамъ говорится. Въ ней слышны были два голоса: долго и тихо бесѣдовали они между собою на полу-Русскомъ и полу-Нѣмецкомъ языкѣ, какъ будто совѣщались о весьма важномъ дѣлѣ; по временамъ раздавался шрепій, пискливый голосокъ. Наконецъ одинъ изъ

совѣщателей произнесъ твердо и чисто по-Русски: »Смотрите же, Голяфъ Самсоновичъ! не ударьте лицомъ въ грязь, да выполните дѣльцо чистенько.« — На сію просьбу, въ которую вкрадывалось повелѣніе, отвѣчалъ поненкій голосокъ: »Пополкуй еще, Борисъ, да ^{Кы} пополкуй; поворожи, да еще накажи. Тебя бы Августомъ, а не Борисомъ звать. Эко диво одинъ блинъ не комомъ испечь! Нынѣ времена не тѣ: посланъ за однимъ дѣломъ, сдѣлай ихъ пять хорошенько! Это по Батюшкиному, да по моему. О, охъ, вы полководцы! гадаютъ по днямъ и почамъ на какихъ-то басурманскихъ картахъ, шевелятъ, переворачиваютъ, думаютъ думу великую, а съ мѣста ни шагу. Добро-бъ ломали голову, какъ цѣлый край забрать; а то сидятъ бѣдняги, повѣся носъ надъ бѣдной деревушкой, которую муха покроешь, съ позволенія сказать... Тфу!... Но моему взялъ ее, да и помаралъ на картѣ; въ глазахъ не рябишь,

и головѣ заботушкой меньше. Эхъ, Борисъ! кабы не пугнулъ тебя *Батюшка* на легкій день, да на новой годъ, подъ Ересферъ, ты бы чай и шеперь переминался, какъ дашь Шведу щелчокъ и ошплатишь ему за Нарвскую пошасовку.» — »Заврался, Голіафъ!« произнесъ прежній повелительный голосъ. — »То-то и есть, продолжалъ поненскій голосокъ: шеперь Голіафъ, а давеча Самсоновичъ! Не даромъ говорятъ, что бояре правды не любящъ. Это, видно, не чужую рубашонку дерушъ. Приложу къ правдѣ другую, выдушъ двѣ; локошь выше головы не будешь... честь имѣю репортовать Высокоповелительному, Высокомощному, Господину... Прощай, Боринька! будь покоенъ, mein hertzens Kind! все будешь исполнено по швоему. Adie, min herr Fatkul! Большой такой, грощъ? черна волосъ... шварцъ? не правда ли? о ја! о ја! gut! gut! Ильза повезешъ меня къ нему?... Дѣвка славная, по мнѣ! Да скажи ему, Борисъ,

что онъ будешь отвѣчать мнѣ своею головою, если пріятель его набѣдокуришь надо мною: вѣдь я не Карлуша!» Съ послѣднимъ словомъ выползла изъ палатки маленькая, живая фигурка, отъ земли съ небольшимъ аршинъ, довольно старообразная, но правильно сложенная. Этого челоуѣкъ былъ въ треугольной, обложенной мишурнымъ галуномъ, шляпѣ, изъ которой торчало множество павлиньихъ перьевъ, въ алонжевомъ парикѣ пышно вчесанномъ, въ городешуровомъ спзомъ мундирѣ съ бархатнымъ пуццовымъ воротникомъ и такими же обшлагами, и съ разными знаками изъ золотой бумаги и стекляруса на груди, при деревянной выкрашенной шпагѣ. Это былъ карла Бориса Пепровича Шереметева — необходимая пошребность знатныхъ людей того времени! Для сокращенія походнаго шпата, онъ же исполнялъ и должность шуша.

Самъ Государь бывалъ всегда окружаемъ сими важными чинами. Въ изви-

неніе слабости, въку принадлежавшей, надобно однако-жъ сказать, что люди сіи, большею частію дураки только по имени и наружности, бывали перѣдко полезнѣйшими членами государства, говоря въ шуткахъ сильнымъ лицамъ, которыми служили, истины смѣлая, развеселяя ихъ въ минуты гнѣва, гибельныя для подвластныхъ имъ, давая имъ знать въ присказочкахъ и побасенкахъ о неправдахъ судей и несправностяхъ чиновныхъ исполнителей, — о чемъ молчали высшіе бояре по сродству, хлѣбосольству, своекорыстію и боязни безвременья. Карла, или шутъ, искалъ только угодить своему господину, не имѣлъ что потерять, а за щелчкомъ не гонялся: неудовольствіе посторонней знати не только не пугало его, но еще льстило его самолюбію. По наружности обиженный природою, онъ утѣшался по крайней мѣрѣ тѣмъ, что въ обществѣ людей онъ не только не былъ лишній, но еще игралъ ролю судьи и критика, и

имѣлъ вліяніе на сильныхъ земли. Не рѣдко уважали его и даже боялись. Однимъ словомъ, шушны были живые апологи, Езопы того времени. — Карлу Шереметева любили почти всѣ солдаты и офицеры арміи его, не терпѣли — одни недобрые. Онъ зналъ многія изреченія Петра Великаго и умѣлъ ксатши употреблять ихъ.

Нарядный человѣчекъ опошелъ нѣсколько отъ палатки Фельдмаршальской, спалъ на бугоръ, важно раскланялся шляпою на всѣ стороны, высянулъ шею, и приставивъ къ одному изъ сверкающихъ глазъ своихъ бумагу, сложенную въ трубку, долго и пристально смотрѣлъ на Муннамегги. Солдаты выглядывали сначала изъ палатокъ, какъ лягушки изъ воды, потомъ выползли изъ нихъ и составили около него кружокъ.

— Здравствуй, названная кума! здравствуй, душечка! сказалъ карла, кивая горъ головою и посылая ей по воздуху поцѣлуй.

— Кого-жъ ты, ваше благородіе, съ нею крестить-то собираешься? спросили два молодыхъ солдата Преображенскаго полка.

Карла началъ морщиться, пожимать плечами и, закрывъ глаза ручонками своими, запищалъ жалобнымъ голосомъ: — Остыдили, осрамили опца командера! да еще кто-жъ? Кажись, гвардейцы. Эки, недогадливые! Кого-жъ Чухонкъ съ Русскимъ крестить, какъ не Шведенка?

— Ха, ха, ха! и дѣльно такъ! отвѣчали нѣсколько солдатъ.

— Да что-жъ названная кума не жалуетъ къ тебѣ?

— Спѣсива, ребятушки, хвашики, молодцы! позываетъ меня къ себѣ на крестины. Жду и нынѣ зова, какъ пѣтухъ на возморѣ; да гдѣ-жъ мнѣ... одному?...

— Прикажи, отецъ командеръ, выручимъ! закричалъ Бупырскаго полка солдатъ съ сѣдыми усами.

— Тебя выручимъ, а Чухонку выучимъ, чтобы не спѣсивилась, повториши нѣсколько голосовъ.

Карла. Ужъ мы ее взбересферимъ! Добро, злодѣйка! (Грозится на Лифляндскую сторону.)

Старый солдатъ. Кого-жъ изъ насъ выберешь для школы?

Карла (задумавшись). Вотъ-те и задача! Преображенцы молодцы, со крестомъ и молишвою готовы одинъ на двоихъ; будешь время, что пойдутъ одинъ на пятерыхъ. Вѣрные слуги Царскіе! съ ними не пропадешь. Семеновцы удалыцы, пошѣшали, вмѣстѣ съ Преображенцами, Батюшку, когда онъ еще былъ крохоткою. Теперь надежа - Государь выросъ: рукой не достанешь! пошѣхи ему надобны другія, не дѣтскія! Вырвуть изъ бѣды, да изъ полымя; будутъ братья деревни, города, крѣпости, царства... Только жаль, командерь у нихъ... плохой.

Множество Семеновцевъ (выступя впередъ, съ досадою въ разные голоса). Плохой? — Въ умъ ли ты, Самсоновичъ? — У насъ комендеръ не перемешчикъ какой Нѣмчура Якушка, Крой, Брусбардъ или Уморъ — а Русскій бояринъ, Князь Голицынъ. — Съ нимъ мы умереть готовы. — Голицыны всегда служили Царямъ вѣрою и правдою, не извѣстами. — Дай Богъ нашему Михайлѣ Михайловичу многія лѣта здравствовать! — Дай Богъ роду его несчетныя годы красоваться!

Карла. Простъ, ужасъ, простъ!

Нѣсколько голосовъ. Докажи, бѣсенокъ!

Старый солдатъ. Эки вороны! развѣ не видишь, что Самсоновичъ балясы почитаетъ, насъ морочитъ?

Карла. Солдатъ кормитъ жирно — спрахъ нездорово животу! Кармана не набиваешь, Государевой казны не крадешь.

Одинъ изъ толпы. То-то начальникъ: чистъ передъ Царемъ, какъ свѣчка

передъ образомъ Спасителя! Солдашская слеза на него не капешъ въ день судный.

Карла. Что-жъ онъ сдѣлалъ еще добраго?

Одинъ за другимъ. Онъ первый показалъ намъ, что Шведскія ружья не заколдованы. — Онъ первый шелъ въ огонь подъ Ересферомъ — и прорѣзывалъ намъ дорогу своею молодецкою грудью. — А гдѣ онъ шелъ, тамъ дѣлалась улица изъ Шведскаго полка.

Карла. Экой умъ! лба не жалѣешь за мамушку за церкву, за Царя-надежу. Какъ будто у него тройной черепъ! А я расскажу вамъ про одного: то-то разумникъ, то-то бисерный! Сначала, какъ услышалъ тревогу, такъ и убрался подъ пушку, а пошомъ — знаешь бомбардиръ ударилъ его бабникомъ...

Многіе. Поднесъ ему бомбардирскую закуску! Ха, ха, ха!

Карла. Пошомъ ускользнулъ онъ ко мнѣ въ обозъ. Лишь кончилась бѣда, онъ первый рассказывалъ, какъ дѣло шло,

гдѣ кто стоялъ, что дѣлалъ, какъ онъ пушки бралъ. Послушайъ его, такъ уши развѣсишь, поешь и распѣваешь, какъ жаворонокъ надъ пропалинкой.

Старый солдатъ. Видно, какой ни-будь мапушкинъ сынокъ, выросъ во хлопкахъ, да на молоко: по-телячьи и умрешь! Благодареніе Богу! въ нашемъ полку такимъ боярамъ не водъ.

Карла. А что вашъ Князь Михаилъ? сдѣлаешь дѣло на славу, да и молчишь. Ну кто бы зналъ про его храбрество?

Старый солдатъ. Какъ! кто бы зналъ? Не все хорошей славѣ на сердцѣ лежать, а дурной бѣжать; и добрая молва по добру и разносится. Опъ всего свяшаго Русскаго воинства нашему Князю похвала; Государь его жалуешь; ему честь, а полку вдвое. Мы про него и пѣсенку сложили. Какъ придемъ съ похода по домамъ, наши робята, да бабы будутъ величать его, а внучки подслушаютъ пѣсенку, выучатъ ее, да своимъ внукамъ затвердятъ.

Карла. (Запрыгавъ и забивъ въ ладоши) То-то молодецъ, то-то удалецъ! Умрешь, да не умрешь! (скидаетъ шляпу) станешь и въ Царствѣ небесномъ по правую сторону. Эка слава! эка благодать! Простите, ребятушки! не помяните меня лихомъ за ошибку.

Старый солдатъ. Ничего, Самсонычъ! мы вѣдаемъ, что ты пошучивалъ, а шупка вѣдь не убиваетъ, хоть она у тебя попадаетъ иногда не въ бровь, а прямо въ глазъ. Иной думаетъ, ты спросу, анъ у тебя шука, да загвоздка.

Карла. За прощеніе покажу вамъ утѣшеніе. Ужъ то-то шука!

Нѣсколько голосовъ. Покажи, Самсонычъ, покажи. Ты вѣдь запѣйникъ большой.

Старый солдатъ. Да ты чай, уснулъ, Самсонычъ? Садись ко мнѣ на колѣна, а ребяша въ кружокъ около тебя.

Нѣсколько голосовъ. Ко мнѣ, ко мнѣ, Самсонычъ!

Карла (оглядываясь). У старика со-

вѣспно сидѣть: вѣдь я тяжель, куда какъ тяжель! (Выбираетъ дюжаго, молодого парня изъ драгунъ и располагаетъ у него на колѣнахъ.) Люби ѣздишь, дружокъ, люби и повозишь. — Слушайте же, православные, да... (Отстраняешь нѣкоторыхъ рукою, чтобы ему не мѣшали видѣть Муннамегги).

Солдатъ. Что ни говори, а все кума на умъ!

Карла. Зазнобила сердечушко; только вы, ребяпушки, и заживите рану снадоблемъ пороховымъ, вырвите занозу шпыкомъ молодецкимъ. (Развертываетъ ландкарту Лифляндіи въ большомъ размѣрѣ, съ разными украшеніями.) Посмотрите-ка сюда!

Солдаты пожимаются около него, — смотрятъ на бумагу, иные черезъ плечо товарищей, и передаютъ, что они видѣли, тѣмъ, которые сзади ничего не могли видѣть.

Нѣсколько солдатъ, одинъ за другимъ. Вотъ это на одномъ углу гвар-

дейской солдашъ, на другомъ бомбардиръ, на третьемъ драгунъ, а на четвертомъ Калмыкъ — ахши, ребята! почъ впочъ Полковникъ Мурзенко! Чшо-жъ это за грамотка размалеванная, и что они дѣлать межъ собой?

Два солдата, постарше и посмышленѣе другихъ. Кружки со спруйками, одинъ болѣе другаго, словно озера! — Смотри-ка, братъ, будто жилки пекучъ, не урчайки ли ужъ, а можешь и рѣчки. — Здѣсь окрайницы, словно у Чудскаго — а шущъ перепутано нишей, нишей-то, подобно паушинѣ. Травки, бугорки, букашки, мурашки, крестники — и все съ подписями!

Карла. Это Лифлянды сведены на бумагу.

Нѣсколько голосовъ. Лифлянды? Стапошное ли дѣло?

Карла. А вы, не бось, думали, что Латышская земля и Богъ вѣсть, какой огромный край. Вотъ этого листика для него довольно, а для Россіи надобно

лишовъ сто такихъ. Хопите ли знать, гдѣ Юрьевъ ?

Молодой солдатъ. Юрьевъ ? покажи, Самсонычъ!

Карла, водя его палецъ. Не шутъ, вошъ здѣсь, поймалъ ! покрой же пальцемъ.

Мол. солдатъ. Не величекъ же ; а коли ладонь разверну, такъ чай цѣлый край захвачу.

Карла. Въспимо.

Стар. солд. Пора бы и ладонь расправишь.

Карла. А вошъ Ересферъ, гдѣ мы на новый годъ пощелкали Шведовъ.

Солд. Эка крохотка ! а, кажись, вечеръ и утро дрались.

Карла. Кругъ-то большой со струйками Чудское озеро ; на берегу его Рапинъ , откуда Михайла Борисовичъ выгналъ Шведовъ. (Беретъ карандашъ и замарываетъ нѣкоторыя мѣста.)

Солд. Это ты для чего дѣлаешь, Самсонычъ ?

Карла. Всѣ эши мѣста изъ счешу вонъ — за нами!

Солд. За нами? вошъ какъ славно! авось мы еще помараемъ.

Карла. А вошъ Медвѣжья Голова, да-лѣ Ракоборъ, Колыванъ...

С. Имена-то все Русскія, а въ Лифляндахъ спояшъ!

Карла. Эка ты башка! вѣдь всѣ Лифлянды въ старину были за Россією, за домомъ Пресвятыя Богородицы; города-то построены нашими благовѣрными Русскими Князьями, и плащили намъ дань. Въ смуты наши пришелъ Шведъ изъ-за моря — вошъ, смотрише, изъ-за эшого.

С. Отколь его окаиннаго несло! Видно, брашцы, изъ эшого моря выскакиваютъ Фараоновы люди и кричатъ проѣзжающимъ: долго ли намъ мучиться? скоро ли, скоро ли будешь преставленіе свѣта?

Карла. Шведъ, какъ пришелъ изъ-за эшого моря, засталъ въ располхъ на-

шихъ, да и завладѣлъ всѣмъ здѣшнимъ краемъ и свящую Церковь въ немъ разорилъ. За что-жь дерется нынѣ нашъ православный Батюшка (снимаетъ шляпу), Государь Петръ Алексѣевичъ, какъ не за свое доброе, за опчину свою давнюю? Видите, какъ она примкнула къ Россіи, будто съ нею срослась. Россія-то вправо, рубежъ зеленою каемочкою означенъ.

Солдатъ. Чуть-чуть рубчикъ видѣнь, да мы его сотремъ.

Другой. Стоять будемъ здѣсь, такъ сами скоро заплеснемъ. Подъ лежащій камень вода не подпечетъ.

Каряя. А теперь куда бы хорошо повѣдаться со Шведомъ! Скажу вамъ, ребятушки, вѣсточку горяченькую, только что съ пыла; я слышалъ ее самъ своими ушами въ спавкѣ Фельд-маршальской — да не выдайте-жь меня, братцы!

Многіе солдаты вѣстѣ. Станочное ли

дѣло, Самсонычъ? Вѣдь мы не некресши
какіе!

Карла (въ полголоса). Фельдмаршалъ
сидѣлъ вчера вечеромъ съ Княземъ
Михаиломъ, да съ Княземъ Василиемъ
Алексѣевичемъ Вадбольскимъ, да съ Ни-
кишою Ивановичемъ Полуекшовымъ.
Взяла меня охота подслушать ихъ: я и
пришайлся за полою спавки, какъ зай-
чикъ за кустомъ, и слышу, Борисъ Пе-
тровичъ говоритъ: »Поздравляю васъ,
господа! скоро у насъ походъ будетъ.
Я для этого къ вамъ изъ Пскова и
пріѣхалъ. Шлёпенбахъ задремалъ и ду-
маешь, что мы также заснули. Распу-
сшилъ онъ полки свои по хвашерамъ и
насъ, надежныхъ гостей, къ себѣ не
чаешь; а мы въ добрый часъ, да со
святою молитвою, нагрянемъ на него,
какъ снѣгъ на голову.

Нѣск. солдатъ одинъ за другимъ. Ра-
зобьемъ его въ пухъ. — Распрясемъ
его кармашки съ ефимками. — Возьмемъ

Лифлянды, свое старое доброе, опчину Царскую.

Карла. Тогда ему и воевать не съ кѣмъ будешь: вѣдь и офицеры-то у него лучшіе Лифляндцы; ужь сказать правду-машку, служатъ грудью своему Государю; а какъ нашему крестъ поцѣлюють, стануть также служишь, будутъ нашей каши прихлебатели. Поладимъ съ ними, забражничаемъ, заживемъ, какъ братья, и завоюемъ подъ державу Бѣлаго Царя всѣ земли отъ Ледянаго до Чернаго моря, отъ Азова до....

Толстый Нѣмецкій офицеръ, уча рекрушь, находитъ на толпу солдатъ, и разгоня ихъ палкой, кричитъ: Форшъ! форшъ! — Солдаты расходятся, толкая про себя: На бѣду окайннаго басурмана шупъ напкнуло! Не спросили мы, ребята, Самсоныча, когда-то скажущъ похоть?

Нѣмецкій офицеръ, запыхавшись. Рязъ, двіа, уфъ! ногъ више, die Spitzen nieder, уфъ! (Сердится, что рекруты его не

понимають, скидаешь съ себя въ досадѣ шляпу и парикъ, которые прясешь въ рукахъ, по выпянувшись, какъ аршинъ, ступаешь по журавлиному, по весь искобенившись, прыгаешь едва не въ присядку, по бьешь по поскамъ рекрутъ палкою.) О Шмерць!

Карла. Палочка здоровъ для Русска. Еще, еще прибавь. Кажись, ваша братья на муштрѣ собаку съели, а еще не дошли до хвоста. Кабы я былъ Нѣмецъ, подѣлалъ бы для ногъ станки, заставилъ бы ходить по натянутой стрункѣ, да прыгать на одной ножкѣ.

Нѣм. офицеръ, продолжая сердиться. О Шмерць! о безтолковъ Русска народъ! (толкаетъ съ дороги карлу.)

Карла. Эку шучу надвинуло! словно нареченная кума Муннамегги! Смощри, Каспаръ Адамовичъ, выучишь скалозуба Русскаго на свою голову, на бѣду своей братьи, имячку Шмерца. Передастъ онъ это прозваньице, какъ пѣсенку про Князя Михаила, въ роды родовъ. Въдѣ

Русскій проказникъ большой: зарубишь прпсказочку языкомъ, не сгладишь шерпугомъ; вступиши разомъ въ рамочку и выставишь на показъ на лобное мѣсто. (Идетъ далѣе, маршируя и приговаривая:)
Рязь, двѣа, ногъ више, спица ниже, брюко толсто, голоівко пусто! о Шмерць!
о Шмерць!

Немного отойдя, мишурный генераль посмотрѣлъ опять въ свернутую бумагу на гору Муннамегги и, какъ будто замѣшивъ на ней дымокъ, побѣжалъ опрометью въ разоренный городокъ Нейгаузенъ. При выходѣ изъ онаго ожидала его женщина лѣтъ сорока, высокая, сухощавая. Она одѣта была, какъ обыкновенно снаряжаются Чухонскія дѣвки въ праздничные дни; но, съ необыкновенною наружностію ея, одѣяніе сіе давало ей какой-то сверхъестественный видъ. На головѣ ея была повязка, подобная коронѣ, изъ стекляруса, золотымъ галуномъ обложенная; искусно сплетенный изъ васильковъ вѣнокъ об-

виваль чело ея, надвинувшись на черныя брови, изъ-подъ которыхъ сверкали каріе глаза, будшо насквозь проникавшіе; черныя, длинныя волосы падали космами по плечамъ; на груди блестяло серебряное полушаріе, на шеѣ — ожерелье изъ коралковъ; она была небрежно обернута бѣлою мантіею. Сквозь правильныя черты пожелтѣвшаго лица ея мелькали по временамъ глубокая задумчивость, или дикое, буйное веселіе. Голосъ ея порѣзалъ воздухъ, подобно крику вѣщей ишшицы, то былъ глухъ, какъ опъзывъ гробовой. Казалось бы, сіе необыкновенное существо должно бы въ спанѣ Русскомъ привлечь на себя жадное любопытство толпы. Напротивъ ни одинъ взоръ, ни одно движеніе не обличали сего любопытства. Чужеземка сія въ спанѣ находилась будшо въ своемъ селеніи, въ своемъ семействѣ. Всѣ отъ высшаго до нижняго чина знали ее по имени, разными знаками изъясняли ей свою пріязнь, называли ее родными име-

нами пепушки, сестры. Кто-жъ была она такая? Чухонская дѣвка, Ильза, маркипантша при корпусѣ Шереметева, уже два года отправлявшая сію должность. Никто скорѣе и лучше ея не могъ достать сладкаго лагернаго кусочка; не было для нея ни запрещеннаго, ни далекаго, ни скрытнаго. Для солдата имѣла она всегда искрометнаго шнабса и табаку попушника, еще недавно вошедшаго въ употребленіе, но уже нравившагося ему своимъ пріятнымъ головокруженіемъ; высшимъ чинамъ имѣла она угодишь хорошею анисовою водкой, животрепещущею рыбою, масперскимъ вареніемъ кофе, употребленіе коего начинали Русскіе перенимать у Нѣмцевъ, и мало ли чѣмъ еще! Къ тому-жъ исправляла она въ санѣ и должность Сивиллы: Генераль и профось равно вѣровали въ сего оракула. Говорили даже, что самъ Фельд-маршалъ не разъ призывалъ ее въ свою ставку гадать объ успѣхахъ Русскаго оружія. Она предсказала ему побѣду

подъ Еррасферомъ. Иные вѣрили смѣ слухамъ, другіе — и это была самая меньшая часть — ошискивали въ сихъ свиданіяхъ военачальника съ ворожеею причину не столь сверхъестественную; именно видѣли въ ней лазутчицу, передающую ему разныя вѣсти изъ Лифляндіи, которую она то и дѣло посѣщала. Мы не можемъ до времени утверждать ни того, ни другаго мнѣнія. Знаемъ только, что она въ два года умѣла принаровиться къ Русскимъ обычаямъ и выучиться нѣсколько Русскому языку, на которомъ говорила поподіамъ съ Чухонскимъ и Нѣмецкимъ, приправляя эту смѣсь солью любимыхъ поговорокъ народа, между коимъ хотя она и не родилась, но нашла пропитаніе, ласки и, можетъ быть, утѣшенія.

Среди обгорѣлыхъ стѣнъ опустошеннаго городка Нейгаузена видна была Ильза, одна, какъ привидѣніе. Длинною, сухощавою рукой манила она къ себѣ

наряднаго карлу; бѣлый хипонъ ея, удерживаемый другою рукой, парусилъ въ-перъ. Подлѣ нея стояла шельжка о двухъ колесахъ, въ кошорую запряжена была осѣдланная гнѣдая лошадка, съ космашою гривой, круглая, какъ шарикъ. Бойкое животное выглядывало по временамъ изъ-за маленькой, едва согнутой дуги, на свою повелишельницу, и попомъ нестерпѣливо ударяло копытомъ въ землю, но съ мѣста пронуться не смѣла, хотя и не была на привязи. По шельжкѣ разосплено было пышное ложе изъ свѣжей соломы. Пока бѣжалъ карла къ Ильзѣ, ее обступило нѣсколько солдатъ изъ караульни, помѣщенной въ развалинахъ одного дома. »Скажи-ка намъ слово и дѣло. — Поворожи-ка намъ на ручкѣ, шепушка! — Будешъ ли намъ шаланъ?» — кричали одинъ за другимъ, протягивая къ ней ручки, полновѣсныя и широкія, какъ у мясника. Сивилла, съ нестерпѣніемъ лошадки своей поглядывая на ожидаемый ею предметъ, осма-

привала попеременно простершыя къ ней ладони и приговаривала: »Линія карошъ, mein Kidchen! прямо въ Лифлянды! — Добре, очень добре! многа денегъ, богаша замокъ; домъ такой большой! о! поживъ будешъ великъ! мой не забудь тогда, голубчикъ!« — »Не забудемъ, не забудемъ!« — »Прощай, ребятушка!« (Здѣсь Ильза низко присѣла и послала рукою одному пригожему новобранцу поцѣлуй, заставившій его шяхнуть головою, какъ будто на немъ волосы были острижены въ кружокъ, и покраснѣть до бѣлка глазъ.) — »Куда-жь ты спѣшишь, шепушка?« — »Все шепушка! я молода дѣвочка.« — »Ну скажи, сестрица-голубушка, куда?« — »Съ моей любезный Самсонычъ на Муннамегги, поколдовать для большой, большой Генералъ.« — »А, га! смѣкаемъ! поспѣшеньица вамъ желаемъ.« Солдаты воропились въ караульню и продолжали между собою говорить: »Видно бытъ походу, брашцы! линіи-то выходятъ у

всѣхъ на Лифляндѣ, и въшеровъ шуда по-
зываетъ.»

У входа въ опустошенное мѣстечко
стоялъ на часахъ солдакъ изъ рекрутъ,
недавно прибывшій на службу; а какъ
Фельдмаршалъ пріѣхалъ только нака-
нунъ изъ Пскова, то новобранецъ и
не имѣлъ случая видѣть его карлу. Долго
всмащривался онъ издали въ маленькое,
ползущее животное, на которомъ развѣ-
вались павлиныя перья; наконецъ при-
мѣтивъ галуны на шляпѣ, украшенія на
груди и шпагу, онъ закричалъ: Кто
идетъ? — »Солдакъ!» бодро отвѣчалъ
Голіафъ. — Пароль? — »Троицынъ мо-
настырь!» Извольте идти, ваше Благо...
Высоко... Перевос... ходишельство, какъ
васъ звать? Да, просните меня, вино-
вать! я думалъ, что вы птица. — »Пти-
ца? птица? только не тебѣ спрѣлать
ее, молокососъ!» сердито проворчалъ ми-
шурный генералъ, и обратился съ важ-
нымъ поклономъ къ Ильзѣ, которая, не
говоря ни слова, сдѣлала ему глубокий

книксенъ, длинными руками схватила его въ охапку, посадила бережно на шельжку и мигомъ вспрыгнула на сѣдло. Борзая лошадка, слышавъ на себѣ повелительницу свою, понеслась съ мѣста и засыпала ногами, какъ по шку дружная молодьба. Скоро колесница, изъ которой едва торчалъ панашъ рыцаря *веселаго образа* и надъ которой господствовала корона Сивиллы, начала исчезать изъ виду и наконецъ совсѣмъ погрузилась въ двойственный мракъ отдаленія.

Глава третья

ОФИЦЕРСКАЯ БЕСѢДА.

Впередъ, впередъ моя исторія!

Пушкинъ.

Между тѣмъ въ развалинахъ замка собралось нѣсколько офицеровъ, большою частію начальниковъ разныхъ полковъ. Вмѣсто стульевъ каждый избралъ себѣ по удобности камень, или опломокъ стѣны. На-лѣво отъ входа изъ лагеря, въ тѣни, далеко ложившейся на землю ошъ уцѣлѣвшей въ сей сторонѣ ограды, сидѣли другъ къ другу лицомъ, придерживая на колѣнахъ шахматную доску, Преображенскаго полку Маіоръ Карповъ и драгунскаго своего имени

Полковникъ Князь Вадбольскій. Наружностію своею они составляли живописную противоположность, хотя оба извѣстны были равными душевными достоинствами. Въ одеждѣ, разговорахъ и обращеніи перваго замѣчалась, если не совершенная Европейская образованность того времени, по крайней мѣрѣ, близкое подражаніе ей. Кажется, онъ былъ изъ числа тѣхъ молодыхъ Русскихъ дворянъ, которыхъ Петръ посылалъ путешествовать. Слѣдуя Французской модѣ, онъ носилъ на головѣ русый, со щипаніемъ причесанный парикъ, съ коего пышные локоны небрежно свивались и развивались по плечамъ; на пріятномъ, дышащемъ свѣжестію лицѣ его едва означались тонкіе усики. Онъ былъ въ темнозеленомъ мундирѣ съ узенькимъ, въ полувершокъ, опложнымъ ворошикомъ, съ огромными, въ маленькой грецкой орѣхъ, душими изъ мѣди и позолоченными пуговицами, прикрѣпленными ремешками на правой полѣ, на обшлагахъ рукавовъ, на

клапанахъ и спинкѣ, въ двѣ четверти шириною, собранной множествомъ складокъ. Весь мундиръ по краямъ обложенъ былъ золотымъ позументомъ. На правомъ плечѣ висѣлъ золотой шнурокъ, цѣпляясь за такую же въ горошину пуговицу; на груди вздувался серебряный знакъ съ вызолоченною армашурою и съ цифрою 1700, означавшею годъ взятія Азова. Камзолъ, нѣсколько сжимавшійся прошивъ мундира и короткое исподнее плащье, очень удобное для бального представленія, были изъ темнозеленаго же сукна, ярко перерѣзывавшаго красный цвѣтъ чулокъ. Въ погдашнее время не было еще мудрыхъ ваксо-изобрѣтателей, и пошому на Маіоръ Преображенскаго полку не блестѣли чернокожаные башмаки, вѣроятно вычищенные просто простымъ масломъ съ сажею. За то пушокъ не смѣлъ пастъ на мундиръ его: въ такой онъ содержался чистотѣ! Князь Вадбольскій былъ безъ мундира, безъ камзола и галстука—въ пестрой, распашной

рубашкѣ съ косымъ воротомъ, на ко-
емъ горѣла богатая изумрудная запон-
ка. По косматой, широкой груди его ви-
сѣлъ наперсный, серебряный крестъ не-
обыкновенной величины. Смуглое, рябова-
тое, неправильное лице его было залито
доброшою и благородствомъ души. Слова
его, неподслащенные, безъ украшеній,
считались вѣрнѣе крѣпостныхъ актовъ;
оныя замѣняли въ устахъ его: *ей, ей, да
будетъ лиѣ стыдно!* За то и дружба его
была не ходячая монета: ею дорожили,
какъ безцѣннымъ оружіемъ, которое на
важный случай берегутъ. — Игроки углу-
бились въ игру свою. На челѣ и устахъ
ихъ смѣнялись, какъ мимолетающія облака,
глубокая дума, хитрость, улыбка самодо-
вольствія и досада. Ходы противниковъ
слѣдилъ большими, выпуклыми глазами и
жаднымъ вниманіемъ своимъ Полковникъ
Лима, родомъ Венеціанецъ, но обычаями
и языкомъ совершенно обрусѣвшій. Онъ
облокопился на колено, погрузивъ разло-
женные пальцы въ сѣдые волосы, выби-

вавшіеся между ними густыми попоками, и открылъ такимъ образомъ высокій лобъ свой. Далѣе ихъ, на кругломъ большомъ обломкѣ стѣны, упавшемъ на другой большій отрывокъ, изъ коихъ образовалась площадка и лѣстница о двухъ ступеняхъ, на разоспавшей медвѣжьей шкурѣ, лежалъ, какъ памятникъ, обхвативъ правою рукою барабанъ, Семенъ Ивановичъ Кропотовъ. Голова его упала почти на грудь такъ, что за шляпою съ прѣмь острыми углами ея и густымъ, чернымъ парикомъ, едва замѣтенъ былъ Римскій обликъ его. Можно было подумать, что онъ дремлетъ; но когда приподнималъ голову, замѣтна была въ глазахъ скорбь, его преодолевавшая. Ниже его сидѣлъ на ступенькѣ Никиша Ивановичъ Полукшовъ: онъ изрѣдка подстерегалъ его движенія, стараясь проникнуть въ нихъ тайну, ему въ первый разъ неопкрытую. Довольно высоко отъ земли, на уступѣ ограды небрежно расположился пригожій, молодой

Дюмонъ. Живость, любезность и оспроуміе его націи блесѣли въ его глазахъ; по разгорѣвшимся его щекамъ развѣвались полуденнымъ вѣтромъ бѣлокурые локоны. Онъ то игралъ на гитарѣ припѣваячи, то любовался въ задумчивости прекрасною окрестностью, передъ нимъ разоспланною.

Дюмонъ родился въ Провансѣ. Бѣдный и предпріимчивый, онъ пріѣхалъ въ 1695 году искать приключеній въ Россіи, спрантъ, еще съ именемъ варварской, попытать въ ней счастья, и надѣялся, можешь быть, мимоходомъ напкнуться на славу. Съ первымъ шагомъ его на землю Русскую, ему предложено было вступить въ ряды осаждавшихъ Азовъ. Служа за честь, хопя и не за свое опечесиво, онъ былъ одинъ изъ первыхъ на всѣхъ приступахъ сего города, одинъ изъ первыхъ вошелъ въ него побѣдителемъ, за что при случаѣ былъ Царю представленъ Гордономъ, какъ отличнѣйшій офицеръ его отряда. Въ тогдашнее время зави-

спливые и недостойные искатели форшуну, сѣи шмели государства, не смыкались еще въ грозныя фаланги, чтобы заслонить собою заслугу, не разсыпались по разнымъ пущамъ, чтобы перехватишь достоинство и вшоппаться въ грязь цвѣтъ, обѣщавшій плодъ, для нихъ опасный. Служившіе головою и грудью смѣло шли впередъ, не думая угодишь единственно лицу начальника, не боясь за то названія людей безпокойныхъ. Петръ Великій, который только черезъ спользіе имѣлъ себѣ Ровесника, видѣлъ все своими глазами, все зналъ и рукою вѣрно назначалъ каждому свое мѣсто по старшинству ума, труда, познаній и душевныхъ достоинствъ, а не по степени искаательства и рода. »Князь Никита — говорилъ онъ своему любимцу, который испрашивалъ одному знашному человѣку мѣсто не по его способностямъ — *хотя и достоинъ той чести и сердца добраго, только не его дѣло.*» Можно судить, что Государь съ такимъ сужденіемъ не замедлил на-

градишь храбраго Дюмона. При образованіи регулярной конницы, ему данъ и названъ по имени его драгунской полкъ. Съ добрымъ сердцемъ и живымъ умомъ онъ не могъ также не быть любимъ товарищами. Солдаты, одушевленные быспрошою его движеній и рѣчи, преданные ему за опеческія о нихъ попеченія, за внятное и терпѣливое изъясненіе обязанностей службы, и особенно за то, что онъ одинъ изъ иностранцевъ ихъ корпуса посилъ на шеѣ мѣдный солдатскій крестъ, горѣли неперпѣніемъ, въ честь начальника своего, окрещеннаго любовію ихъ къ нему въ Дымонова, скусить не одинъ папронъ и порубиться на славу со Шведомъ. Честно и молодецки выполнили они свою обязанность при Эррасферь.

Пониже Дюмона покачивался на барабанѣ, бокомъ положенномъ, Капитанъ Преображенскаго полку Глѣбовской, молодой и наружности привлекательной. Чистымъ, пріятнымъ голосомъ вторилъ

онъ мастерски Прованскому трубадуру. У ногъ его сидѣлъ, сложивъ свои подѣ себя крестообразно, Бутырскаго полку солдатъ, небольшого роста, худощавый. Сѣдые волосы его были острижены въ кружокъ и кваскомъ приглажены; густыя брови нависли надъ сѣрыми глазами, прыгавшими будто на проволоку. Онъ держалъ двухструнную балалайку, на которой пальцы его перебѣгали, какъ молнія. Иногда вслушивался онъ пристально въ голоса Дюмоновыхъ пѣсней и разомъ переводилъ ихъ на свой бѣдный, но послушный ему инструментъ. Этого чудотѣи былъ Филя, рошый скоморохъ и сказочникъ. Не смотря на смѣлость его въ обращеніи и колкость языка его, зацѣплявшаго иногда за живое, офицеры любили его и, по видимому, ободряли вольное его съ ними обхожденіе.

Правѣй отъ шахматныхъ игроковъ сидѣли на двухъ скамейкахъ, на которыхъ постланы были аккуратно два кльм-

чашыхъ носовыхъ плашка, старые Полковники фонъ Вердень и фонъ Швединъ, первый въ пестромъ бумажномъ колпакѣ, кожаномъ колешѣ изъ толстой лосиной кожи, въ шпиблесахъ съ огромными привязными распрубами, другой съ обнаженною, какъ полный мѣсяцъ, лысиною, при всей формѣ пѣхопінца. Куря табакъ, они разсуждали о полипикѣ. По дыму трубокъ ихъ, по усиливавшемуся, какъ вспышка Эпны, по почти умиравшему, можно было судить о степени ихъ душевнаго волненія, производимаго важнымъ разборомъ правъ 60-го Генриха на наслѣдованіе престола Рейсъ-Эберсдорфъ-Лобенштейнскаго. Къ одному выходу изъ замка разложенъ былъ огонекъ, уже потухавшій. Обгорѣлый шестъ, котораго концы опирались на двухъ камняхъ, держалъ мѣдный кошелокъ съ водою; одинъ изъ этихъ камней обставленъ былъ сковородою съ оспатками изжаренной съ лукомъ жирной почки, облупленнымъ подносомъ съ изукрашеннымъ золошымъ

цвѣтами карафиномъ, съ двумя серебряными чарами, расписанными чернью, работы Успенской, и узорочною серебряною брашиною *сб* кровлею, вѣроятно жалованною Царями кому нибудь изъ родителей собесѣдниковъ при *милостивомъ словѣ*. Широкоплечій драгунъ съ огромными усами и въ засаленной рубашкѣ, стоя на одномъ колѣнѣ, обмывалъ въ деревянной чашѣ оловянную посуду. Сей уголокъ отъ сцены въ замкѣ показывалъ, что собесѣдники недавно подкрѣпили силы свои доброю закускою. Близъ походнаго кухмейстера стоялъ почтенный спарець Айгусповъ, опиравшійся изсохшими жилистыми руками на палашъ. Улыбка дѣтской непорочности порхала на устахъ его: онъ любовался тихимъ пламенемъ, переливавшимся по угольямъ. Изрѣдка шевелилъ онъ ихъ концемъ палаша, стараясь разбудить дремлющій огонекъ. Прислонясь запылкомъ къ спѣнѣ и распянувшись на голой землѣ, спалъ похрапывая Ташарскій наѣздникъ Мурзенко.

Въ угодность Царю-Преобразователю, онъ сдѣлался по наружности казакомъ; но большая голова, вросшшая въ широкія плеча, смуглое, плоское лице, на коемъ едва означались мѣста для глазъ и поверхность носа, какъ на куклѣ, ребячески сдѣланной, маленькія толстыя руки и такія же ноги, приспавленные къ огромному туловищу: все обличало въ немъ степнаго жителя Азии. Хитрость писалась рѣзкими чертами на лицѣ его; казалось, она и во снѣ его не покидала. Мурзенко славился въ войскѣ Шереметева лхымъ наѣздничествомъ, личною храбростью, умѣньемъ повелѣвать своими Калмыцкими и Башкирскими сопнями, которыя на грозное гиканье его летѣли съ быспрошою стрѣлы, а нагайки его боялись пуще гнѣва Пророка, или самодѣльныхъ божковъ; онъ славился искусствомъ слѣдить горячія ступни враговъ, являясь вездѣ, гдѣ они его не ожидали, давать Фельдмаршалу вѣрныя извѣстія о положеніи и числѣ непріятеля, палить деревни

мызы, замки, наводилъ ужасъ на цѣлую страну. Такими качествами успѣлъ онъ приобрести отличное вниманіе начальства и Государя до того, что удостоился чина Полковничьяго, и умѣлъ сдѣлать себѣ такое грозное имя въ Лифляндіи, что дѣти переставали плакать, когда его поминали.

Общество сіе было въ гостяхъ у Князя Вадбольскаго, и въ ожиданіи трубной повѣстки, по которой всѣ начальники полковъ должны были немедленно явиться къ Фельдмаршалу, разговаривали о важныхъ и смѣшныхъ предметахъ, пѣли, играли и не забывали изрѣдка круговой чары.

— Что ты дѣлаешь съ рукою своею? спросилъ Дюмонъ Никипу Ивановича Полуектова, который, поднявъ руку, держалъ ее нѣсколько времени въ такомъ положеніи.

— Пытаю, откуда вѣтеръ подуваетъ! сказалъ Полуектовъ. Не попушный ли для моего желанія? Такъ точно! Съ

полудня! Помнишь ли свое обѣщаніе, соловушко Французскій?

Дюмонъ. Довольно, хоть чижъ Прованскій! Какое же обѣщаніе, Полковникъ?

Полуктовъ. Когда въперъ швоей родины подуешь, спѣшь намъ пѣсенку...

Дюмонъ. О прекрасномъ пажѣ Короля Рене? Помню, помню, и готовъ исполнить желаніе ваше, только боюсь, чтобы меня не спалъ передражнивать Вадбольскій, какъ онъ дѣлалъ это нѣкогда въ Москвѣ, въ домѣ Князя Черкаскаго.

Полуктовъ. Злодѣй! Да еще при милостивой дочкѣ Княжеской, при цѣлой вереницѣ пригожихъ дѣвушекъ!

Дюмонъ. Вотъ это-то и лежишь у меня на сердцѣ. Правду сказать, любя Россію, пригрѣвшую меня подъ крыломъ своимъ, любя вашъ сладкій, звучный языкъ, созданный, кажется, для Поэзіи, я съ того времени старался исправиться. Вы это знаете, господа!

Карновъ. Мы знаемъ, что любезный нашъ Полковникъ Дюмонъ не прене-

брегаешь ни языкомъ, ни обычаями нашими. Король беретъ пѣшку на 3 клѣткѣ коня своего.

Лима. Все кончено! Дождь пропалъ.

К. Вадбольскій. До времени молчокъ, любезный Юрій Сшенановичъ! Ферзь на 4 клѣткѣ ладьи: шахъ Королю!

Карповъ. Король решируется.

К. Вадбольскій. Теперь и я скажу: даль зѣвка, братъ Карповъ! Ферзь на 2 клѣткѣ слона. Королю шахъ и матъ!

Карповъ. Поздравляю: побѣда за вами!

К. Вадбольскій. Исполать! теперь поразвѣдаемся и съ пѣвуномъ. Кажется, рѣчь была о Вадбольскомъ, который неосторожно когда-то, во времена оны, посмѣялся надъ тѣмъ, что не-Русскій конверкалъ въ пѣснѣ Русскій языкъ. Грѣхъ упаншь: надрывался азъ грѣшный отъ смѣху, когда эшопъ любезникъ пѣлъ: Прости, зеленый лукъ! Гдѣ ты мыла, другъ? и многое множество тому подобнаго.

Дюмонъ смѣется.

Часть II.

К. Вадбольскій. Самому теперъ смѣшно! Тогда и мнѣ не было грустно, и я поджималъ живописки. Винавать, буду и впередъ то же дѣлать, когда случай придетъ. А то, не ужь ли, скорчивъ личину, подѣхавъ было мнѣ къ вамъ, сударь, съ шурусами на колесахъ и обратиться съ слѣдующею рѣчью: »Ахъ! мой милый, мой почтеннѣйшій, мой наибезцѣннѣйшій, Осипъ Осиповичъ! какъ вы прекрасно изволите объясняться на Русскомъ! Не можешь спать, чѣмъ вы прожили только чепыре года въ Россіи! Не повѣрю этому, воля ваша. Вы настоящій урожденецъ здѣшній. По крайней мѣрѣ, *тятенька*, или ваша маменька не жила ли въ Россіи? Ахъ! сколько вы чести дѣлаете нашему народу — ошибся — нашей грубой, варварской націи, вставляя въ такую низкую оправу такой драгоценный алмазъ! Ахъ!». . . Еще ахъ! Тутъ пошли бы Тудины лобзанія, брагскія пожиманія руки. . . а лишь за спѣнку, такъ не только росписалъ бы сажею

нарѣчіе друга закадышнаго, да и всѣ кишечки-бѣ его вымылъ. Дѣды и опцы не помѹ насѹ учили. По нашему: смѣшно, такѹ смѣйся, груди легче и сердцу веселѣе; дурно, поправѹ; а когда не слушающѹ, плюнь, да опойди опѹ зла; нездорово, такѹ помоги; грустно, такѹ погрусти немного, а хандрѹ воли не давай, какѹ нашѹ Семенѹ Ивановичѹ, буди не къ вечеру сказано...

Полуектовѹ, обращаясь къ Кропотову.
Христосѹ съ побой! Здоровѹ ли ты, другѹ?

Кропотовѹ. Тѣломѹ здоровѹ, только духомѹ упалѹ, какѹ баба. Такая грусть, такая шоска на меня напала нынѹ, хотѹ бы бѣжалѹ въ воду.

К. Вадбольскій. Ге, ге! не бѣлены ли ты объѣлся, Семенѹ, что собираешься не Христіанскою смертѹю умереть? Лучше положишѹ живомѹ на полѹ бранномѹ, сидя на конѹ ворономѹ, съ палашемѹ въ рукѹ, обмытымѹ кровѹю враговѹ опечесѹтва.

Кропотовъ. Смерти не боюсь; въ жизни бывають обстоятельства мучительнѣе ея.

К. Вадбольскій. Развѣ совѣсть своя не чистенька? Не вѣрю этому. Незмѣнный слуга Царскій, православный Христіанинъ словомъ и дѣломъ, хорошій мужъ, добрый отецъ...

Кропотовъ, съ горькою усмѣшкою. Добрый отецъ!... Прекрасный... образецъ отцамъ!

Полукотовъ. Полно, Князь Василій, его расшевеливать: видишь, ему не по себѣ.

К. Вадбольскій. Чшо-жь? у него болитъ сердце, можешь бышь, къ радостной вѣсти о походѣ. (*Поетъ*), Тра, ра, ра! Въ литавры забьютъ и въ трубы затрубятъ. Гаркнушь: на коней! и съ нашего Сени хандра, какъ съ гуся вода.

Мурзенко, протирая себѣ глаза. На коня? Кто, что?

К. Вадбольскій. Мимо проѣхали! Спи себѣ, Мурза, покуда есть время спать; можешь бышь, ночью и некогда будешь.

Теперь мы сражаемся съ своими. Дай-ка перевѣдашься мнѣ съ Дюмономъ, а шамъ примемся за Семена: онъ свой братъ, подождешь.

Дюмонъ. А меня развѣ не считаете своимъ? Вѣрьте, Полковникъ, что вы хотя иногда жестконько меня побраниваете, но я за то не менѣе преданъ вамъ и гошовъ...

К. Вадбольскій. Доказать? Ты ужь доказалъ, другъ, лучше словъ. Помнишь, Никиша Ивановичъ, подъ Эррасмферомъ?

Полуктовъ. Какъ не помнишь! Мы не въ узахъ, въ станѣ Русскомъ. Этимъ обязаны нашему храброму товарищу.

Дюмонъ. Стѣишь ли объ этомъ говорить? Кто въ войскѣ нашемъ не сдѣлалъ бы того же? Но — господа! вы просили меня о пѣсенкѣ...

К. Вадбольскій. Нѣтъ, братецъ, ты меня за живое задрлъ. Теперь не взыщи, дай мнѣ спѣть свою пѣсенку; швоя будешь впереди. Мы Русскіе простиачки: сдѣлай-ка намъ добро, умѣемъ чувство-

вашь его, хопь не умѣемъ разсыпаться мелкимъ бѣсомъ. Фонъ Верденъ! шы еще не слыхалъ этой *гисторіи*?

Ф. Верденъ, кашляя. Нѣшь еще, высокоблагородный каспадинъ Полковникъ!

К. Вадбольскій. Въ эшихъ Высокоблагородіяхъ, да Высокородіяхъ чоршъ ногу переломишъ. Иной бы и сказалъ: высокой такой-то, а сердце наперекоръ твердишъ: низкородный и даже уродный. Ой, ой, вы Нѣмцы! все любите чинами шишуловаться. По нашему: *братецъ*! оно какъ-то и чище и короче. Послушайте же меня, господинъ Полковникъ Фонъ Верденъ: для васъ эта *гисторія* будетъ любопытна. Вѣдь, вы подъ Эррасмфетромъ не были?

Ф. Верденъ, потирая себѣ руки. Не имѣлъ чеспи.

К. Вадбольскій. Мы, благодаря Господа и небесныя Силы, сподобились этой чеспи (*крестится*). Да будетъ первый день нынѣшняго года благословень ошъ внуковъ и правнуковъ нашихъ! Взыграю

отъ него сердце и у Батюшки нашего Петра Алексѣевича. И какъ не взыграть сердцу Русскому? Въ первый еще разъ тогда наложили мы медвѣжью лапу на Шведа; въ первый разъ почесали ему затылокъ такъ, что онъ до сей поры не опомнится. — Вотъ видишь, какъ дѣло происходило, сколько я его видѣлъ. Когда обрѣли мы непріятеля у деревушки въ боевомъ порядкѣ...

Ф. Верденъ, обращаясь къ Карпову съ видомъ недоумѣнія и язвительною усмѣшкою. Боевой парятокъ? Капится, этого шерминъ нѣтъ...

Карповъ. По вашему это значитъ въ ордерѣ де баталіи.

К. Вадбольскій. Охъ, Батюшка, Петръ Алексѣевичъ! однимъ ты согрѣшилъ, что нашъ языкъ и наружность обасурманилъ: нарядилъ ты оба въ какіе-то алонжевые парики. Ну, да за то, что просвѣщаешь наши умы, за твои великія дѣла Богъ тебя простишь! Буди же по твоему, Фонъ Верденъ! Слушай же мой

дискурсъ. Когда обрѣли мы непріятеля въ ордерѣ баталіи и увидѣли, что regimenty его шли въ такой алліенціи, какъ на муштрѣ, правду сказать, сердце іокнуло не разъ у меня въ груди; но призвавъ на помощь Свяшую Троицу и Божью Матерь Казанскую, вступили мы, безъ дальнихъ комплиментовъ, съ непріателемъ въ рукопашный бой. Войско наше, яко не практикованное, кътому-жъ и пушки наши не приспѣли, скоро въ конфузію пришло и ретироваться спало. Викторія Шведамъ формально фа-во-ри-зи-ро-вала. Желая съ Полуектовымъ персонально сдѣлать диверсію важной консеквенціи, и надеясь, что она будетъ имѣть добрый сукцесъ, рѣшились мы съ нимъ въ конфиденціи: въ принципіи апшаковать... Уфъ, родные, окапите меня водою! Мочи нѣтъ! не выдержу, воля ваша! Понимай меня, или не понимай, Фонъ Верденъ, а я буду говорить на своемъ родномъ языкѣ. Вотъ видишь, насъ съ Полуектовымъ не-легкая понесла прямо на шичины, ко-

порыми окружена была мыза; мы хотѣли спѣшишь своихъ и по-Русски махнушь черезъ заборъ. Не тушь-то было! Шведскія дуры изъ-за него плюнули въ насъ шакъ, что мой воронокъ — славный конь былъ покойникъ, честно и палъ! — свернулся на бокъ и меня порядочно придавилъ. Никнись не было легче, какъ онъ сказывалъ послѣ. Одинъ окаленный Шведъ собирался уже попросишь меня, а другой сдиралъ съ шеи вошь эшотъ серебряный крестъ съ ладонкою, подаренный мнѣ бабушкой и крестною матерью Анфисою Паприкѣвною, — дай Богъ ей царство небесное! »Вражья сила тебя никогда не одолѣеть, пока будешь носишь его!« сказала она, благословляя меня эшимъ крестомъ. Я вспомнилъ слова ея, и шолько что успѣлъ скусить палець разбойнику Шведу шакъ, что и крестъ выпалъ у него изъ рукъ — вдругъ зазвенѣлъ надо мною знакомый голосъ: »Сюда, сюда, дѣшушки! спасайте Князя Вадбольскаго, спасайте Полуектова.«

Окаянные опскачили опъ меня... слышу: фишь, фишь, чикъ, чикъ, хлопъ!... вслѣдъ за этимъ назади изъ нашихъ пушекъ понукивать стали. Узналъ родныхъ по зыку ихъ: вѣдь онѣ, брашцы, вылипы изъ колоколовъ Московскихъ. Вмѣсто Шведовъ явились передо мною два дюжихъ драгуна Дюмонова полку, выпасили меня изъ-подъ мертвой лошади и посадили на Шведскаго коня. Злодѣй, хотъ и скопина, врѣзалъ меня въ басурманскій полкъ, но шутъ осынили меня знаменами Русскія. Наши гнали, Шведъ бѣжалъ. Палашъ мой на себя охулки не положилъ. Въ тотъ же день подъ сѣнью этихъ святыхъ знаменъ опслужили мы благодарственный молебенъ Спасу Милоспивому и Пречистой Его Матери за первую славную побѣду, дарованную намъ надъ Шведами и опречь того за избавленіе меня опъ позорнаго плѣна. Вотъ нашъ съ Полуектовымъ избавитель! (Указываетъ на Дюмона.)

Дюмонъ. Не для васъ, господа, а

для чести моей я спѣшилъ васъ выручитьъ.

К. Вадбольскій. Что у тебя было на душѣ, пріятель, мы не знаемъ и не хотимъ знать. Чужая душа въ потемкахъ: Богъ одинъ провидѣцъ и судья ея. Человѣкъ же долженъ судить ближняго по дѣламъ его, а не по догадкамъ своего уразумѣнія, часто криваго, и сердца, не рѣдко ненавистнаго. Добро называю добромъ, и не разбираю, почему и какъ оно сдѣлано. Такъ и мы съ Полуектовымъ вѣдаемъ, что мы, по милости твоей, остались живы, да здоровы, и не охаемъ въ Штокгольмской тюрьмѣ, гдѣ не нашему чеша братья донынѣ помятятся медленною смертію, гдѣ ржа цѣпей грызетъ ихъ кости.

Дюмонъ. За избавленіе ваше скажите спасибо еще вопъ этой живой куклѣ. (Онъ показалъ на дремлющаго Мурзенко.)

Полуектовъ. Ему-жъ за что?

Дюмонъ. Не его ли благодарилъ Фельд-маршалъ за спасеніе нашего отряда съ

артиллерією, которую онъ вывелъ лучшейшею дорогою изъ снѣговъ? Не за этошъ ли подвигъ онъ пожалованъ въ Полковники?

Карновъ. Правду сказать, если бы не приспѣла въ добрый часъ наша артиллерія, насъ всѣхъ положили бы лоскомъ на мѣстѣ.

Мурзенко, зѣвая. Аги, ага! Твоя про моя говоритъ? Нѣтъ, Полковникъ, моя не знала дорогъ, а у моя была проводникъ хорошъ. Спроси Юрій Степановичъ: его шла тогда съ пушкою.

Лима. Правда. Если-бъ не вожапый, о которомъ говоритъ Мурза, то Богъ знаетъ, что съ нами бы случилось. Вотъ какъ было дѣло: Чуть брезжилось передъ разсвѣтомъ. Господинъ Фельдмаршалъ подвигался съ отрядомъ нашимъ къ Эрраспферу; но услышавъ, что въ авангардѣ начиналъ завязываться бой, поручилъ мнѣ вмѣстѣ съ Мурзою привести, какъ можно поспѣшнѣе, на мѣсто сраженія артиллерію, которая за снѣ-

гомъ и нагорными дорогами опспала отъ головы войска; самъ же, отдѣливъ отъ насъ почти всю кавалерію, кромѣ полка моего и Тапаръ, поскакалъ съ нею впередъ. Фельдмаршалъ будто унесъ съ собою хорошую погоду. Едва потеряли мы его изъ виду, какъ небо застлала огромная туча, сначала запорошила снѣжокъ, но вдругъ усилившись, посыпалъ рѣшепомъ. Съ этимъ поднялся вѣтерокъ и завершѣла мятелица. Дорогу начало замешать и скоро совсѣмъ зашкало. Кромѣ снѣговой сѣти ничего не было видно. Лица солдатъ примѣтно измѣнились: они вспомнили о снѣгѣ, ослѣпившемъ ихъ подъ Нарвою. Къ несчастію нашему проводникъ, Лапышъ, добытый Мурзою, сбился съ дороги. Въ опчаяніи онъ спалъ мешаясь въ разныя спороны и наконецъ, измученный, палъ на снѣгъ. Кровь хлынула у него изъ рта и ушей. Я подъѣхалъ къ нему — онъ былъ уже мертвый; одна минуша, и надъ нимъ возвышался только снѣжный бугоръ. Пораженные симъ зрѣ-

лицемъ солдапы останоились: казалось, холодъ его смерти перешелъ въ нихъ. Что до меня, признаюсь, не помню, что-бы я когда-либо испыталъ подобную муку. Не за жизнь, а за честь свою я опасался. Опрядъ былъ поручень мнѣ. Съ морозомъ, думалъ я, Русскій солдапы совладѣешь; но я могъ не поспѣть въ дѣло: со мною была главная сила Русскаго войска, артиллерія... судите о послѣдствіяхъ. Несчастіе мое причли бы къ измѣнѣ: я иностранецъ...

Карповъ и Кропотовъ. Мы давно это забыли, Юрій Степановичъ!

Полукотовъ. Давно уже ты братъ нашъ и службою и сердцемъ.

К. Вадбольскій. Ты только по нашему не крестишься.

Лима. Благодарю за дружбу вашу; увѣренъ въ вашемъ хорошемъ мнѣніи обо мнѣ; но вы... не цѣлое войско Русское. Ктому-жъ я извѣдалъ духъ Русскихъ: съ молокомъ мапернымъ они сосупъ уже высокое мнѣніе о себѣ; они знаютъ силу

свою; знаюшь, что побѣждать могутъ и должны — и потому всякую неудачу, всякое несчастіе приписываютъ къ измѣнѣ. Начальникъ Русскаго войска изъ иностранцевъ, сверхъ качествъ, требуемыхъ отъ него, какъ отъ полководца, долженъ еще быть счастливымъ. Одна неудача — и онъ пропалъ въ общемъ мнѣніи. Боже! не дай мнѣ дожить до подобнаго опыта. — Мысль, что меня почтутъ предателемъ, мучила меня болѣе казни. Время было дорого, друзья мои! Я рѣшился идти прямо въ ту сторону, откуда слышна была пальба, все усиливавшаяся. Мы поворожили уже влѣво цѣликомъ, и радовались, что колеса шли легче по ледяному черепу, принятому нами за дорогу, какъ вдругъ сквозь сѣющій снѣгъ увидѣли быстро двигавшуюся фигуру. »Стой!« гаркнула она по-Русски и спала передо мною и Мурзой. Здѣсь могъ я разглядѣть, что это былъ мужчина высокаго роста, въ короткомъ плащѣ изъ оленьей кожи, въ высокой шапкѣ, на лыжахъ, съ

шестомъ въ рукѣ. »Что тебѣ надобно ?« спросилъ я его, не зная, чему приписать необыкновенное явленіе этого чловѣка. »Оврагъ — и смерть !« произнесъ онъ глухо, ухватилъ мою лошадь за узду, осадилъ ее, сдѣлалъ шага два впередъ, спалъ на одно колено, далъ знакъ казаку, чшобы онъ подержалъ его за конецъ плаща, и могучею рукою разворошилъ шестомъ бугорки, передъ нами стоявшіе. Боже мой ! въ какой ужасъ я былъ приведенъ, когда увидѣлъ, вмѣсто снѣжныхъ возвышеній, узенькій, но глубочайшій оврагъ, заросшій сверху рѣдкимъ кустарникомъ, по которому падая, густой снѣгъ засплалъ пропасть. Изъ глубины души благодарилъ я Бога за спасеніе наше ; солдаты, подошедшіе къ окраинцѣ оврага, крестились. »Кто говоритъ у васъ по-Нѣмецки ?« спросилъ меня незнакомецъ на этомъ языкѣ. »Я; но ты по-Русски объясняешься,« отвѣчалъ я ему. — »Мало ! Дѣло не въ томъ. Время не терпимъ. Ваши безъ артиллеріи пропали. За мною !

я проведу васъ, куда надобно,» сказалъ онъ опять по-Нѣмецки, и поворотишь вправо. Слова его, его движенія возбуждали довѣріе. То, что онъ сдѣлалъ для насъ, не могъ сдѣлать недругъ. Я послѣдовалъ за своимъ пзбавителемъ и велѣлъ то же исполнять всему опряду. Вожатый не шелъ, а казалось, лепѣлъ на лыжахъ; шестомъ означалъ онъ намъ, гдѣ снѣгъ былъ шверже, и оставлялъ по немъ рѣзкіе слѣды. Когда мы замедляли, онъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ махалъ намъ рукою и указывалъ въ ту сторону, гдѣ слышна была пальба. Нѣжный сынъ не съ меньшимъ прогашельнымъ соучастіемъ велъ бы врача къ одру болящаго родителя. Проѣхавъ сажень двѣсти, мы почувствовали кое-гдѣ швердость битой дороги; здѣсь пронулись мы маленькою рысью. Между тѣмъ снѣгъ началъ рѣдѣть; скоро небо совсѣмъ очистилося; солнышко просіяло; просвѣтлѣли у всѣхъ и лица. Проѣхавъ еще съ версту — таинственный вожатый остановился и ука-

залъ мнѣ рукою на чернѣющую толпу всадниковъ. Это были наши! Наши! закричалъ съ восторгомъ опрядъ. Я успѣлъ только, въ знакъ благодарности, кивнуть благодѣтелю и бросить ему кошелекъ съ деньгами. Мы понеслись на всѣхъ рысяхъ. Фельдмаршалъ ожидалъ насъ съ нетерпѣніемъ. Остальное вамъ извѣстно. Честъ запрещала мнѣ принять на свой счетъ доставленіе ко времени аршиллеріи: я указалъ на Мурзу — и Фельдмаршалъ благодарилъ его.

Мурзенко. Моя говорила Фельдмаршалу: провожаемая моя была хороша; его не слушала.

Карповъ. Съ того времени не видалъ ли ты этого проводника?

Мурзенко. Просила моя Юрій Степановичъ отыскать его; не сыскала моя.

Лила. Да — я забылъ вамъ сказать, что спаситель нашъ остановилъ послѣдняго офицера въ аріергардѣ и отдавая ему кошелекъ съ деньгами, брошенный мною, сказалъ худымъ Русскимъ языкомъ:

»Полковникъ потерялъ деньги; отдай ихъ ему. Съ Богомъ!» — Съ этими словами онъ исчезъ.

Кропотовъ. Чудесный человекъ! По крайней мѣрѣ, узнаешь ли ты его въ лицѣ, если съ нимъ встрѣпишься?

Лима. Врядъ; помню только, что онъ не саръ, черноволосъ, съ глазами пламенными, какъ нашъ югъ.

Мурзенко. Моя увидать его, тотчасъ узнать.

К. Вадбольскій. Кабы опыскался онъ, не пожалѣлъ бы размѣняться съ нимъ побратски крестомъ, подареннымъ мнѣ бабушкою... те, те, те! я забылъ вѣдь, что онъ Нѣмецъ и креста не носитъ. Ну, просто назвалъ бы я его другомъ и братомъ. Да куда-жъ онъ, чудакъ, дѣвался? и что за неволя была ему шаскаться по снѣгу въ такую мяшелницу?

Что за охота пришла Нѣмцу помогать Русскимъ?... Тфу, пропасть! Чѣмъ болѣе ломаю себѣ голову надъ этимъ чудакомъ, тѣмъ болѣе въ головѣ пута-

ницы (*творитъ крестное знаменіе*). Оставимъ его, но не забудемъ примолвить отъ благодарнаго сердца: *Дай Богъ ему того, чего онъ самъ себѣ желаетъ!* Теперь попросимъ пѣвца Дюмона разбить нашу думушку обѣщанною пѣснейю.

Дюмонъ проигралъ на гитарѣ прелюдій и произнесъ съ чувствомъ, обращаясь къ Югу: — Вътеръ полуденный! вътеръ моей отчизны, Прованса! согрѣй грудь мою теплотою твоихъ долинъ и навѣй на уста мои запахъ твоихъ оливковыхъ рощъ.

К. Вадбольскій, поталкивая *Карпова* подбъ бокъ. Французъ безъ кудреватаго присловія не начнешь дѣла.

Дюмонъ, пропѣвъ очень искусно и пріятно романсъ, въ которомъ описывалась нѣжная любовь пажа Короля Рене къ знашней, прекрасной дѣвицѣ — пажа, милаго, умнаго, стихотворца и музыканта, котораго въ часъ гибели его отечества возлюбленная его одушевила словомъ любви и послала сама на войну.

Пажъ возвратился къ ней побѣдителемъ для того только, чтобы слышать отъ нея *другое слово любви* и — умереть.

Когда пѣвецъ кончилъ свой романсъ, иностранные офицеры въ восторгъ захлопали въ ладоши. Русскіе кричали: славно! прекрасно! И Кропотова языкъ машинально пролепешалъ одобреніе. Одинъ Князь Вадбольскій примолвилъ: — Прекрасно, братецъ! только жаль, не на Русскую спать. Для ушей-то пріятно, да не взыщи, сердца не шевелишь. Это ужъ не своя вина: шутъ, знаешь, чего недостаетъ? — *роднаго!*

Дюмонъ. Очередь за вамп, Глѣбовской! я заплашилъ дань моей Франціи. . .

Кропотовъ. Подай намъ голосъ, лебедь моей родины, лебедь Московскій!

Карповъ. Слышишь ли, любезный однополчанинъ? Дарованія оживляются одобреніемъ.

Глѣбовской. Ошговариваться не стану: я не красная дѣвица, которую ведутъ къ вѣнцу; сердцемъ полетѣла бы,

какъ перышко, а глазами показываешь, будто свинцовыя гири къ землѣ тянущь. Извольте, буду пѣть, только съ шѣмъ, чтобы Филя подладилъ мнѣ свою бала-лайкою.

Нѣсколько голосовъ. Что дѣло, то дѣло !

Филя. Какую же, ваше Благородіе, прикажете ? Надобно и намъ пригото-виться. Вы видѣли, что Осипа Осиповича обдувалъ теплый, родной въперокъ, обливало какое-то масло Прованское. (*Дюмонъ, смѣясь, погрозилъ ему пальцемъ.*) А намъ развѣ вспомнишь свои снѣги бѣлые, мятели завивныя, или: какъ по мапушкѣ по Волгѣ, по широкому раздолью, подымалася погодушка, въпры-вольные, разгульные, бушевали по степямъ, ковыль справа, брашцы, разколышилась; или красавицу чернобровую, чернооую, какъ по сѣнницамъ павушкой, лебедушкой похаживаешь, бѣлы рученьки ломаешь, друга мила поминаешь, а сердечный, милый другъ, не опзовется, не

опкликнется: онъ сознался со иной подруженькой, съ пулей Шведскою мушкетною, съ иной любовницей, ахъ! со смертью лютою; подъ частымъ ракишымъ кустомъ на чужбинѣ онъ лежишь, вмѣсто савана пескомъ новишь; не придуть ни родна матушка, ни...

Кропотовъ. Полно, Фля, ты за душу тянешь; словно, поминаешь меня.

К. Вадбольскій. Эй братъ, Семень! не собирайся такъ скоро съ здѣшняго бѣла свѣта. Подожди не много: похоронимъ съ честью, да со славою, только не здѣсь, не въ станѣ, а тамъ, въ Лифляндахъ, на боевомъ полѣ. За Царя и землю Русскую сладко умереть и въ чужбинѣ! Благодаря Вышняго, нашихъ убитыхъ въ сраженіи съ новаго года не топчетъ врагъ поганый, не клюетъ вранъ несытый; шѣла нашей братии честно, по долгу Христіанскому, предаются уже землѣ. Кто знаетъ, Семень Ивановичъ? къ Лифляндскимъ землянкамъ, гдѣ спятъ наши молодцы, гдѣ, можешь спаться, положатъ и

наши грѣшныя кости, придушъ нѣкогда внуки наши; перекрестясь, помянушь насъ не слезами — нѣтъ, плакать бабье дѣло — а словами радостными. »Здѣсь — скажутъ они — лежатъ такой-то и такой-то. Миръ праху ихъ! Память имъ вѣчная на земли! Они были неизмѣнные слуги Государевы, вѣрные сыны опечесства: въ царствованіе Петра Великаго положили здѣсь животоу свой. Русскіе — и мертвые, не хотѣли спать на землѣ чуждой: они купили ее кровью своею для имени Русскаго!« Повѣрь мнѣ, другъ: земля, въ которой мы ляжемъ съ тобою, будетъ наша и останеся вѣчно за нами. Опдадимъ ли мы иноплеменникамъ кладбище опцевъ нашихъ? Не опдадутъ и нашихъ могилъ на сторонѣ Ливонской дѣши и внуки наши; положатъ и на нихъ камушки, и на нихъ поставятъ кресты Русскіе.

Кропотовъ. Кто бы не захотѣлъ умереть подъ твое сладкое поминанье?

Лила. Грустно, можешь быть, Се-

мену Ивановичу смотрѣть на Лифлянды, сложивъ руки!

Полуктовъ. Дай-то Богъ намъ скорѣе похсдъ, да не прогульный!

К. Вадбольскій. Скажущъ походъ, пойдемъ; не скажущъ, будемъ ждашь. На смерть не просись, а ошъ смерти не бѣги: это мой обычай! А что ни говори, брашцы, хандра не Русская, а заносная болѣзнь. Ты, бѣдокуръ, съ своимъ Прованскимъ въпромъ не навѣялъ ли ее къ намъ?

Дюмонъ, смѣясь. Можесть бышь, виновать! Опдуй ее, Глѣбовской, Русскою снѣговой погодушкой.

Глѣбовской. Давно ждалъ я очереди своей, какъ солдашь въ аріергардѣ. Ты, Осипъ Осиповичъ, спѣлъ намъ пѣсню о Французскомъ Пажѣ; теперь, соперникъ мой въ пѣніи и любви...

Дюмонъ. Соперникъ, всегда побѣждаемый въ томъ и другомъ.

Глѣбовской. Сказать прошивъ этого

Часть II.

было бы что, да не время. Слушай же, я спою вамъ пѣсню Русскаго *Новика*.

Какъ электрическій ударъ, слово : Новикъ — поразило Кропошова : онъ вздрогнулъ и началъ озирагься кругомъ, какъ бы спрашивая собесѣдниковъ : »Не чипаете ли чего преступнаго въ глазахъ моихъ?« Во весь слѣдующій разговоръ онъ безпрестанно измѣнялся въ лицѣ : то горѣлъ весь въ огнѣ, то былъ блѣденъ, какъ мертвецъ. Друзья его, причипая его неспокойное сосшояніе къ болѣзни, или изъ чувства состраданія не обращали на перемѣну въ немъ большаго вниманія.

Дюмонъ. Новикъ ? Это слово я въ первый разъ слышу : оно звучитъ однако-жъ хорошо. Что-жъ это за человекъ ?

Глѣбовской. Вотъ это-то и хочу объяснить тебѣ и господамъ иностраннымъ офицерамъ. Донынѣ благополучно царствующаго Великаго Государя Петра Алексѣевича дѣти Боларскія и изъ недо-

рослей *Дворянскихъ* начинали службу при дворѣ или въ войскѣ въ званіи Новика.*

Дюмонъ. Но мнѣнію моему, имя это прекрасно означаетъ положеніе юноши, вступающаго въ школу придворную; онъ еще неопытенъ умомъ и сердцемъ, онъ въ полномъ невѣдѣніи искусства припворяться, обманывать и угождать — новикъ равно въ свѣтѣ и во дворцѣ!

Глѣбовской. Когда Новикъ поступалъ ко Двору, должность его состояла въ томъ, чтобы прислуживать во внутреннихъ палацахъ Царскихъ, или присматриваться къ служенію высшихъ придворныхъ, *Стряпчихъ* и *Стольниковъ*.** Обыкновенно выбирали въ Новики пригожихъ и смысленыхъ юношей. Еще при Царѣ Алексѣ Михайловичѣ имя Новика раздавалось не рѣдко въ Царскихъ чертогахъ

* См. Опытъ повѣств. о древностяхъ Русскихъ Успенскаго, Частъ 2, стран. 34, 49 и 242; Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго, Томъ 3, стран. 240, 255, 256, и Древнюю Вивліюеику.

** *Стряпчіе* такъ назывались пошому, что они въ церемоніяхъ носили за Государемъ *стряпню*, подъ симъ именемъ разумѣли вообще

и въ воинственныхъ рядахъ Дворянъ Московскихъ. Честнолюбивая Софія Алексѣевна — домогавшаяся, во что бы ни стало, вѣнца и таки надѣвшая его, чтобы однако-жъ вскорѣ сложить и вступить въ чинъ простой инокини — хотѣла, въ блистательную эпоху правленія ея Государствомъ, имѣть при себѣ миловиднаго нажима, не въ счету Стольниковъ Царицына чина.

Дюмонъ. Un joli petit mignon? Не такъ ли?

Глѣбовской. Точно! Любимецъ ея, Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, прозванный сначала народомъ *великимъ*, а нынѣ въ изгнаніи забытый и презрѣнный имъ — такъ, скажу мимоходомъ, играетъ Судьба доведями своими! — любимецъ Софіи

Государевы шапку, рукавицы, плашокъ и посохъ; они же обували, одѣвали и чесали его. Доспоишествомъ равнялись они съ нынѣшними Каммеръ - Юнкерами. — Названіе *Стольниковъ* произошло отъ слова Государева, у котораго они служили: при Царяхъ они имѣли доспоиство нынѣшнихъ Каммергеровъ, при Царицахъ считались въ высшихъ прошиву оныхъ чинахъ. Стольники не избавлялись отъ походныхъ службъ.

Алексѣевны отыскала ей въ должность пажа прекраснаго мальчика, сына умершаго бѣднаго Боярина Московскаго. Онъ былъ круглый сирота, не зналъ отца своего и матери, не помнилъ ни роду, ни племени. Говорили, что какая-то женщина, еще прелестная, не смотря на оспориваніе лѣтнами ея красоты и на грусть, помрачавшую черты ея лица, прихаживала иногда тайкомъ въ домъ Князя Василья Васильевича, гдѣ дитя прежде живало, а потомъ въ перема Царскіе, цѣловала его въ очи и въ уста, плакала надъ нимъ, но не называла его ни своимъ сыномъ, ни роднымъ. »О чемъ плачешь эта пригожая, добрая женщина?« спрашивалъ Новикъ, и самъ послѣ такихъ свиданій становился грустнѣе. Софія любила его и—какъ говорятъ Русскіе въ избытокъ простаго краснорѣчія—души въ немъ не слышала; сначала назвала его милымъ пажемъ своимъ; но потомъ видя, что зоркіе попечители Петрова благосостоянія смотрѣли съ неудовольствіемъ

на сіе нововведеніе, какъ на нѣкошорое хитрое похищеніе Царской власти, съ прискорбіемъ вынуждена была переименовать своего маленькаго любимца въ Новика. Желая однако-жъ отличить его отъ другихъ дѣшей Боярскихъ, посившихъ сіе названіе, изъ-подъ руки запретила имъ такъ называться. »Онъ долженъ быть единственнымъ и *послѣднимъ* Новикомъ въ Русскомъ Царствѣ. Я на этомъ настаю.« — говорила она, и выполнила свое слово. За нею всѣ, отъ Боярина до приврапника, называли его *послѣднимъ Новикомъ*. Имя это зашвердили и за пригожимъ сиротою удержали; объ отеческомъ прозвищѣ его не смѣли спрашивать, или по обстоятельству умалчивали. Дитя это не по лѣтамъ было умно, не по лѣтамъ гордо. Не рѣдко встрѣчаясь съ Царевичемъ Петромъ Алексѣвичемъ, котораго годомъ, или двумя, былъ старше, измѣрялъ онъ его величаво черными, быстрыми глазами своими. Петръ Алексѣвичъ, рожденный повелѣ-

вашь, и въ дѣшспѣхъ уже былъ Царь. Онъ не могъ стерпѣть дерзкаго обзора сестрина любимца, и разъ, заспоривъ съ нимъ, ударилъ его въ щеку сильною ручкой, а потъ приготовлялся отвѣчать тѣмъ же. Софія поспѣшила спать между ними и съ трудомъ вывела своего любимца изъ покоя. Но чѣмъ подобныя встрѣчи не могли имѣть худыхъ для него послѣдствій, она удалила его за тридцать верстъ отъ Москвы, въ село Софьино, гдѣ имѣла на высокомъ и пріятномъ берегу Москвы рѣки перемъ и куда пріѣзжала иногда наслаждаться хорошими весенними и лѣтними днями. Тамъ поручила она его другу Милославскихъ и Князей Хованскихъ, человѣку ученому, но злобному и лукавому, какъ самъ сатана — прости, Господи! — надѣлавшему ошечеству нашему много бѣдъ. Имя его... не хочу его выговаривать: такъ оно гнушно! Всѣ жалѣли, что попалъ въ такія руки юноша, котораго пылкую душу, быстрый разумъ и чувствительное

сердце можно было еще направить къ добру. И въ самомъ дѣлѣ, лучшія качества его оправлены ядовитымъ дыханіемъ этого василиска. Новикъ осьмнадцатилѣтнѣ погнѣ на плахѣ въ прѣпъемѣ Спрѣлецкомѣ бунтѣ; и сбилось слово Софій Алексѣевны — онъ былъ *последній!*...

Кропотовъ, доселѣ закрывшій глаза рукою, копорою облакачивался на колѣно, вдругъ зарыдалъ, вспалъ поспѣшно и выбѣжалъ изъ замка.

Вадбольскій, посмотрѣвъ на него съ сожалѣніемъ. — Что сдѣлалось съ нашимъ братомъ Семеномъ? Бѣдный! я боюсь за его головушку.

Полукотовъ. Ему неможется; на него нашелъ недобрый часъ: это не впервой... я чаще съ нимъ... я это видывалъ. Пускай его размычетъ по стану кручину свою.

Филъ, бренча на балалайкѣ, запѣлъ на печальный голосъ :

У залешнаго яснаго сокола
Подопрѣло его правое крылышко,
Право крылышко, правильно перышко...

*Потомъ, вдругъ перемѣнивъ заунывной
голосъ на веселой и живой, продолжалъ
пѣть :*

Еще что же вы, брашцы, призадумались,
Призадумались, ребяшущки, закручинились?
Что повѣсили свои буйныя головы,
Что пошупили ясны очи во сыру землю?..

*Дюмонъ. Въ самомъ дѣлѣ, что вы по-
вѣсили головы свои, какъ будто на по-
хороны друга собираетесь? Глѣбовской!
волею и неволею доканчивай свой раз-
сказъ.*

*Глѣбовской. Слова два, три, и я кончу
его. — Говорили, что прекрасная жен-
щина, прежде шайкомъ посящавшая Но-
викъ, собрала его разтерзанные члены и
похоронила ихъ ночью. Вотъ вамъ, Осипъ
Осиповичъ, повѣсть вмѣсто предисловія
къ моей пѣсни. Надобно еще прибавить,
что Новикъ имѣлъ, сказать по вашему,
необыкновенный даръ къ музыкѣ и поэзіи;*

по нашему, онъ былъ масшеръ складывать пѣсни и прибирать къ нимъ голоса. Пѣсни его скоро выучивались памятью и сердцемъ, пѣвались Царскими сѣнными дѣвушками и въ сельскихъ хороводахъ. Еще и нынѣ въ Софьинѣ и Коломенскомъ слышуть онѣ любимыми, и вѣроятно, долго еще будутъ нравиться. Ту, которую я вамъ буду пѣть, любила особенно Софья Алексѣевна. Говорятъ, она плакивала, слушая ее, отъ предчувствія ли потери своего любимца, или отъ другой причины... *Филя! ну-ка заунывную: Сладко пѣлъ душа...*

Филя. Душа-соловушка. Какъ не знать ее, ваше Благородіе! Она въ старинные годы была въ большой чести. Красная дѣвка шла на нее вереницею, какъ рыба на окормку. Извольте начинать, а мы подладимъ вамъ.

Филя играетъ на балалайкѣ; Глѣбовской поетъ:

Сладко пѣлъ душа-соловушка

Въ зеленомъ моемъ саду:

Много, много зналъ онъ пѣсенокъ;
Слаще не было одной.

*

Ахъ! та пѣснь была завѣшная;
Рвала бѣлу грудь поскои;
А все слушать бы хотѣлося,
Не разскался бы ввѣкъ съ ней.

*

Вдругъ. . . .

Въ это время затрубили сборъ у спав-
ки Фельдмаршальской.

Фонъ Верденъ. Тсъ! слышите, каспа-
да? Трубушка поетъ намъ свою пѣсню.

Нѣсколько голосовъ съ неудовольствіемъ.
Слышимъ, слышимъ. Смотри, Глѣбов-
ской, за тобою долгъ намъ всѣмъ—всѣмъ!
Долгъ плашежемъ красенъ.

Всѣ бросились съ мѣстъ своихъ: кто
за мундиръ, кто за парикъ, кто за па-
лашъ, и такъ далѣе. Минуты въ три за-
мокъ опустили, и тамъ, гдѣ кипѣла жи-
вая бесѣда, пѣсни и музыка, спало только
слышно шурканье оловянныхъ ложекъ,

кошорыми, очищая сковороду ошъ остатковъ жареной почки съ лукомъ, работали Филя и широкоплечій, въ засаженной рубашкѣ, драгунъ. Изрѣдка примѣшивалось къ этому шурканью робкое чоканье чаръ.

Глава четвертая

С О В Ъ Т Ъ.

Т А Л Ь Б О Т Ъ.

*И мой совѣтъ: съ разсвѣтомъ переправитъ
Черезъ рѣку все воинство, и статъ
Въ лице врагу!*

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Подумайте.

Л И О Н Е Л Ъ.

*Но, Герцогъ,
Что думаете здѣсь? минуты драгоцѣнны!
Теперь для насъ одинъ ударъ отважнѣй
Рѣшитъ навѣкъ; безтѣснее или тѣснѣе!*

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Такъ рѣшено! и завтра мы сразимся!

Орлеанск. Дѣла. Перев. Жуковского.

Въ переднемъ отдѣленіи обширной
спавки съ полумѣсяцемъ на верху, раз-
дѣленной поперегъ на двѣ половины, си-
дѣлъ въ деревянныхъ складныхъ креслахъ,

какія видимъ еще нынѣ въ домахъ нашихъ зажиточныхъ кресстьянъ, или въ такъ называемыхъ Англійскихъ садахъ, мужчина пожилыхъ лѣтъ, высокаго роста, сильно сложенный. Онъ былъ въ лосиномъ по-верхъ мундира колешъ, расстегнутомъ отъ жару на распашку; на груди висѣлъ Мальтійскій Командорскій крестъ. Нижняя одежда его свидѣтельствовала о наблюденіи формы до того, что и широкіе распрубы прикрѣплены были къ шпигблешамъ. Каштановые съ сѣдиною волосы, причесанные назадъ, открывали такимъ образомъ возвышенное чело, на которомъ сидѣла заботливая дума; изъ-подъ густаго подбородка едва выказывался тончайшаго багиста галстухъ, искусно сложенный; пышныя манжеты выглядывали изъ рукава мундира, покрывая кисть руки почти до половины пальцевъ. Величавыя черты лица, орлиный, хотя нѣсколько понигой взглядъ, важная наружность и движенія, все показывало въ немъ человека, привыкшаго поведѣвать. Облоко-

шаясь на столъ, подлѣ него стоявшій, онъ былъ углубленъ въ разсмаприваніе большаго листа бумаги, разложеннаго по столу. Въ почтительномъ отдаленіи стоялъ молодой офицеръ въ полномъ мундирѣ со шляпою въ рукѣ. Сходство лицъ заставляло догадываться о ближайшемъ ихъ родствѣ. Взгляды и всѣ движенія молодаго человека показывали, что сынъ, воспитанный въ паптріархальныхъ Русскихъ нравахъ, стоитъ передъ отцемъ и начальникомъ.

Русское великолѣпіе, вмѣстѣ съ Азіатскимъ, окружало ихъ. Снаружи надъ ставкою господствовалъ блестящій полумѣсяцъ. Внутри верхъ и полошно ея были изукрашены разноцвѣтными узорами, означающими звѣзды, драконовъ и птицъ въ какомъ-то безвкусномъ смѣшеніи. Съ правой стороны, въ углубленіи передняго отдѣленія, подняты были края двухъ Персидскихъ ковровъ для входа въ маленькой покой, обтянуый кругомъ такими же коврами, въ которомъ свѣтъ со мракомъ

спорилъ. Это была опочивальня. Черезъ отверстіе видѣнь былъ въ углу огонекъ, шеплившійся въ серебряной лампадѣ передъ иконою Сергія Чудотворца*. Къ сей иконѣ прислоненъ былъ Образъ Спасителя, какъ жаръ горѣвшій ошъ драгоценныхъ камней, его осыпавшихъ. Сіе первое и святое богатство Русскихъ, залогъ ихъ здравія и счастья, спояло на сполникъ, накрытомъ бѣлою камчатною салфеткой. Невѣрный, едва мерцающій свѣтъ ошъ лампы, падая на темный ликъ Святаго, исполнялъ невольнымъ, благоговѣйнымъ шрепетомъ всякаго, кто проникалъ взорами въ сіе упокойце. На краю стола лежала книга въ черномъ кожаномъ переплетѣ, довольно испертомъ и закапанномъ по мѣстамъ воскомъ: надобно полагать, что это была Псалтирь. Въ лѣвомъ углу, на кровати, грубо сколочен-

* Образъ сей, писанный на гробовой доскѣ Преподобнаго, взявъ былъ изъ Троицкаго монастыря и обносимъ во всѣхъ походахъ Шведской войны. — Смол. Историческое Описаніе Свято-Троицкія Сергіевы Лавры.

ной изъ просшаго дерева, лежало шпофное зеленое одѣяло, углами сшеганное, изъ-подъ котораго выбивался клочокъ сѣна, какъ бы для того, чѣмъ показашь богатство и простоту этого ложа. Отъ входа въ спавку, по лѣвой сторонѣ главнаго, передняго отдѣленія, развѣшены были на спальныхъ крючкахъ драгоценные книжалы, мушкетеры, карабины, пистолеты и сабли; по правую сторону висѣли: богато убранный Турецкое сѣдло съ тяжелыми серебряными стременами, такой же конской приборъ, барсовый чепракъ съ двумя половинками медвѣжьей головы и золотыми лапами, и серебряный рогъ. Передъ сѣдломъ, опустивъ отъ полки спавки, на спальномъ *клянышкѣ*, обвитомъ золотою проволокою и прикреплениомъ къ невысокому шесту, сидѣлъ соколъ, накрытый пунцовымъ бархатнымъ клобукомъ; онъ безпрестанно гремѣлъ привѣшеннымъ къ шеѣ бубенчикомъ, щипля серебряную цѣпочку, за которую былъ привязанъ. Кругомъ его раз-

сыпаны были перья, остатки отъ бѣдной жертвы, еще недавно имъ разтерзанной. Подъ споломъ на богатомъ Персидскомъ коврѣ лежала огромная буропѣгая Датская собака, положивъ голову къ ногамъ своего господина.

Сидѣвшій въ креслахъ, услышавъ стукъ хвоста ея по землѣ, сказалъ улыбаясь: »А! вѣрно кто нибудь изъ домашнихъ?« Едва онъ это выговорилъ, послышался шорохъ у входа въ ставку, и знакомый намъ крошка-генералъ со всею дипломатическою важностію и точностію военной дисциплины, держа щипкомъ лѣвой руки шляпу, а въ правой большой свертокъ бумагъ, который, подобно свинцу, тянулъ ее, мѣрными шагами приблизился къ нему, наклонилъ почтительно голову и подавая свертокъ, произнесъ: Высокопозелительному, высокомошному, Господишу Генералъ-Фельдмаршалу и Кавалеру, Боярину Борису Петровичу Шереметеву, честь имѣешь репортовашъ всецѣжайшій рабъ его Якушка, по прозванію Го-

ліафъ, что онъ имѣлъ счастье выполнишь его приказъ, въ слѣдствіе чего имѣетъ благополучіе повергнуться къ стопамъ высоко... вы... высоконожнымъ всепокорнѣйше представляемымъ при семь бумаги, которыя вышереченному Господину Фельдмаршалу, и прочее и прочее, (имя и званіе персоны рекъ) объяснять лучше... »Лучше и короче!« прервалъ карлу Фельдмаршалъ, взявъ у него свертокъ, не показывая большаго нетерпѣнія, и прочтя на ономъ адресъ, закричалъ стоявшему въ отдаленіи молодому офицеру: »Михайла! попроси ко мнѣ Господина Генераль-Кригскоммиссара.« — »Слушаю, сударь батюшка!« отвѣчалъ молодой человѣкъ, и поспѣшилъ выполнить данное ему приказаніе.

По выходѣ его, Фельдмаршалъ вспалъ съ креселъ, медленно пошелъ въ опочивальню свою, пребылъ тамъ не долго, и возвратившись сълъ опять на прежнее мѣсто. — »Самсонычъ!« сказалъ онъ ласково, вынувъ два червонца изъ не-

большаго свертка, который онъ съ собою принесъ, и бросивъ ихъ въ шляпу маленькому посланнику: »ты привезъ намъ что-то тяжелое, можешь быть, и доброе: спасибо!« — Экъ ты мнѣ плюнулъ въ шляпу, Боринька! вскричалъ карла, разсмащивая подарокъ: годится на подмешки! Но смотри; уговоръ лучше денегъ: когда ничего добраго не найдешь въ этихъ грамошкахъ, такъ возьми свое золото назадъ. Самъ Батюшка нашъ, свѣшлыя очи, Петръ Алексѣевичъ, по приказу *Божію къ прадѣду Адаму, съ потѣ лица ѣстѣ хлѣбѣ свой*, да и намъ велѣлъ кушать его не даромъ. Помнишь — вѣдь это было при тебѣ — когда онъ выковалъ на заводѣ подъ Калугою 18 пудъ жельза своими Царскими руками, а заводчикъ-то Миллеръ хотѣлъ подслужиться ему — дескать онъ такой же Царь, какихъ видывалъ я много! — и опсчиталъ ему за работу 18 желтопузиковъ, что ты мнѣ пожаловалъ шеперь: что-жъ нашъ Государь батюшка? — Грозно по-

смотря на него и взялъ только — что ему следовало наравнѣ съ другими рабочими — 18 алтынѣ, да и то на башмаки, которые, видѣлъ ты, были у него тогда худеньки, какъ у меня теперь! — »Правда! но я плачу тебѣ по цѣнѣ твоихъ заслугъ; ты свое дѣло сдѣлалъ: за чѣмъ посланъ, то привезъ, а за то, что въ бумагахъ, не отвѣчаешь.« — Заслужилъ-то я не одинъ. — »Что дѣло, то дѣло! Я было-забылъ объ Ильѣ: отдай ей это на новую повязку и скажи отъ меня спасибо!« Борисъ Петровичъ, произнесъ это, бросилъ карлу въ шляпу нѣсколько червонныхъ и, послушавъ опять стукъ отъ хвоста и легкое мурчанье собаки, спѣшилъ надѣсть на себя пышный парикъ. Карла-дипломатъ догадался, что онъ будетъ лишній при новомъ гостѣ, и не дожидаясь приказа своего повелителя, неприемлемо скрылся изъ спавки.

Добро пожаловать, господинъ Оберъ-Кригскоммиссаръ! произнесъ важно и ласково Фельдмаршалъ, обратившись къ

вошедшему съ сыномъ его; махнулъ рукою послѣднему, чтобъ онъ удалился, а госю показалъ другою мѣсто на складныхъ креслахъ неподалеку отъ себя и подле сшолы. — Въспи отъ вашего пріятеля! Адресъ на ваше имя,» продолжалъ онъ, подавая Папкулю свертокъ бумагъ, полученный чрезъ маленькаго въспника.

— Тайны я отъ васъ не имѣю, господинъ Фельдмаршалъ! возразилъ Папкуль, сядя въ кресла, развернулъ свертокъ, и не бросивъ даже взгляда на бумаги, подалъ ихъ Борису Петровичу: — извольте чипать сами.

— За *аттенцію* благодарю! Посмотримъ, что такое, говорилъ съ важностью Русскій военачальникъ, во всемъ чрезвычайно осторожный, хладнокровный и разборчивый, прочипывая бумаги про себя по нѣскольку разъ, съ остановкою, во время которой онъ задумывался, и потомъ отдавая ихъ одну за другою собесѣднику своему. Между тѣмъ въ глазахъ послѣдняго видимо разыгрывалось не-

перпѣніе пылкой души — Посмотримъ, что такое! — Списокъ полкамъ, расположеннымъ на квартирахъ и на заставахъ... Вотъ это я люблю! Какая *аккуратность*! какая *пунктуальность*! — Число людей въ *региментахъ*... имена ихъ *командировъ*, и даже *компаніонсѣ-офицеровъ*... даже свойства нѣкоторыхъ! Право, *das ist ein Schätzchen*! А кто это составлялъ, господинъ Генераль-Кригс-коммиссаръ?

— Шведъ, о которомъ я имѣлъ уже честь вамъ говорить, и который, вѣроятно, передалъ эти бумаги вашему посланному.

Фельдмаршалъ задумался; потомъ, перемѣнивъ шутливый тонъ на важный, сказалъ: Шведъ!... Извѣдали-ль вы его хорошенько?

— Какъ самого себя. Настало время и вамъ его узнать: испытаніе передъ вами.

— Помните, любезнѣйшій мой господинъ Пашкуль, что мы должны дѣлать сей *экзампль* арміею, мнѣ вѣренною

армією, которой вы также со мною хранишель.

— Никогда этого не забываю.

— Извините; спрошу опять: изслѣдовали ли вы, не кроется ли тутъ обмана, предательства?

— Послѣ сказаннаго мною, другому-бъ я не отвѣчалъ на этотъ вопросъ; но зная васъ, присовокуплю, что честь моя порукою за справедливость и вѣрность этихъ бумагъ.

— И все это составилъ онъ одинъ? Какъ могъ одинъ человѣкъ получить такіа полныя, огромныя свѣдѣнія?

— Онъ имѣетъ вѣрнаго, смышленаго помощника.

— Кто это такой?

— Конюхъ Баронессы Зегевольдъ и временный коноваль въ Шведскомъ рейтарскомъ полку.

— Ein kutscher? Вы шутите.

— Я никогда еще не смѣлъ этого дѣлать съ вами, господинъ Фельдмаршалъ, особенно въ такихъ дѣлахъ, отъ которыхъ

зависитъ ваше и мое доброе имя, благосостояніе и слава Государя, которому мы оба служимъ. Кому лучше знать, какъ не Главнокомандующему арміею, какими мелкими средствами можно во время и въ пору произвестъ великія дѣла.

— Правда! Но можно ли положиться на вѣрность свѣдѣній, доставляемыхъ конюхомъ вашему пріятелю?

— Опять скажу, какъ на меня!

— Диковинное дѣло! Wahrhaftig, wunderbar! Вы имѣете особенный даръ употреблять людей по ихъ способностямъ. У васъ конюхъ, еще и не вашъ, дѣлаетъ то, что я не смѣлъ бы поручить иному командиру. . .

— Этого челоѣкъ, низкій званіемъ, но высокій душевными качествами, старый служитель отца моего, дядька мой, мнѣ преданный, готовый жертвовать для меня своею жизнью, благороденъ, какъ лезвее шпаги, лукавъ, какъ сатана.

— И онъ рѣшился изъ преданности къ

персонѣ вашей идши въ услуженіе къ женщинѣ *амбиціонной*, сумасбродной — какъ слышно, врагу вашему. *Bei Gott*, *неординарныя* высокія чувствованія! Сердце и способности ума *безприкладныя*! И въ такомъ званіи!

— Въ нашъ вѣкъ великія способности ума и въ низкомъ званіи не диковина. Вы имѣете много ближайшихъ тому примѣровъ: кого называетъ Государь *своимъ* Алексашею, *дитею* своего сердца, чьи заслуги вы сами признали, былъ *пирожникъ*; другой любимецъ Государевъ, *Шафировъ* — *сидѣлецъ*; отличный офицеръ въ вашей арміи, *Воуръ* — *Лифляндскій* крестьянинъ.

— *Um Erlaubniss*, люди, о которыхъ вы говорите, каждый изъ нихъ достойный, болѣе или менѣе, *аттенціи* и любви Царскаго Величества, съ юныхъ лѣтъ выведены прозорливостію Его на степень, ими заслуженную. Они успѣли уже *напитаться* Его духомъ и *перевоспитать* себя; дѣйствуютъ теперь изъ *амбиціи*,

изъ награды, изъ славы! Но вашъ... какъ вы его называете?

— Фрицъ Трейманъ.

— Фрицъ, заслуживающій свое прозваніе, изъ какихъ наградъ дѣйствуетъ?

— Изъ одной преданности ко мнѣ.

— Вотъ это-то и заслуживаешь удивленіе въ *нашѣ вѣкѣ*! Но... посмотришь, что скажешь намъ эпоть лоскушوکъ бумаги. (Читаешь въ полголоса на Нѣмецкомъ, дѣлая по временамъ свои замѣчанія на Русскомъ.) »Генераль Шлиппенбахъ, видя, что Русское войско, хотя и многочисленное и безпрестанно обучаемое, не оказываешь съ 1 Января никакого движенія на Лифляндію, и почитая сіе знакомъ робости, перешедшей въ него отъ главнаго полководца« — главнаго полководца! Посмотришь, увидимъ! Духъ начальника переходитъ, конечно, въ подчиненныхъ: по немъ выпраиваются они. Далѣе что? — »рѣшился симъ состояніемъ Русскаго войска воспользоваться; распускаешь слухи, что изнеможеніе и

Нарвскій спрахъ господствующъ въ немъ... Спрахъ? Это ужъ слишкомъ много, любезный мой прошивникъ, да еще крестничекъ Эррасферскій! Правда, мы шамъ только что опшлифовали свои шпаги; иенерь не взыщите, сами напросились, господинъ Скандинавскій рыцарь: мы помѣняемся перчатками на славу, или спыдъ. Чнобы спрѣла, коншорую вы мнѣ посылаете, не отскочила назадъ!... (Краткое молчаніе.) Спрахъ?... Я вчера собиралъ господъ начальниковъ полковъ, и они засвидѣтельствовали, что въ войскѣ, мнѣ ввѣренномъ, господствуешъ только духъ нешерпѣнія, что всѣ, отъ командира до солдата, горятъ сразиться съ непріятелемъ. Вы сами можете засвидѣтельствовать...

— Скажите походъ, господинъ Фельд-маршалъ, и все, что носить званіе воина въ спашъ Русскомъ, почтешъ сей приказъ наградою Царскою, милостию Бога. Имъ наскучило стоять въ бездѣйствіи: они извѣдали уже сладость побѣды.

— Осторожность мою они называютъ... .

— Тѣмъ, что ее почтетъ всякой, кто васъ не знаетъ, страхомъ!

— Господинъ Генераль - Кригскоммиссаръ!... .

— Я говорилъ правду Царямъ, и не боюсь вамъ ее сказать.

— Слушаю.

— Судя по пылкому, нетерпѣливому характеру моему, другой на вашемъ мѣстѣ имѣлъ бы право думать, что свѣдѣнія, вамъ нынѣ доставленныя, мною сочинены; но прозорливости полководца, избраннаго самимъ Петромъ Великимъ послѣ неудачныхъ чужихъ выборовъ, открываю и прямоша этого-жъ характера. Вы знаете, что, для представленія вамъ истины, я такихъ далекихъ средствъ не употребилъ бы, что мнѣніе, которое объ васъ имѣю, не старался никогда таить отъ васъ же: то, что я думаю, не побоюсь никогда сказать, и теперь подтверждаю передъ вами. Ваша осторожность, плодъ

холоднаго и расчесливаго ума, уже слишкомъ далеко простерла виды свои и готова превратиться въ слабость.

— Слушаю.

— Вы думаете дождаться конца года, чтобы дѣйствовать, какъ начали его зимою, подъ Эррасфферомъ. Вспомните, что Шведы также сѣверные жители, какъ и Русскіе, что они не боятся морозовъ, ближе къ своимъ магазинамъ, ко всемъ способамъ продовольствія съѣстнаго и боеваго: къ тому-жъ зима не всегда вѣрная помощница войны; она скорѣе врагъ ея, особенно въ чужомъ краю. Вспомните, что мы обязаны только усердію незнакомца спасеніемъ нашей артиллеріи и приводомъ ея на мѣсто сраженія подъ Эррасфферомъ.

— Вы называете уже храбраго, вѣрнаго Мурзенку незнакомцемъ!

— Нѣтъ, не ему принадлежитъ этотъ подвигъ: объясню это вамъ въ другое время.

— Теперь позвольте дослушать вашъ урокъ.

— Не урокъ, господинъ Фельдмаршалъ, а совѣтъ челоѣка вамъ преданнаго, челоѣка, котораго вы удостоивали иногда именемъ друга. Показывая изъ полнннческихъ видовъ боязни, вы думаете усыпить Карла на счетъ Лифляндіи: вы уже имѣли время это выполнить. Самонадѣянность полководца-головорѣза сильно помогала вашимъ планамъ ; но время этого испытанія, этого обмана уже прошло! Вы видите сами, что непріятель почищаетъ этою обманъ дѣйствительностію и подозрѣваетъ уже въ васъ пруссость. Это подозрѣніе окриляетъ духъ Шведовъ.

— Далѣе что будетъ, господинъ Генераль-Кригскоммиссаръ?

— Все правда и правда, которую извольте принять, за что вамъ угодно, господинъ Генераль-Фельдмаршалъ ! Карлъ успѣетъ перевѣдаться съ Поляками и Саксонцами, только именемъ союзниками,

но дѣломъ враждующими одни противъ другихъ, раздѣлашся по-солдашки и съ Августомъ, Королемъ только по названію, уже въ половину побѣжденнымъ самимъ собою. Карлъ можетъ съ торжествующимъ войскомъ прибѣжать въ помощь Шлиппенбаху, и вы тогда имѣете противъ себя вдвое—что я говорю? въ десять разъ болѣе непріятелей, нежели сколько ихъ теперь числомъ и духомъ. Шлиппенбахъ не любимъ своими, а гдѣ начальникъ не любимъ, тамъ уже существуютъ раздоры, паршин, тамъ войско раздѣлено и слабо, тамъ нѣтъ побѣды. Одно появленіе Короля въ семь войскъ, одно имя Карла, побѣдителя Русскихъ, Данчанъ, Нѣмцевъ и Поляковъ, есть уже важное приращеніе силъ Лифляндской арміи, есть залогъ въ ней драгоцѣнный, который будутъ защищать вѣрные подданные любовію и восторгомъ, чувствованіями, теперь въ ней уснувшими. Можетъ быть, и появленіе въ Лифляндіи побѣдителя при Нарвѣ будетъ непрі-

яшнымъ знаменіемъ для Русскаго войска! Вы думаете воспользоваться временемъ опдыха, чшобы образовать Русскаго солдѣта. Благодаря стараніямъ усердныхъ собратовъ моихъ, онъ обученъ сполько, сколько шребуюшъ обстоятельствва. Не все сидѣшь ему за указкою въ школѣ. Пора узнать, для чего его муштровали; онъ ждетъ опытовъ, службы настоящей; онъ ждетъ развязки рукамъ и духу своему; глазу и сердцу его нужна живая мишень. Въ станѣ готовишся солдашъ; въ полѣ, въ жару битвъ онъ образуется. Вы это лучше меня знаете; но что можете бышь опъ васъ сокрыто и что я долженъ вамъ сказать: духъ солдашъ соскучился жишь по деревнямъ и въ спанахъ; онъ утомился покоемъ. Что за война безъ боя? Слово безъ дѣла! Что за война, въ кошорой непріатели другъ друга не видяшъ? »Дайте намъ со врагомъ перевѣдаться, или возвратите насъ въ опчизну!« — думающъ, едва не говоряшъ, солдашы, но лица ихъ это мзъясняютъ.

Господинъ Фельдмаршалъ! (Здѣсь Пашкуль вспалъ съ креселъ.) Опъ лица всего войска обращаюсь къ вамъ. Исполните общее наше желаніе, поведите насъ въ дѣло, къ побѣдѣ, уже намъ извѣстной, и къ славѣ, копорой мы не успѣли еще ушвердить за собою. Не дайте Шведамъ забавляться на счетъ нашъ, даже подозрѣніемъ, котораго не заслужили ни вы, ни войско ваше. Время года, обстоятельство, духъ Русскихъ, все за насъ, все ручается за успѣхъ. Идите на встрѣчу симъ обстоятельствомъ, Вождь нашъ, избранный Петромъ и Провидѣніемъ! Не говорю, что шагъ назадъ будешь гибелью для чести Русскаго народа — мы постыжены, если даже остановимся.

— Вотъ это-то неперпѣіе, которое въ васъ вижу, хотѣлъ я произвестъ въ Русскомъ войскѣ! Пріятно любоваться имъ въ такомъ благородномъ представителѣ, какъ вы, любезнѣйшій господинъ Пашкуль! Можеть быть... признаюсь: я простеръ свою оспорожность слишкомъ

далеко, свои виды слишкомъ утончилъ. Кто безъ ошибокъ? . . . Не могу найдти пристойнаго вамъ благодаренія; вы совѣтникъ смѣлый, горячій, но не менѣе того полезный. Ваша голова — огнедышащая Эпна; но моя, снѣгами лѣтъ уже покрывающаяся, имѣетъ нужду въ сближеніи съ нею. Вы истинный слуга Царскій! (съ чувствомъ) Дайте мнѣ руку вашу. Мы подумаемъ, мы сообразимъ, прочтя драгоценныя свѣдѣнія, посредствомъ вашихъ доставленныхъ. Что еще скажете намъ пріятель Шлиппенбахъ? (Читаетъ) »рѣшился удариться на Русское войско, — »когда оно менѣе нежели когда-либо ожидаешь его, для чего и отдалъ уже приказъ полкамъ своего корпуса $\frac{11}{12}$ Юля »спягиваться къ Сагницю, а небольшому »отряду идти изъ Дерпта къ устью »Эмбаха, състѣ тамъ на приготовленныхъ »шкутахъ, переправиться черезъ озеро »Пейпусъ и сдѣлать опчаянное вторженіе »во Псковскую и Новгородскую провинціи, »не отдаваясь отъ Нейгаузена, который

»опряду и главному корпусу считашъ
»почкою соединенія.« — (Съ нѣкоторымъ
волненіемъ чувствъ) Станъ Русскій поч-
кою соединенія Шведскихъ войскъ? Тамъ,
гдѣ мы теперь обрѣщаемся? Прекрасно,
Г-нъ Шлиппенбахъ! Переправимся че-
резъ Пейпусъ? Замыслы хитрые и, при-
бавимъ слова Его Превосходительства,
оптчайные! Хорошо сказано; такъ ли
сдѣлается? Мы будемъ учинивъ; мы изба-
вимъ его отъ трудовъ дальняго похода.
(Встаешь съ креселъ; въ размышленіи
прохаживаешься нѣсколько времени взадъ
и впередъ, положивъ руки назадъ; потомъ
сидишь опять на свое мѣсто и продол-
жаешь разбирать бумаги.) »Копія съ ра-
порта Маріенбургскаго Коменданша Под-
полковника Брандша« (читаетъ про себя,
потомъ говоритъ вслухъ:) Часъ отъ часу
лучше! Вообразите, любезнѣйшій госпо-
динъ Пашкуль, и въ Маріенбургѣ, въ
этомъ муравейничкѣ закопшилось Швед-
ское самолюбіе. Брандшъ почищаетъ гар-
низонъ свой по мѣсту, обстоятельствомъ

и духу непріятелей — они, кажется, сговорились забавляться на счетъ нашъ! — (смѣется) не въ мѣру успленнымъ, а заспаву близъ Розенгофа слишкомъ ослабленною, почему и предлагаешь главному начальнику Шведскихъ войскъ вывести большую часть гарнизона подъ предводительствомъ своимъ къ упомянутой заспавѣ, а въ Маріенбургѣ оставить до 400 человекъ подъ начальствомъ какого-то Обристъ - Вахтмейстера Флоріана Тило-фонъ-Тилавъ.

— Котораго, вѣрно, для вида, въ уваженіе его лѣтъ и старшинства, оставляютъ Комендантомъ. Но при этомъ шумомъ, заржавленномъ ефесѣ, долженъ быть блестящій, проегранный клипокъ, съ выправленными на немъ словами чести и долга, которыя уничтожишь развѣ тогда, когда эту благородную сталь ломають въ мелкіе куски.

— Вы говорите, конечно, о Цейгмейстерѣ Вульфѣ, который, такъ объясняются здѣсь, стоитъ цѣлаго гарнизона.

Вошъ маленькій планъ крѣпости Маріенбургской. Я хочу самъ бытъ при осадѣ ея и лично ознакомиться съ храбрымъ ея защитникомъ.

— Теперь въ *принципи* (сказалъ Фельдмаршалъ, вступя опять въ прежнее хладнокровное состояніе) постараемся развѣдаться съ *преціознымъ* разумникомъ и храбрецомъ Шлиппенбахомъ и воспользоваться собственными его умыслами. Мы предупредимъ его. Съ главными силами *авансирuemъ* нынѣ-жъ форсированными *маршами*. Если потребно, посадимъ Лейбъ-пѣхоту Царскаго Величества на коней Черкасскихъ, разобьемъ фортность при Розенгофѣ, приведемъ въ *конфузію* голову Его Превосходительства въ Сагницѣ и помѣряемъ съ его *корпуленціею* въ равнинахъ Гуммельсгофскихъ. Переправы черезъ Эмбахъ будутъ трудны; но Русскій съ преданностію къ Царю, съ крѣпкимъ упованіемъ на Бога и Святыхъ Его, чего не преодолеетъ? Мы посадимъ сильную партію охотниковъ на лодкахъ

подъ командою Генерала Гулица, шолкнемъ ихъ на воды, и увидимъ, какъ осмѣлился нога Шведа, этой заморской погани, осквернить землю Русскую, свяшую, великую опчицу нашихъ Царей, опочпвальню Божіихъ Угодниковъ! Я хочу, чшобы въ то же время, когда знамена Русскія водрузятся съ честію на горахъ Ливонскихъ, развѣлся флагъ моего Государя на водахъ Пейпуса и побѣда нашего маленькаго флота порадовала сердце его создателя. Или я не Бояринъ Русскій, не Главнокомандующій арміею Царскаго Величества! Но чѣмъ наградимъ мы... того?... Не хочу называть его Шведомъ: это названіе помрачаетъ его достоинство.

— Господинъ Фельдмаршалъ! Онъ золота не беретъ.

— Что-жъ ему надобно?

— *Нѣчто* драгоцѣннѣе золота; но этому *нѣчто* не пришла еще пора. Теперь же просишь онъ, когда совершился съ успѣхомъ настоящій походъ, свидѣтель-

спва руки вашей о пользѣ, оказанной имъ Русской арміи. Онъ желаетъ со временемъ быть извѣстнымъ Государю.

— Столь важной *консеквенціи* свѣдѣнія, намъ доставленные, сами собою уже заслуги великія; онѣ достойны *аттенціи* Царскаго Величества; что-жъ до меня надлежитъ, то я всегда готовъ дать ему пребуемую *аттестацію*. Но... скажите мнѣ, пожалуйста, для какого *резону* онъ опять насъ скрывается?

— Это тайна, которая не мнѣ принадлежитъ: она лично до него касается, и не относится къ пользѣ, равно какъ и вреду ввѣреннаго вамъ войска.

— Въ такомъ случаѣ я не имѣю права и не желаю изслѣдовать сію тайну. А! вотъ еще бумажка! (Читаетъ про себя и смѣется) Ха, ха, ха! Это видно въ придачу, чтобы смѣшать дѣло съ бездѣльемъ. Здѣсь описаны *маневры*, коими вашъ плутища Фрицъ досталъ въ какой-то доли-иѣ мертвецовъ репортъ Врандта. Бѣдный дефансоръ Маріенбурга! въ какую попалъ

ты ловушку! Вотъ какими средствами пріобрѣтаются *секреты*, отъ кошорыхъ зависишь участь нѣсколькихъ тысячъ! Полюбуйтесъ эшимъ описаніемъ, какъ шпугами изъ Италіанской комедіи, или чудесами Тысячи и одной ночи. (Передаетъ Папкулю бумагу) Это будетъ вамъ очень къ сердцу. (Свистеть въ серебряный свистокъ. По знаку сему являюся въ одно время карла и необыкновенной величины гайдука.)

— Оба молодцы! записалъ карла, выпягивался подлѣ исполина: а я чѣмъ не гвардеецъ?

— Только на разную спать, прервалъ смѣясь Фельдмаршалъ.

— Понимаю, велика Федора, да дура; малъ золошникъ, да дорогъ; а я по глазамъ швоцмъ вижу, Боринька, кого ны выберешь: меня!

— Отгадалъ; принеси-ка Фипиль, сказалъ Борисъ Петровичъ; и карла спѣшилъ выполнить его требованіе. Восковая свѣча въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, на козыхъ

погахъ, величиною почти съ маленькаго исполнителя, была подана, и всѣ прочтенныя бумаги, кромѣ Мариенбургскаго плана, сожжены.

— Голова есть лучший ларецъ для храненія подобныхъ бумагъ, произнесъ Папкуль, вспаль съ своего мѣста, невольно обернулся въ опочивальню Фельдмаршала, гдѣ стоялъ образъ Сергія Чудотворца, и какъ будто вспоминая что-то важное, имѣвшее съ симъ образомъ сношеніе, присовокупилъ: — Я имѣю до васъ просьбу. Такого она роду, что должна казаться вамъ странною, необыкновенною. Въспаль съ симъ не имѣю нужды увѣрять васъ, что исполненіе ея не противорѣчитъ ни чести вашей, ни вашимъ обязанностямъ.

— Поэтому что я въ этомъ не сомнѣваюсь. Готовъ выслушать желаніе ваше и исполнить его.

— На нынѣшній день паролемъ — Троицкій монастырь, лозунгомъ — Сергій Чудотворецъ.

— Точно.

— Прикажете ^{отъ} обмѣнить ихъ и назначить другія, пока мы будемъ имѣть проводникомъ Шведа нашего, который берется быть нашимъ путеводителемъ до форпоста Розенгофскаго, а тамъ замѣнитъ себя сполнѣ же вѣрнымъ человекомъ. Сверхъ того на цѣлую недѣлю, если можно на двѣ, надобно снабдить его паролями. Въ противномъ случаѣ мы поперяемъ этого безцѣннаго человека. Для чего это дѣлается, скажу опять: это не моя тайна!

— Опять тайна! (Фельдмаршалъ задумывается; не много погодя произноситъ съ важностію:) Господинъ Генералъ-Кригс-коммиссаръ въ арміи, мнѣ Царскимъ Величествомъ ввѣренной: я далъ мое слово, и не переменяю его. Надѣюсь, что моя довѣренность не будетъ употреблена во зло, кѣмъ-бы то ни было.

— Пашкуль, дворянинъ Лифляндскій и нынѣ Русскій подданный, Пашкуль — человекъ просто, безъ всякихъ другихъ шишловъ, чести своей не опдаешь за

корону. Вамъ извѣстно, что онъ никогда не полагалъ чести сей на однѣ всы съ жизнію, что онъ поперею первой могъ купить не только вѣнцу, но и въ придачу богатства, чины, благосклонность Монарха властолюбиваго, и ни одной минутой не былъ въ нерѣшимости выбора. И когда-бъ я сдѣлался не я, когда бы я имѣлъ несчастіе поперять сіе сокровище, когда-бъ я былъ въ состояніи забыть милости Петра Великаго, Государя моего и благодѣтеля, не должны ли-бъ и тогда соединять меня крѣпчайшими узами съ выгодами Россіи польза моего отечества, моя собственная, личная польза? Вспомните, что голова моя, которую слишкомъ дорого цѣнили два Короля Шведскихъ, не умѣлъ цѣнить Польскій, и коей только одинъ Русскій Монархъ положилъ настоящую цѣну, ни выше, ни ниже того, чего она стоить; что голова сія была подъ плахою Шведскаго палача и ей опять обречена местию Карла — местию, для меня сладостною, возвы-

шающею меня въ глазахъ цѣлой Европы. Король, бичъ Сѣвера, ужасъ народовъ, мститель бѣдному Лифляндскому дворянину! Ему не столько сладостны побѣды надъ Царями, какъ видѣть Пашкуля у себя въ плѣну! Какое удовольствіе, какое наслажденіе думать объ этомъ! Вы не знаете этого чувствованія — я, я его знаю, и не промѣняю на лучшія блага жизни! Послѣ того подумаю ли я? . . . Пышъ, господинъ Фельдмаршалъ, даже намекъ подозрѣнія есть уже несправедливость.

— Можеть быть; но вы сообразите сами, сколь странны требованія ваши при стеченіи обстоятельствъ.

— Я предупреждалъ васъ объ этомъ; повторяю еще, это тайна, принадлежащая не мнѣ — лицу, которое составляешь часть вашего войска одними заслугами ему, безъ всякихъ еще за нихъ вознагражденій.

— Слово дано, и мы будемъ только помнишь объ исполненіи его, — сказалъ Военачальникъ, подавая дружески руку

Пашкулю, и поспѣшая сдѣлать нужныя распоряженія къ немедленному походу, приказалъ протрубить сборъ, о коемъ заранѣе извѣщены были полковые командиры.

Глава пятая

Таинственный проводникъ.

Прекрасное свободѣ!

Жуковский.

*Какъ Божій громъ,
Нашъ Витязь палъ на басурмана.*

Пушкинъ.

И то была не битва, но убійство!

Ж.

Горы Гангофскія покрывались уже вечернею тѣнью; между ними Муинамегти одна поднимала свѣтлую голову свою, на кошорой любяшь оспанавливаться послѣдніе лучи солнца. Къ шемени одной изъ сихъ горъ, ближайшей къ Нейгаузену, на сѣромъ мшистомъ камнѣ, сидѣлъ Вольдемаръ, грустный, безпокойный, какъ преступный Ангелъ, рукою Всемогущаго низверженный съ неба. Онъ былъ одинъ.

Даже съ нимъ не было и слѣнца, пералучнаго его шоварища. Кругомъ его спрана дикая, безошвѣтная, и чѣмъ обзоръ ея безпредѣльнѣе, тѣмъ болѣе пустоша ея расширялась для него, тѣмъ сильнѣе тѣснило его сиротство. Не гукнулъ нигдѣ звукъ человѣческаго голоса, не дала около него опъзыва жизнь хотя дикаго звѣря; только спая лебедей, спѣша заспать солнце на волнахъ Чудскаго озера, можешъ быть, роднаго, прошумѣла крыльями своими падъ его головою и гордымъ, дружнымъ крикомъ свободы напомнила ему тяжелое одиночество и неволю его. Мрачныя думы обвивали чело Вольдемара; взоры его, полныя душевной тревоги, прикованы были къ споротъ Новгородка-Ливонскаго.

Пошухъ золошой крестъ на Печерскомъ монастырѣ, по видимому утѣшавшій его своимъ сіяніемъ; стерлись и свѣшлыя почки, едва мелькавшія въ спанѣ Русскомъ. Тѣни обхвапили уже и вѣнецъ Муннамегги. Туманами подернулись

долины и, обманывая взоръ, разлились обширными озерами, изъ кошорыхъ, подобно островамъ, выглядывали одни верхи горъ. Вскорѣ изъ мнимыхъ водъ вышелъ полный мѣсяцъ, будшо качаясь надъ ними, приподнимался и освѣшилъ верхи сѣи. Прекрасная, величественная картина! Но она не прогала, не занимала Вольдемара. Въ спанѣ Русскомъ были его взоры, мысли и сердце; тамъ онъ былъ весь. Онъ видѣлъ съ препешомъ сердечнымъ, какъ зажигались тамъ огни, все такіе же безчисленные, какъ и вчера. »По чему ихъ не меньше?« спрашивалъ онъ себя съ горестнымъ чувствомъ. »Можетъ быть,« думалъ онъ опять, себя утѣшая, »это военная хитрость.«

Окрестность молчала, какъ обширное кладбище; верхи горъ, разсыпанныхъ посреди шуманныхъ водъ, казались ему огромными могилами, гдѣ покоятся обитатели сего края, уже опустѣвшаго. Но... вскорѣ почудился ему шумъ, подобный спону дальнаго водопада. Онъ

ловишь его жаднымъ слухомъ, прилегши головою къ землѣ, и слышишь какъ бы подземный громъ. Яснѣе и яснѣе стано-
вился шумъ сей до того, что Вольдемаръ
можетъ уже различить конскій топотъ.
Дѣйствительно, топотъ приближался,
еще, еще, и — умолкнулъ разомъ. Вме-
сто его послышался ему какой-то неясный
шелестъ, будто шептались другъ съ дру-
гомъ, будто шуршила одежда на движу-
щемся человѣкѣ. Сердце у Вольдемара за-
трепешало въ груди, какъ голубь. »Боже!
это они!« произнесъ онъ, становясь на
колѣна и поднимая слезящія очи къ свѣт-
логолубому небу. »Господи! подай мнѣ
силы совершить начатое.« Вдругъ изъ
мертвой тишины раздался женскій го-
лосъ ; онъ пѣлъ Лапышскую пѣсню :

О мой Геисхенъ, Божье дитяшко,

Что везешь ты на возу ?

Лиго! Лиго!

Вольдемаръ отвѣчалъ дрожащимъ, вы-
нужденнымъ голосомъ :

Золошы вѣнцы дѣвицамъ,

Парнямъ куньи шапочки.

Лиго! Лиго!*

»Вольдемаръ!« кликнула женщина, поднимая голову изъ шумана, какъ Наяда изъ водной области своей. »Ильза!« перекликнулся онъ, нахлобучилъ шляпу съ длинными полями на глаза, окупался плащомъ, спустился съ горы и, протянувъ руку маркишаншѣ, пошонулъ съ нею въ шуманъ. »Я привела къ тебѣ отрядъ Русскихъ — сказала она ему на томъ языкѣ, на которомъ пѣла. — Но ты дрожишь, Вольдемаръ?« — »Ничего, это отъ холода. Вы заставили меня слишкомъ долго дожидаться. Гдѣ-жъ?...« — »Здѣсь, близко. Вотъ тебѣ записка отъ начальника Русскаго, другая отъ Пашкуля. Будь осшороженъ: тебя ищутъ. Бѣги при первомъ случаѣ!« — »Бѣжать?... Нѣтъ,

* Это буквальный переводъ Лашышской пѣсни. Лиго, все равно, что наша Ладо. Слово сіе часто употребляется Лашышами въ пѣсняхъ ихъ, особенно въ шѣхъ, кошорыя они поюшъ на Ивановъ день.

лучше умерешь. Пускай казнятъ меня, только на родной землѣ!« произнесъ глухо Вольдемаръ, и увлекъ свою спутницу къ толпѣ, рябившей въ густомъ словѣ паровъ. — «Гдѣ проводникъ?» закричалъ одинъ изъ толпы, казавшійся начальникомъ Ташарскимъ. Ильза указала на своего товарища. Подвели бойкую Черкесскую лошадь, и два Калмыка собирались уже силою втащить Вольдемара на нее и привязать его къ сѣдлу, какъ они обыкновенно дѣлывали это съ другими проводниками своими; но онъ гордо взглянувъ на малорослыхъ Азіяпцевъ, ошполкнулъ обоихъ такъ, что они полетѣли въ разныя стороны вверхъ ногами, вспрыгнувъ на коня, и гаркнувъ молодецкимъ голосомъ по-Русски: »За мною! съ Богомъ!« прорѣзалъ себѣ дорогу сквозь толпу Ташаръ и поскакалъ впередъ; за нимъ послѣдовали Ильза на двуколесной шельжкѣ своей и Ташарскій всадникъ (это былъ Мурзенко), ошполчивавшій сначала нагайкою шѣхъ двухъ негодяевъ, ко-

порые оскорбили проводника, и наказавшій своей командѣ строгое къ нему уваженіе; за нимъ понеслись гусемъ пяти-сотня Казацкая, Башкирская и Калмыцкая, Преображенскій полкъ на лошадяхъ, девять полковъ драгунъ, Московскіе гусары, копейщики и рейшары. (Въ это же время Генераль Гулицъ съ нѣсколькими сотнями охотниковъ пустился на лодкахъ по водамъ Чудскаго озера. Семеновскій полкъ былъ потребованъ Государемъ къ Нотебургу.)

Съ судорожнымъ рономъ проснулся край сей, досель опочившій мертвымъ сномъ. Глухо стонала земля отъ попоха конницы; но всадники молчали, будто окаменѣлые на коняхъ своихъ. Казалось, эскадроны мертвецовъ неслись въ полупочные часы на крыльяхъ бури. Кое-гдѣ раздавалось ржаніе коней, и то немедленно было удерживаемо рукою, управлявшею ими; рѣдко-гдѣ стучало оружіе объ оружіе, и тотчасъ стукъ сей замиралъ, какъ будто и металлъ согласовался въ сн

часы съ подчиненностію челоѣка. Въ
опрядѣ изъ нѣсколькихъ тысячъ все было
память даннаго приказа, все было жажда
побѣды! Тѣмъ лучше выполнялась воля
начальства, что она согласовалась и съ
чувствомъ всего войска. Солдатъ, такъ же
какъ и любовникъ, охотникъ до ночныхъ
приключеній, сулящихъ ему условленную
побѣду; вообще Русскій любитъ удалыя
запѣи, отвагу. Вырвать, да подать; въ
одно ухо влѣзть, въ другое вылѣзть —
его любимыя поговорки, означающія духъ
народный. Ночь съ ея голубымъ небомъ,
съ ея зоркимъ сторожемъ, мѣсяцемъ, бро-
савшимъ свѣтъ унѣшительный, но не пре-
дательный, съ ея шумами, разлившимися
въ озера широкія, въ которыя погру-
жались и въ которыхъ исчезали цѣлыя
колонны; усыпанныя войскомъ горы, вы-
ступавшія посреди волшебныхъ водъ сихъ,
будто плывущія по нимъ транспортныя,
огромныя суда; тайна, проводникъ — не-
робкій Лапышъ, слѣдующій подъ нагай-
кою Тапарина — проводникъ смѣлый,

вольный, окликающій по временамъ пустыню сію и очищающій дорогу величественнымъ возгласомъ: *сѣ Богомъ!* все въ этомъ ночномъ походе наполняло сердце Русскаго воина удовольствіемъ чудесности и жаромъ самонадѣянности.

Такъ неся болѣе двухъ часовъ конный опрядъ, ввѣренный тайнственному вожакому. Густой шуманъ все еще лежалъ по землѣ; свѣтъ мѣсяца не ослабѣвалъ. Вольдемаръ оглянулся кругомъ. Впереди было нѣсколько рощицъ и пригорковъ; коегдѣ, сквозь густые пары, окутавшіе землю, мелькали огненные пятна, которыя загораживали иногда маленькія шѣли. Онъ остановился, за нимъ весь опрядъ по свисту Мурзенко. Съ помощію переводчицы Ильзы, Вольдемаръ объяснилъ Татарскому начальнику, а этотъ передалъ, кому нужно было, что они сдѣлали ошъ Нейгаузена близъ шести миль, что они находясь въ трехъ верстахъ ошъ заставы Шведской, состоящей изъ эскадрона рейтаръ и расположенной за рѣчкою

Шварцбахъ, что при переправѣ будетъ работа конямъ и что для часового опдыха не найдши лучшаго мѣста, какъ-то, гдѣ они находились. Онъ же, проводникъ, брался съ нѣсколькими казаками содержать впереди пикетъ. Огоньки же, видимые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, говорилъ онъ, не должны никого прехожить, потому что они разложены крестьянскими дѣтьми, сперегущими въ *ночномъ* свои спада; а хопя-бъ между ними были и старшіе, то извѣстно, прибавлялъ Вольдемаръ, что Лапышъ не пронется съ мѣста, пока не подойдетъ къ нему подыносъ и не разшевелитъ его силою; безъ того цѣлое войско можетъ пройти мимо его, не обративъ на себя его вниманія.

Въ самомъ дѣлѣ маленькіе паспухи обоого пола, попорщась въ кружокъ около разложенныхъ огней, едва свѣтящихся въ туманѣ, беззаботно перекликались по рощамъ пѣснями своими, какъ ночные соловьи: въ одномъ мѣстѣ пѣли спихъ, въ другомъ продолжали другой, такъ даже,

и вдругъ въ разныхъ мѣстахъ соединяли голоса свои въ одинъ дружный, хорный припѣвъ: *Лиго! Лиго!* Разнообразные звуки колокольчиковъ, привѣщепныхъ къ шеѣ пасущихся сшадъ, покрывали сіи пѣсни какимъ-то чуднымъ спроемъ.

Лукавый Ташарскій наѣздникъ, Мурзенко, сквозь щели глазъ своихъ успѣлъ выглядѣвъ проводника въ лице, и съ того времени имѣлъ къ нему полное довѣріе. «Моя знаяшъ, его не обманешъ,» говорилъ онъ начальнику опряда. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Всадники облегчили лошадей. Возможная пищина продолжалась между ними.

На пикетѣ было совѣщаніе, какъ напасъ на заставу непріятельскую. Совѣшъ составляли Мурзенко, Папкуль и какой-то высокій воинъ, которому всѣ оказывали особенное уваженіе. Вольдемаръ передалъ имъ черезъ своего полмача Ильзу предложеніе, чѣобы, какъ скоро опрядъ подъѣдетъ къ рѣкѣ, небольшой его части опчаянно перенеслись прямо

вплавь черезъ рѣку, зажечь форпосты, испугать и занять непріятеля, а другой части, которой онъ, проводникъ, укажешь бродъ, переправясь черезъ него, завернуть непріятелю въ бокъ и въ тылъ, и докончить его пораженіе. Предложеніе сіе принято высокимъ воинномъ, который, по видимому, соединялъ въ себѣ верховную власть надъ опрядомъ, и хощя любопытство, сродное всякому человѣку, въ наспоющихъ обспоятельстввахъ согласовалось съ обязанностію Полководца, онъ не показывалъ вида, что старается проникнуть тайнственнаго совѣтника. Дѣйствіями своими соображаясь съ главнымъ начальникомъ, каждый изъ офицеровъ, чувствовавшій сильное желаніе узнать, кто былъ тайнственный проводникъ, не смѣлъ этого домогаться.

Прошелъ добрый часъ. Туманы зашевелились, свѣтъ мѣсяца начиналъ ослабѣвать; пѣсни Латышскія запихали. Данъ знакъ свистомъ. Всадники сѣли опять на коней и въ прежнемъ порядкѣ пронулись

впередъ. Какъ скоро опрядъ началъ подъ-
ѣзжать къ Шварцбаху, означенному поло-
сою сгущеннаго дыма, Мурзенко махнулъ
своей пятакомъ и бросился съ нею
вплавъ черезъ рѣку. Караульные Шведскіе,
стоявшіе за Шварцбахомъ, не понимали,
что за шумъ они слышатъ въ дали. Въ
безпечности, утвержденной шестимѣсяч-
нымъ спокойствіемъ, они думали, что
плотина у ближайшей мельницы прорва-
лась; попомъ, увидя что-то движущееся
по рѣкѣ и услышавъ пыхтѣніе лошадей,
почли ихъ заблудившимся спадомъ изъ
Розенгофа. Они еще не успѣли одумать-
ся, какъ нѣсколько Татаръ и Казаковъ
были уже на берегу. Закричалъ одинъ и
другой караульный; но крикъ ихъ, раз-
дѣленный мѣлкимъ ударомъ сабли, уже
принадлежалъ жизни и смерти вмѣстѣ.
Прибѣжавшіе въ безпорядкѣ на послышав-
шійся шумъ были окружены, смяты и пе-
реколоты. Рогажки были раздвинуты,
огонь брошенъ на крыши сараевъ и избъ
форпоста, и Мурзенко, посреди своихъ,

съ ужаснымъ воплемъ : руби ! коли ! жги !
ворвался въ сшанъ Шведскій, какъ голод-
ный волкъ въ овчарню, и не только въ
непріятелѣ, но и въ лошадяхъ успѣлъ
произвести ужасъ. Наконецъ запрубили
шревогу въ форпостѣ. Успрашенные
Шведы хватались, кто за одѣяніе, кто за
оружіе, закладывали рогащки, пушили
огонь, бросались на коней, еще не оспѣ-
данныхъ и худо имъ повиновавшихся.
Испуганныя животныя отпрыгивали отъ
своихъ коновязей и умножали суматоху
между своими всадниками. Однако-жъ на-
чальникъ форпоста, полуодѣтый, при-
бывъ на мѣсто сраженія, собралъ около
себя нѣсколько сотъ рейтаръ верхами,
возстановилъ между ними возможный
порядокъ и съ возгласомъ : »Богъ и Ко-
роль ! Умремъ ! смертію сопремъ наше
безчестіе ! умремъ ! Богъ и Король !« ря-
нулся на Мурзенкову команду, сшибся съ
нею и завязалъ бой вмѣсто драки. Сна-
чала бой сей поддерживаемъ былъ рав-
нымъ съ обѣихъ сторонъ остервененіемъ;

гиканье Ташарь еще заглушало командныя слова Шведскаго начальника. Вскорѣ твердый возгласъ: »Вогъ и Король! Друзья! побѣдимъ, или умремъ!« началъ владычествовать надъ безпорядкомъ сихъ криковъ; и Азіятцы, непривыкшіе долго выдерживать вѣрной сѣчки палаша и правильно поддерживаемаго огня, спали показывать пылъ. Вдругъ застонала земля, какъ двинутое бурей море, и два Русскихъ драгунскихъ полка врѣзались въ сѣчу. Нѣсколькихъ минушъ было довольно, чтобы склонить и утвердить легкую побѣду за Русскими. Шведы, непобѣжденные, но задавленные, пали почти все мертвые. Изъ 500 слишкомъ челоуѣкъ 2 офицера и нѣсколько рейтаръ взято въ плѣнъ, и тѣ сильно израненные. Заря начинала заниматься и открыла полусвѣтомъ своимъ кровавое зрѣлище.

Когда Вольдемаръ привелъ драгунскіе полки къ мѣсту битвы, онъ спалъ по близости оной на холму, откуда можно ему было все видѣть, что въ ней про-

исходило. Кровь его кипѣла; огонь мужества зажигался въ глазахъ; не разъ поднималась рука, чтобы ухватиться за оружіе, котораго съ нимъ не было. Съ какою радостію полетѣлъ бы онъ въ пылъ этой битвы! Но мысль, что онъ чуждъ тѣхъ, для которыхъ трудился съ такимъ пламеннымъ усердіемъ, изторгала тяжелые вздохи изъ груди его. Какой-то рядовой замѣшилъ, будто онъ перекрестился, когда побѣда утвердилась за Русскими; но никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы басурману пришла охота пворить по-Русски крестное знаменіе, и всѣ смѣялись подъ носъ вѣстовщику этой чудной новости. По концѣ сраженія не видали, куда проводникъ дѣвался.

Военачальникъ Русскій съ остальною конницею, небывшею въ дѣлѣ, переправясь въ бродъ черезъ Шварцбахъ, поблагодаря участниковъ побѣды за добрый начатокъ и приказавъ похоронить съ подобающею честію своихъ и чужихъ, рѣшился отдохнуть близъ мѣста сра-

женія. Здѣсь же предположено дождаться пѣхоты и артиллеріи, для которыхъ и начали устраивать мостъ. Не успѣли еще обдѣлать Фельдмаршалу спавку изъ деревьевъ, сучьевъ и ковровъ посреди пріямной березовой рощи, на скамѣ пригорка, съ котораго можно было все видѣть за нѣсколько верстъ кругомъ, какъ явился къ нему Калмыкъ съ запискою отъ Генераль-Кригскоммиссара. Она была слѣдующаго содержанія: »Высокоповелительный Господинъ Генераль-Фельдмаршалъ! Съ дозволенія Вашего отправился я далѣе для исполненія моихъ обязанностей. Полковникъ Мурзенко со мною, и черезъ часъ доставить все нужное въ спанъ. Возможны мѣры приняты, чтобы пресѣчь вѣсти о снятіи форпоста Шведскаго; а на случай, если-бъ земля и воздухъ проговорились, пущенъ мною искусно слухъ, что господа Шведы на форпостѣ изволили пѣшиться учебною пальбою и что въ сосѣдней деревушкѣ случился пожаръ. Послѣ-завтра буду имѣть

честь ожидать Васъ въ Гуммельсгофѣ, гдѣ, предполагать надобно, стянетъ свое испуганное войско самонадѣянный Шлиппенбахъ, и гдѣ удобнѣйшаго ему мѣста для главнаго сраженія не предвидится. Русскимъ нужна только встрѣча съ нпмъ: послѣ нея имя Шведское не будетъ имѣть постоянного мѣста въ Лифляндіи, кромѣ крѣпостей. Въ Сагницѣ вы изволите найдши магазинъ Шведскій, обильно всѣмъ снабженный. Въ Гуммельсгофѣ войско не затруднится снабженіемъ провіанта: пять сотъ воевъ онаго выставить непременно 17 числа къ двухъ часамъ по полудни родственникъ мой Фюренгофъ. *Языкѣ** и вмѣстѣ нынѣшній проводникъ, Шведъ, имѣетъ нужду въ отдыхѣ: онъ свое дѣло сдѣлалъ. Нынѣ въ полдень явился къ вамъ

* *Языкѣ* означалъ въ тогдашнее время человека могущаго доставить свѣдѣнія о состояніи непріятельскаго войска, о мѣстахъ, имъ занимаемыхъ, и шому подобномъ; это былъ родъ шпиона. Извѣстно по преданію, что въ послѣдствіи времени, именно въ царствованіе Анны Іоанновны преступники были называемы *языками*, когда имъ слѣдовало указать на участниковъ ихъ преступленія, или *оговаривать*

Латышъ, высокаго роста, блѣлокурый, молодой и, для соглашенія пользы вашего войска съ любовію моею къ чудесности, эпошъ Языкъ и проводникъ будетъ Нѣмой. Онъ представитъ вамъ записку съ словами: *Илья Муромецъ*. На вопросы по-Нѣмецки будетъ онъ отвѣчать письменно. До Сагница проведетъ онъ опрядъ ближайшими и сколь можно скрытыми дорогами. Ручаюсь за познаніе и вѣрность его. Надѣюсь, что отъ Сагница ужасъ Шведовъ покажешь вамъ почиѣ другихъ мѣсто свиданія съ ихъ начальникомъ.

Прочитавъ сіе письмо, Фельдмаршалъ сказалъ: — »Не будемъ неблагодарны: тайпамъ Господина Пашкуля обязаны мы за драгоцѣнныя извѣстія, нынѣшнюю побѣду, бодрость войска и добрую надежду.«

ватъ кого въ семь участіи. Для шаковой цѣли языкъ былъ водимъ по городу, и на кого онъ указывалъ, шошъ забираемъ былъ подъ спражу. Обыкновенно при вѣсши, что онъ идетъ, запирались лавки, и народъ, спараясь укрышья отъ вспрѣчи съ ужаснымъ оговорощилемъ и крича: „Языка, Языка ведутъ!“ бѣжалъ опромешью, кто куда попалъ.

Между тѣмъ приказалъ онъ, кому слѣдовало, принять *честнымъ* образомъ новаго проводника, а сшараго не превозжигать, если онъ и покажется.

Все ликовало въ войскѣ. Сама природа согласовалась съ его радостію: утро было прекрасное; солнце, выступивъ на небосклонъ, заиграло, какъ говорятъ у насъ въ простоиародіи, и сдержнуло съ долины шуманное покрывало, доселѣ надъ нимъ носившееся. Запрудили *побудокъ* уставки Фельдмаршальской, и шотъ же сигналъ повторился во всѣхъ полкахъ. Офицеры и солдаты спѣшили принести Господу Силъ дань благодарности за побѣду, имъ нынѣ низпосланную. Всѣ молились отъ теплоты радостнаго сердца.

За небольшимъ оврагомъ, который граничилъ со станомъ Русскимъ и опушенъ былъ съ обѣихъ сторонъ густымъ, довольно высокимъ кустарникомъ, стоялъ Вольдемаръ, никѣмъ не видимый, какъ ему казалось, но видя, что дѣлалось въ войскѣ, по близости оврага. Скомандовали

къ молитвѣ. Трепещь пробѣжалъ по всѣмъ членамъ его. Съ словами: *Отче нашъ*, палъ онъ на колѣна, въ прогашельномъ благоговѣніи повторялъ молитву за солдапомъ, чинившимъ ее въ ближайшемъ отъ него полку, и съ словами: *остави намъ долги наша*, горько зарыдалъ. Несчастный! онъ не смѣлъ молиться съ другими; отчужденный отъ общества какимъ нибудь преступленіемъ, онъ не смѣлъ присоединиться къ людямъ, свято исполнявшимъ обязанности Христіанина и подданнаго. Одна строка изъ его жизни могла бы вооружить противъ него пѣхъ, коихъ вель онъ нынѣ къ побѣдѣ. И ближнимъ своимъ служить можетъ онъ только ночью, понаебно! Мысль эта испугала его, какъ будто въ первый разъ приходила ему въ голову. Онъ поспѣшилъ удалиться; но, лишь отошелъ нѣсколько шаговъ, чувство, сильнѣйшее эпой мысли, заставило его воротиться на прежнее мѣсто и приковало его къ нему. Онъ съль. Какъ сладостно было прислуши-

вашся ему къ звукамъ языка, давно непопрясавшаго его слуха! Съ какою жадностію перехватывалъ онъ сердцемъ сіи звуки! »Что ни будетъ — думалъ онъ — пробуду еще съ *ними* нѣсколько времени.»

Послѣдній полкъ, расположенный у оврага, былъ Князя Вадбольскаго. Хлѣбосольство и радушіе хозяина собирали къ нему пріятельскія бесѣды чаще, нежели къ другимъ полковымъ начальникамъ. Товарищи его, составлявшіе вчерашнее общество въ развалинахъ Нейгаузенскаго замка, кромѣ нѣкоторыхъ и, въ числѣ ихъ, Кропотова, говорившаго, что онъ не принадлежишь уже міру сему, что онъ приготовился по долгу Христіанскому къ переходу въ вѣчность, — товарищи сіи пировали и нынѣ у Вадбольскаго, расположившіеся въ кустахъ у оврага. И нынѣ такъ же, какъ и вчера, оживлялся разговоръ пѣніемъ и музыкою. Скоморохъ Филія исполнялъ должность мундшенка вмѣсто драгуна, въ засаленной рубашкѣ, который, поспрянавъ на форпостѣ пала-

шемъ, прилежъ тамъ же отдохнуть сномъ вѣчнымъ. Чара круговая обошла пріятельскій кругъ уже три раза, сперва за здоровье живыхъ, потомъ за упокой убіенныхъ, и наконецъ за *викторію*. А какъ походный кравчій, и вмѣстѣ музыканшъ, жаловался, что опъ проклятаго шумана спруны опсырѣли на балалайкѣ, да пальцы у него свело, то и ему поднесли *жизненной водицы*. Онъ взялъ чару въ руки и произнесъ громко, поклонившись на всѣ стороны: »Во здравіе, во славу честной компаніи!«

Кн. Вадбольскій. Замѣтьте, брашцы, ужъ нашъ проклятый скоморохъ, изъ какой шибудь деревушки Подосиновки, изволилъ щеголять чужестранными словами. Вотъ какая чума — примѣръ высшихъ! Чай, у насъ лѣтъ черезъ сто и чумаки въ деревняхъ заговорятъ на басурманскомъ языкѣ.

Филъ продолжаетъ, не смѣшавшись. Во здравіе, во славу честной бесѣды! Долгія лѣта имъ жить и заздравиую чашу пить!

Сколько капель проглочу я въ этой чарѣ, сколько-бъ Шведовъ каждому оппущивъ на шею свѣтъ! Какъ я люблю вино, такъ любили бы ихъ вѣрно и неллициемѣрно пріятели и жены... Гмъ! (*Смотритъ на Дюмона*) Вижу, вижу по глазамъ, чего хочется — и такъ полюбили бы ихъ Московскія красныя, чернобровыя дѣвушки! (*Выпиваетъ чару разомъ и выливаетъ оставшіяся въ ней капли на маковку головы своей, которую и приглаживаетъ рукой; потомъ беретъ балалайку и оборачивается съ поклономъ къ Глѣбовскому.*) Ваше благородіе! недокончанная борозда хуже, чѣмъ непронутое поле.

Полуктово. Правда, за побою долгъ: ты началъ намъ пѣсню Новика, и тебѣ помѣшали докончить ее.

Послышался шорохъ съ другой стороны оврага въ кустахъ. Филъ спалъ прислушиваясь и сказалъ: — Господа командиры! кто-то вздохнулъ за оврагомъ, да такъ вздохнулъ, что по сердцу подрало.

Кн. Вадбольскій. Полно врать.

Филля. Ей, ей, право велико слово! Вы знаете, какое у меня ухо: чуть кто на волосъ не вѣрно споешь, такъ и завизжитъ въ немъ, какъ поросенокъ, или пугая пшля. Не сбѣдокуримъ бы надъ нами проводникъ. Молодецъ хоть куда! Пожалуй, на обѣ руки! Да еще не Жидъ ли, или Полякъ: и нашимъ и вашимъ? Насъ подвелъ ночью Шведовъ побить, а днемъ подведешь ихъ, чѣмъ насъ поколошить.

Кн. Вадбольскій. Врешь, Филька! Съ холма, гдѣ раскинутъ Фельдмаршальскій шалашъ, видно все за десятокъ верстъ; форпосты наши стоятъ далеко. А если удамой проводникъ — дай Богъ ему здоровья, да побольше охоты помогай намъ! — подвелъ прошивъ насъ одинъ вздохъ, такъ еще бѣда не велика. Пущка лебединую!

Филля заигралъ, корча по временамъ плаксивое лице; Глѣбовской запѣлъ слѣдующую пѣсню; Дюмонъ изрѣдка вшорилъ ему голосомъ:

Сладко пѣлъ душа соловушко
Въ зеленѣмъ моемъ саду :
Много, много зналъ онъ пѣсенокъ,
Слаще не было одной.

Ахъ ! ша пѣснь была завѣшная,
Рвала бѣлу грудь шоской ;
А все слушаешь бы хошѣлося,
Не разспалась бы ввѣкъ съ ней.

Вдругъ подула со полуночи,
Будшо на сердце легла,
Снѣговая непогодушка,
И мой садикъ занесла.

Со шого ли со безвременья
Опущѣлъ зеленый садъ :
Много пшашекъ, много пѣсенъ въ немъ,
Только милой не слыхашь.

Слышишель, мой подруженьки ?
Въ зеленѣмъ моемъ саду
Не поешь ли мой соловушко
Пѣснь завѣшную свою ?

„Гдѣ ужь помнишь перелешному
— Миѣ подружки говоряшь —
„Пѣсню, можешь быть, посылаю
„Для него въ чужомъ краю?“

Нѣтъ! — зацѣлъ душа-соловушка —
Въ чужедальной сторонѣ
Онъ все горькій сиротиношка,
Онъ все шопъ же, что и былъ.

Въ то самое время, когда Глѣбовской
доканчивалъ куплетъ, за оврагомъ повто-
рили послѣдній стихъ. Онъ замолчалъ;
Филия пересталъ играть; всѣ собесѣдники
смотрѣли другъ на друга въ изумленіи.
Кто-то дрожащимъ, исполненнымъ по-
ски и раздраженнымъ душу голосомъ про-
должалъ пѣть :

Не забылъ онъ пѣснь завѣшную;
Все про край родной поешь,
Все поешь въ шокѣ про милую;
Съ этой пѣснью и умрешь.

Здѣсь голосъ умолкъ. »Что это зна-
чишь ?« говорили другъ другу собесѣд-
Часть II. 15

ники. »Ужъ это не вздохъ — цѣлая въспочка опъ родины!« — »Не подшучиваешь ли кто надъ нами?« — Глѣбовской готовъ былъ побожиться, что онъ одинъ въ опрядѣ знаетъ эту пѣсню. Требовали опъ Фили признаія, не выучилъ ли онъ ей кого? — »Чтобы языкъ опсохъ! по маковому зернышку меня бы разорвало!« возразилъ Фили. »У меня самого пѣсня эта была завѣтная; я берегъ ее за теплою пазушкой для свѣта-радости, красной дѣвицы въ тоскѣ, въ разлученницѣ, по добромъ молодцѣ, по офицерчикѣ. Гмъ! (кашляетъ) за нее подарила бы она меня словомъ ласковымъ, привѣпливымъ, словомъ ласковымъ, привѣпливымъ — и рублевикомъ серебрянымъ. Господа командиры! дайте мнѣ ордеръ развѣдать, какой окаанный пѣвчій передражливаетъ насъ?

— Развѣдаемъ, развѣдаемъ. И мы съ побой! — закричали въ одинъ голосъ Дюмонъ и Глѣбовской. Но лишь только вспали они съ мѣстъ своихъ и собира-

лись идти, какъ на другой сторонѣ овра-
га мелькнулъ между кустами высокій муж-
чина, въ круглой шляпѣ съ широкими по-
лями, закутанный въ плащѣ. Упренная
пѣнь ложилась опѣ него длинною поло-
сой тѣмъ, гдѣ не пересѣкали ее деревья.
Онъ махнулъ собесѣдникамъ рукою, давая
имъ знать, чѣтобъ они не старались его
преслѣдовать, скрылся въ кустахъ, и
пока наши стрѣлки успѣли — двое обѣ-
жая оврагъ, а третій спустился въ
него кубаремъ и вскарабкался по дру-
гому краю его, цѣпляясь за кусты —
тайнственный незнакомецъ былъ уже
очень далеко на холму, скинулъ шляпу и
пѣзезъ. Преслѣдовать его было невозмож-
но. Досадуя на свою неудачу, Дюмонъ,
Глѣбовской и передовой ихъ, Филя, воз-
вратились въ кругъ товарищей. Всѣ
опять принялись вертѣть Пандоринъ
ящикъ и прѣискивать къ нему ключъ.

Лима. Ростъ, черные волосы напоми-
наютъ мнѣ проводника моего при Эрра-
стферь. Да тогдѣ худо говорилъ по-

Русски, какъ мнѣ докладывалъ аріергардный офицеръ, которому онъ отдалъ кошелекъ съ деньгами. Правда, мнѣ, сколько припомнить могу, онъ довольно рѣчисто произнесъ: Стой! оврагъ — и смерть! И теперь эти слова отдаются въ ушахъ моихъ.

Дюмонъ. Напѣвъ не дѣлаетъ музыки.

Кн. Вадбольскій. Не проводникъ ли это нынѣшній? ... Говорятъ, что онъ Шведъ: какъ же заморской птицѣ этой распѣвать такъ хорошо по нашему? ... Изъ какой причины Шведъ помогаетъ непріателямъ своего отечества? ... Развѣ изъ мести? ... Не преступникъ ли какой? ... Можетъ быть, изгнанникъ? ... Слышали-ль вы, брашцы, какъ онъ ночью покрикивалъ: *сѣ Богомъ!* — и въ голосѣ его что-то было не-басурманское! ... Жаль, что Мурзы нѣтъ съ нами. Мышиными глазами своими онъ видитъ ночью, какъ днемъ, и навѣрно успѣлъ его разглядѣть. Безъ того не ручался бы онъ за

него такъ, какъ за Калмыцкую свою лошаадь.

Полуктовъ. Да вошь онъ и на поминъ легокъ: несется съ холма, за которымъ скрылся таинственный пѣвецъ, и ведетъ за собою цѣлый обозъ провіанта.

Дюмонъ. Можетъ быть, и чудеснаго плѣнника приведетъ къ намъ.

Кн. Вадбольскій, махая рукою Мурзенкѣ, кричитъ ему: Сюда, сюда, окаанный Ташаринъ!

Настоящая дорога, по которой шланулся черною нитью на двуколесныхъ шельжахъ обозъ, какъ въспревоженный муравейникъ, перебирающійся на новоселье, обгибала далеко оврагъ, раздѣлявшій Мурзенко съ нашими собесѣдниками. Для нетерпѣливаго Азіятскаго наѣздника крапчайшій путь есть лучший: онъ не думалъ, копорой ему избрать. Въ замѣну шпоръ, подобравъ немного повода у своего Черкесскаго коня, горбоносаго, поджараго и невиднаго, онъ полетѣлъ прямо на оврагъ. Подѣхавъ къ нему, онъ при-

всхлѣвъ немного на сѣдлѣ, поопдалѣ поводовѣ, гикнулѣ — и конь, соединивѣ подѣ себя ноги свои, какѣ бы собравѣ во едино всю свою силу, вдругѣ раскинулѣ ихѣ, развернулѣ упругость своихѣ мускуловѣ, мелькнулѣ одно мгновенье ока на воздухѣ, какѣ взмахѣ крыла, какѣ черта мимолетная, фыркнулѣ и, осаженный на заднія ноги ловкимѣ всадникомѣ, спалѣ, будто вкопанный, передѣ собесѣдниками. Только брызги земныя полетѣли изъ-подѣ него въ глаза ихѣ. — За чѣмѣ моя нужна? спросилѣ съ нетерпѣніемѣ Татарскій наѣздникѣ.

Кн. Вадбольскій, протирая себѣ глаза. А забылѣ, Полковникѣ-молодецѣ, свою порцію водки?

Мурзенко, усмѣхаясь. Добра, добра! (Выпиваетѣ, не слѣзая съ лошади, поднесенную ему чару.) На этомѣ спасибо! За то я ваша хлѣбца привезла, моя нынѣ выручили.

Кн. Вадбольскій. Бьемѣ челомѣ тебѣ за хлѣбецѣ; ради спараться впередѣ, лю-

безный шоварищъ, лишь бы ты начиналъ. Да что у тебя на щекъ, Полковникъ ?

Мурзенко, хватаясь въ забывчивости за щеку, разрѣзанную ударомъ палаша. Ей, ей, раздражила моя щека: моя было заговорила. Прощай! пѣть время.

Полуктовъ. Подожди немного, Полковникъ ! (Хочешь ухватишь за узду лошадь, которая бросается на него, чтобъ укусишь, такъ проворно, что онъ едва увертывается.)

Мурзенко. Лошадка моя любитъ только своя господина, да вольная луга. Говори своя скорѣй, за чѣмъ моя надобна ?

Полуктовъ. Не взялъ ли ты кого въ плѣнъ на форпостъ ?

Мурзенко, качая головой въ знакъ отрицанія: Нѣтъ !

Дюмонъ. Не видалъ ли хоть проводника ночнаго ?

Мурзенко. Нѣтъ !

Кн. Вадбольскій. Тѣфу пропасть ! не видалъ ли кого тамъ чужаго ?

Мурзенко. Моя никого не видала, ничего не знаетъ. Прощай! — Съ эшимъ словомъ пронулъ онъ повода лошади и поскакалъ къ Фельдмаршальской ставкѣ.

Кн. Вадбольскій. Замѣтили ли вы, братцы, какъ онъ корчилъ свою плушовашую Татарскую рожу? И чествованье наше ему не въ честь. Злодѣй! не въ заговорѣ ли ужъ онъ съ пѣвцомъ?

Дюмонъ. Чего бы я не далъ, чтобъ узнать, кто эпомъ чудесный человекъ!

Глѣбовской. Послать на форпостъ провѣдать объ немъ все равно, что не посылать: тамъ стоитъ Мурзенкова команда. Если онъ молчитъ, такъ и она не заговоритъ, хоть жги горячимъ желѣзомъ. Сопни его только члены эпого живошнаго.

Дюмонъ. Ужъ не пропустили ли кого Татары безъ дежурнаго офицера?

Кн. Вадбольскій. Офицеръ съ отрядомъ драгунъ только теперь отправился смѣнять Кадыковъ, да Башкирцевъ. Впрочемъ грѣхъ сказать и объ Мурзенковой

командѣ, чтобы она не исполняла свято обязанности караульщиковъ.

Дюмонъ. Такъ же хорошо, какъ и обязанности зажигателей и грабителей; а между тѣмъ слава падаетъ на регулярное войско!

Лила. Что дѣлать, господа? Они незнакомы съ честолюбіемъ, не знаютъ, что такое преданность къ Государю, любовь къ Отечеству, что такое слава: честь ихъ — надежный конь, владыка Мурзенко, почитаемый ими болѣе Царя, потому что нагайка того не рѣдко напоминаетъ имъ о своемъ владычествѣ, а Царская дубинка еще на нихъ не гуляла; удовольствіе ихъ — лихое наѣздничество, добыча грабежемъ — ихъ награда. За то легучимъ конямъ ихъ рѣки, какъ намъ гладкая дорога; по скаламъ они, какъ козы, прыгаютъ. Какой драгунъ осмѣлился бы пуститься на двѣ трети разстоянія, которое Мурзенко перемахнулъ сейчасъ, будто ни въ чемъ не бывалъ? Вездѣ Тапаринъ составляетъ наше передовое

войско; вездѣ очищаетъ намъ путь къ непріятелю ужасомъ имени своего. Подчините ихъ дисциплинѣ, и войско сіе будетъ для насъ бесполезно.

Дюмонб. Не задаривайте ихъ также...

Полуектовб. А развѣ забылъ ты, брашецъ, слово нашего Великаго Государя, да не мимо идешь: *«А сіи пистолы и въ Европѣ много пользуютъ, не только что у варваровъ»*.

Дюмонб. Такъ; да я сердитъ нынѣ на нихъ.

Лили. Это дѣло другое.

Глѣбовской. Особенно на Мурзенку, чшобъ...

Кн. Вадбольскій. Чшобъ конь его хоть разъ въ жизнь свою спотыкнулся — на ровномъ мѣстѣ! Пропустишь изъ-подъ ногъ зайца, а можешь быть, краснаго звѣря — въ самой вещи досадно! Только чшо хвостикомъ мигнулъ! Да не вѣкъ же горевать, друзья! Если чудакъ любишь Русскія пѣсни, такъ мы его опять заловимъ на эту приманку; если онъ любитъ

насъ, такъ самъ пожелаешь: а недругъ хопъ вѣчно сиди въ своей берлогѣ!

Такъ кончилась занимательная бесѣда, прерванная шумомъ прибывшей пѣхоты и артиллеріи. Весь день прошелъ въ ошдыхѣ. Къ полдню явился Нѣмой *Вожѣ**, представивъ, кому слѣдовало, свой пропускъ съ словами: *Илія Муромецѣ*. Никто не былъ довольнѣе Ильзы приходомъ его: она обнимала, цѣловала его, называла милымъ брашцемъ; а онъ съ своей стороны показывалъ краснорѣчивыми движеніями, что былъ очень радъ свиданію съ нею. Не наговорились они, Ильза на своемъ языкѣ, Нѣмой на своемъ. Мы узнали въ немъ того самого дѣшину, котораго видѣли на мызѣ Blumenprossовой въ слезахъ отъ того, что другіе плакали.

Вечеръ навслокъ густыя тучи, въ которыхъ, безъ грозы, разыгрывалась молнія. Подъ мракомъ ихъ отправился Русскій опрядъ черезъ горы и лѣса къ Саг-

* Такъ звали проводниковъ.

пицу, до котораго надобно было сдѣлать
близь сорока верстъ. Уже орлы сѣверные,
узнавъ свои силы, расправили крылья и
начинали летать по орлиному. Оставимъ
ихъ на время, чшобы ознакомить чипа-
теля съ лицомъ, еще мало ему извѣ-
стнымъ.

Глава шестая

Ночное посѣщеніе.

*Все подозрительно, и все его тревожитъ ;
Чуть ногою кошка заскребетъ.
Ему ужъ кажется, что воръ къ нему идетъ ;
Похолодѣтъ весь, и ухо онъ приложитъ.*

Крыловъ.

А этотъ точно плутъ, и плутъ первостатейный!

Хмѣльницкій.

Была ночь. Окрестность мызы Рингенской слилась во мракъ, сгущенный черною тучей, задвинувшею небо. Подойдя къ самому пригорку, на которомъ стояли развалины замка и господской домъ; ничего нельзя было различить, кроме нѣсколькихъ черныхъ, безобразныхъ громадъ. Только по временамъ, когда въ

черной тучѣ загоралась длинная, красноватая молнія, освѣщавшая окружность, видны были на возвышеніи вѣво, подъ сѣнью сосноваго лѣса, бѣдные остатки замка, и правѣй его двухъ-этажный домъ, о прежнемъ великолѣпнѣи коего свидѣтельствовали еще множество спашуй Нептуновъ, Діанъ, Флоръ и прочихъ сочленовъ Олимпа съ разбитыми головами или обломанными руками, остатки на фронтонѣ искусной лѣпной работы и два безхвостыхъ сфинкса, еще впрочемъ въ добромъ здоровѣ, охранявшихъ входъ въ сіе обиталище. Въ то же время и настоящее жалкое положеніе его выказывали пестрая штукатурка, выпавшіе изъ угловъ кирпичи, поросшіе изъ-подъ кровли кусты и разбитыя стекла, залѣпленныя бумагою, или обтянутыя пузырями. За домомъ видна была купа деревьевъ, огражденная двойнымъ валомъ, сходившимъ съ возвышенія до самой рѣчки Мешпы, копорая, вѣясь подъ пригоркомъ, разыгрывалась въ проблески молніи, какъ полосы

дружно размахнувшихъ косъ. Кругомъ, кое-гдѣ по холмамъ, стояли рощи.

Около дома Рингенскаго Барона все было тихо, будто около дома опальнаго. Лишь къ полуночи въ развалинахъ замка расхохоталась сова, какъ нѣкогда въ блистательную эпоху его нечистый смѣялся, когда знаменитый порпной - художникъ, выписанный изъ чужихъ краевъ, снарядилъ дочь хвастливой Тедвенъ въ такое платье, которому не было подобнаго во всей Ливоніи — той самой Тедвенъ, михоходомъ скажемъ, которая умерла потомъ въ Гапсалъ въ такой нищетѣ, что не на-что было купить ей савана и гроба. Нѣсколько спорожнихъ псовъ лаемъ и воємъ своимъ опвѣчали изрѣдка крикливой совѣ, и летучія мыши, ныряя въ воздухъ шуда и сюда, пискомъ своимъ показывали, какое веселое раздолье приготовили имъ мракъ ночи и безлюдство этой пустыни. Въ верхнемъ этажѣ нарушалъ тишину одинъ вѣтеръ, жужжавшій въ лоскутахъ бумаги, коими нѣ-

кошорья окна были худо замазаны. Когда эта музыка соединялась въ адской хоръ, и спашун, при сверканіи красноватой молніи, выступали изъ мрака впередъ, какъ мертвецы въ своихъ саванахъ, и опять съ нею убѣгали въ мракъ: тогда и молодецъ, съ крѣпкими мышцами и безпрепешнымъ сердцемъ, проѣзжая сими мѣстами, невольно долженъ былъ прочитавъ молитву. — У подъемнаго моста, гдѣ были и ворота въ замокъ, на берегу Мешны, кто-то легонько крихтѣлъ и покашливалъ по временамъ, отъ страха ли, или — можетъ, то былъ сторожъ — желая дать знать своему господину, что онъ неусыпно исполняетъ обязанности свои.

Внутри дома, въ задней угольной комнатѣ пренеталъ въ мѣдномъ, заржавленномъ ночникѣ огонь, скупо питаемый коноплянымъ масломъ, и бросалъ тусклый свѣтъ на предметы, въ ней находившіеся. За столомъ, накрытымъ черною восчанкой, сидѣлъ старичокъ. На лысой

головѣ его торчало нѣсколько хлопковъ сѣдыхъ съ рыжиною волосъ. Онъ не былъ безобразенъ, но черты лица его, нѣкогда правильныя, нынѣ изкривленныя злобою и подозрѣніемъ, возбуждали отвращеніе во всякомъ, кто только въ него всматривался. Блѣдное лице его свидѣтельствовавало, что въ немъ безпрестанно работали гнусныя страсти; подъ навѣсомъ рыжихъ бровей, кровью налипыя глаза, предатели его черной души, доказывали также, что онъ проводилъ ночи въ тревожной бессоницѣ. На немъ былъ кофейнаго цвѣта, объяринный шлафрокъ со множествомъ свѣжихъ заплатъ, подобныхъ клѣткамъ на шашечной доскѣ. Изъ-подъ распахнувшагося шлафрока видны были опущенные по икры чулки снѣгаго цвѣта, довольно заштопанные, и туфли, до того отказывавшіеся служить, что изъ одного лукаво выглядывалъ большой палецъ ноги. Высокій и узкій задокъ стула, на которомъ сидѣлъ отвратительный спарикъ, былъ пере-

плешень проволокою. Комната, довольно длинная, но чрезвычайно узкая, имѣла только одну дверь и одно окно, изнутри запертое желѣзными ставнями и такимъ же огромнымъ болтомъ. По всѣмъ стѣнамъ, кромѣ той, въ которой была дверь, стояли сплошные шкапы простой, однако-жъ крѣпкой работы. Шкапы сіи были, иные съ дверками, другіе съ однѣми полками, уставленными штофами, банками и пузырьками, и прешьи съ выдвижными ящиками, изъ коихъ на каждомъ были слѣдующія надписи: гвозди 1-го, 2-го, 3-го и 4-го сортовъ, пещи, замки, крючки, подковы новыя и старыя, пуговицы спальные и мѣдныя, ломъ мѣдный, желѣзный, оловянный, и такъ далѣе, все, что принадлежишь къ мелочному домашнему хозяйству. По стѣнѣ, шкапами незанятой, висѣли лоскуты разныхъ матерій, пуками по цвѣтамъ прибранныхъ, тушь же гусиное крыло, чѣобы смешать съ нихъ пыль, мышки нипокъ, подметки и стельки новыя и поношенныя,

содранные кожаные переплеты съ книгъ и деревяшки для пуговицъ, все это съ надписями, іероглифами, замѣтками и вычисленіями, и все въ такомъ порядкѣ, что неусыпный хранищель сихъ сокровищъ могъ въ одну минуту взять вещи, ему нужныя, и знать, когда онѣ поступили къ нему въ приходъ, сколько изъ нихъ въ расходъ и за тѣмъ въ остаткѣ. Похищеніе одной деревяшки сейчасъ могло быть открыто. Таковъ былъ кабинетъ Рингенскаго помѣщика и перваго богача въ Лифляндіи, Барона Балдуина Фюренгофа, дяди Адольфа и Густава Траушфеттеровъ, уже намъ извѣстныхъ.

Онъ всталъ со спуга, взялъ ночникъ, заперъ дверь кабинета ключемъ, вышелъ въ ближнюю комнату, въ которой стояла кровать со штофными, зеленого, порыжѣлаго цвѣта, занавѣсами, висѣвшими на мѣдныхъ кольцахъ и желѣзныхъ прутьяхъ; опдернулъ занавѣсы, снялъ со стѣны, въ альковѣ кровати, писпелетъ, подошелъ къ двери на цыпочкахъ, при-

ставилъ ухо къ щели замка, и ворошилъ въ кабинетъ успокоенный, что ничего въ домъ не слышно, кромѣ хранимыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, положенныхъ у дверей разныхъ комнатъ такъ, чтобы захотѣвшій пройдши до скупого и злаго Барона, долженъ былъ наступить на нихъ и произвести тревогу въ домъ. Запершись въ кабинетъ и положивъ починикъ и пистолетъ на столъ, подошелъ онъ къ одному шкапу; вынулъ изъ него деревянный ящикъ съ гвоздиками № 4-й, засунулъ руку дальше, и вынулъ укладку, на которой то же была надпись: гвозди № 4-го. Безпрестанно оглядываясь и прислушиваясь, онъ поставилъ дрожащими руками укладку на столъ. Долго пыталъ онъ цѣлостъ ея; долго разглядывалъ, не оказывается ли въ ней щели; наконецъ выдвинулъ изъ нея досчечку, и пожалъ подъ нею пружину, ошъ чего изъ укладки отскочила крыша. Вынувъ изъ сего, по видимому, денежнаго гроба нѣсколько свертковъ въ бумагѣ, положилъ ихъ на столъ; попомъ

попеременно клалъ на ладонь и съ улыбкою взвѣшивалъ ихъ тяжесть. Потѣшившись такимъ образомъ, онъ развернулъ сверпки — и золото одинакой величины монетъ заиграло въ глазахъ его. Примѣтно было, что блескомъ нѣкоторыхъ онъ особенно любовался; другія, находя нѣсколько тусклыми, оспорожно чистилъ щеточкой съ бѣлымъ порошкомъ до того, что онѣ загорѣли какъ жаръ. Опъ радости опъ захохоталъ, и вдругъ самъ испугавшись этого судорожнаго хохота, съ ужасомъ вздрогнулъ, посмотрѣлъ вокругъ себя и старался запереть свое удовольствіе во глубинѣ сердца. Успокоившись, наръзалъ онъ изъ бумаги, въ мѣру монетъ, нѣсколько кружковъ, переложилъ ими вычищенные монеты, потомъ вздохнувъ, какъ будто разлучаясь съ другомъ, свернулъ золото въ старыя обвертки, съ другимъ вздохомъ уложилъ милое дитя въ гробъ его до новаго радостнаго свиданія, и готовился вдвинуть ящикъ на прежнее мѣсто, какъ вдругъ собаки за-

лились лаемъ и, не много погодя, спорожъ затрубилъ въ трубу. Скупецъ затрепешалъ, какъ лисшъ осиновый; руки у него съ ящикомъ оспались въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ заспала тревога въ домѣ; блѣднѣшъ уже болѣе обыкновеннаго онъ не могъ, но лице его опъ спраха подергивало, какъ опъ судорогъ. »Что это значить? въ полночь?« сказалъ онъ самъ себѣ, спарался ободришъся и дрожа спѣшилъ привеспи ящики, шкапъ и кабинетъ въ прежнее укрѣпленное состояніе. Послѣ того надѣлъ на себя засаленный колпакъ, взялъ ночникъ, положилъ ппспомешъ за пазуху, попышалъ крѣпость замка у кабинета, вывелъ у двери пескомъ разныя фигуры, чшобы слѣды по немъ были сейчасъ видны, и обошелъ руншомъ всѣ комнаты въ домѣ. Всѣ посты, кромѣ одного, были заняты проснувшимися ребятишками и дѣвочками, испитыми, распрепанными, босыми и въ лохмотьяхъ. »Марша! Марша!« грозно закричалъ Баронъ; и на крикъ

сей выбѣжала женщина не спарая, но съ наружностію Мегеры, въ каніфасной кофѣтѣ и темной, спамешной юбкѣ, въ засаленномъ чепцѣ съ пукомъ ключей у пояса на одной сторонѣ и лозою на другой, въ башмакахъ съ высокими каблуками, которые своимъ спукомъ еще издали докладывали о приближеніи ея. Это была достойная экономка Барона Балдуина и дома его палачъ.

»А, а! дружище!« сказалъ Фюренгофъ, и указалъ ей на дѣвочку лѣтъ десяти, лежавшую, согнувшись въ клубокъ, у одной изъ дверей. Мегера немилосердо толкнула несчастную жертву въ спину, и не давъ ей времени одуматься отъ страха, принялась хлестать ее лозою до того, что она упала безъ чувствъ на полъ. Здѣсь послышался на мосту неперпѣливый крикъ и спукъ. — »Видно, пожаловалъ неугомонный госпъ!« проворчалъ съ сердцемъ старикъ. »Марта! спроси въ окно, кто осмѣливается такъ беспокоить меня по ночамъ?« Экономка спѣшила въ поч-

ности выполнить приказъ своего повелителя. Спорожъ опвѣчалъ, что пріѣхалъ изъ Гельмета господинъ Никласзонъ, и грозитъ спрѣлать по окнамъ дома милостиваго Барона, если не скоро пропускатъ его черезъ мостъ. »Вели пустишь!« сказалъ Фюренгофъ, спустившись на полъ, болѣе мягкій, когда услышалъ магическое для него слово, и приговорился встрѣпить гостя, бормоча сквозь зубы: »Охъ! эполъ вѣщунъ полуночный! за чѣмъ нелегкая несешь его такъ поздно?«

Комната, гдѣ въ шоропяхъ остановилась Баронъ, походила также на кабинетъ, только другаго рода, нежели полъ, въ кошоромъ мы его прежде заспали. Кромѣ старыхъ фоліантовъ, книгъ, большею частью безъ переплетовъ, плановъ и бумагъ, покрытыхъ густымъ слоемъ пыли, да двухъ, трехъ фамильныхъ портретовъ, шевелившихся при малѣйшемъ стулкѣ дверей, въ немъ ничего не было. Какъ повислое крыло ушибенной птицы,

сѣслась надъ портретомъ оторванная съ одного конца панель, а съ другой едва придерживаемая гвоздемъ. Здѣсь стоялъ сальный огарокъ, который Баронъ поспѣшилъ зажечь. Въ этомъ кабинетѣ ожидалъ онъ своего гостя. Явился Никласзонъ въ плащѣ, онойсанномъ широкимъ ремнемъ, за коимъ было два пистолета, въ шляпѣ съ длинными полями и съ арапникомъ въ рукѣ. Грубая досада и коварство переговаривались на его лицѣ. Маршъ данъ знакъ удалились.

— А, а, дружище! откуда? за чѣмъ Богъ несетъ такъ поздно? сказала Фюренгофъ, обнимая Никласзона.

— Богъ? не произноси этого имени! возразилъ гость, принимая холодно обниманія хозяина и бросивъ шляпу на столъ: — въ нашихъ дѣлахъ вѣсть Его.

— Дружище! что съ тобою? Здоровъ ли ты? Садись-ка, отдохни, любезный! (придвигаетъ ему стулъ.)

— Вели подать мнѣ прежде вина, да смотри для меня!

— Отвѣстѣ душку? хорошо! Венгерскаго что ли? истаго Венгерскаго, которое берегу только для такихъ пріятелей, какъ ты? Масло, настоящее масло, дружище!

— Хорошо!

— А, можешь, позволишь Кипрскаго? Осташпочекъ опъ пира, который дѣлалъ Король Польскій при переименованіи Динамида въ Аугустейбургъ. Сладокъ, пріятень, щиплешь немного языкъ...

— Какъ твоя Марша. Что либудъ хорошаго, да поскорѣе!

Старикъ вышелъ въ другую комнату и хлопнулъ раза два въ ладони. На сей знакъ явилась распрепанная экономка съ бѣлымъ чепчикомъ на головѣ. Онъ сердито посмотрѣлъ на нее и примолвилъ: Вотъ что значить гость по сердцу! Гмъ! Наряды другіе!

— Прежній чепчикъ... отвѣчала запинаясь Мегера: былъ въ... крови.

— Сашанинскія отговорки! Знаемъ!

Слышь, принеси намъ Венгерскаго перваго сорта. *Понимаешь ? а ?*

— Слушаю и понимаю, проворчала экономка и вышла изъ комнаты, хлопнувъ сердито дверью.

— Вотъ каковы нынѣ служители, дружище ! вздыхая сказалъ Баронъ, садясь близь своего гостя. А сколько попеченій объ нихъ ! Пой, корми, одѣвай, заботься объ ихъ здоровьѣ, благодѣтельницамъ имъ, и наконецъ, въ награду тебѣ, хлопнуешь подъ носъ дверью !

— За чѣмъ ты сослалъ на пашню служителей опца своего ?

— Они служили опцу, не мнѣ ; къ тому-жъ избалованы, спрахъ избалованы ; захопѣли бы и меня впрячь въ соху, да стали бы еще погонять ; пустили бы и меня по міру. Я хочу воспитать своихъ служителей для себя собственно, по своему обычаю, своему нраву. Надобно держать ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, ччтобы они не очнулись ; надобно гремѣть надъ

ними: тогда только они на чтонибудь годятся.

— Между ними были старики испытанной вѣрности.

— Вѣрности? гдѣ нынѣ найдти ее? Все шуеядцы, прутини, вольница! Только и заботъ, что о себѣ, объ новой редукціи, о какихъ-то правахъ человѣческихъ, а объ господинѣ давно забыли. Вообрази, любезный, я вздумалъ одного изъ этихъ служилыхъ испытанной вѣрности легонько наказать — и то, дружище, съ опдыхами — что-жъ онъ бунтовщикъ? — куда?... Я, кричу на весь дворъ, старый камердинеръ вашего батюшки, ходилъ съ нимъ въ походъ; да что это будетъ? нынѣ времена не тѣ: есть въ Лифляндіи и Судъ и Ландрашъ. Повѣришь ли? Едва не взбунтовалась вся дворня.

— Хорошо! За чѣмъ же ты согналъ прежнюю любимицу свою Елисавету?

— Елисавету?

— Да, обольщенную тобою, обманутую,

пивою благодѣтельницу, по милости которой такъ же, какъ и по моей, получили ты все, что имѣешь?

— Она была свидѣтельницею... она избаловала всю дворню, брала надо мною верхъ, хотѣла быть госпожею всего... меня ужъ не спавила и въ ифенингъ. Впрочемъ, господинъ Никласонъ, къ чему такіе вопросы? въ такое время?

— Къ чему? (Никласонъ коварно по-смотрѣлъ на своего собесѣдника.)

— Да, за чѣмъ превозжитъ прахъ мертвыхъ? Развѣ ты хочешь забыть, что она умерла, схоронена и покоится на кладбищѣ до будущаго воскресенія мертвыхъ?

— Умерла такъ же, какъ я умеръ, схоронена, какъ я.

— Развѣ... ты... другъ?...

— Видно, ошибся одною унциею: что-жъ дѣлать? И не на насъ бываешь такая бѣда, что одною лишнею унцией, или недоспадкою оной убиваютъ и оживляютъ.

— Что-жъ?... развѣ есть вѣспи?...

дрожащимъ голосомъ спросилъ ужасный Баронъ, едва держась на спულѣ.

— Есть. Знай, спарикъ неразумный: бывшая служительница Пашкуля, пишомка опца твоего, твоя любимица, моя съ тобою сообщница въ злодѣяніи... (взглянувъ на шевелившійся поршреть) Чшо ты не велишь снятъ эшого блѣднаго спарика, который на насъ такъ жалко смотритъ, будто упрашиваешь? Также свидѣтель!..

— Тише, тише, другъ, я слышу шаги Маршы. (Онъ уперъ рукою холодный потъ съ лица и спарался принять веселый видъ.) Славное винцо, божусь тебѣ, славное! — (Вошла экономка, у которой онъ вырвалъ изъ рукъ бушылку, рюмку, и потомъ налилъ вина дрожащими руками.) — Выпей-ка, дружище! послѣ дороги пехудо подкрѣпишь силы.

— Прощу начать, сказалъ твердо Никласзонъ.

— Между друзьями? Эшо ужъ осторожнось слишкомъ упонченная.

— Безъ обиняковъ. Мы другъ друга

знаемъ: я прѣхалъ не знакомишься съ побою.

— Буди по швоему! За здоровье моего добраго, вѣрнаго пріятели! (выпиваетъ рюмку вина.)

Никласзонъ взялъ рюмку и бутылку, самъ налилъ и произнесъ: — Да погибнуть враги наши! — приложилъ губы къ стеклу, наморщился и выплеснулъ вино на полъ. — Твоя экономка ошиблась? Это уксусъ!

— Марша! что это значить?

— Бы приказали перваго сорша, опивчала экономка: не въ первый разъ *понимать* васъ.

— Бездѣльница! вскричалъ старикъ, топая ногами: принеси перваго номера. *Знаешь?*

— Теперь *знаю*, сказала Марша, и вышла изъ комнаты.

Баронъ придвинулъ стулъ ближе къ своему сообщнику и жалкимъ, униженнымъ голосомъ, попирая себѣ ладони, началъ такъ говорить: — Какъ же вы, лю-

безный другъ, знаете, что... она... но вы надо мною шумите? Можетъ быть, старые долги?

— Я не прѣхаль бы шумить въ ужасную полночь, къ тебѣ, на твою мызу, гдѣ одни черти за волосы дерутся. Известно мнѣ такъ вѣрно, какъ сижу теперь на стулѣ, въ домѣ моемъ, какъ тебя вижу въ прясучкѣ отъ страха; известно мнѣ — говорю тебѣ, Балдуину Фюренгофу — что Елисавета, тобою изгнанная, мною недоморенная, живешь, подъ Лапышскимъ именемъ Ильзы, въ станѣ Русскомъ, въ должности маркипаншши.« — При этихъ словахъ разстегнуль онъ верхъ плаща, вынулъ изъ боковаго кармана двѣ бумаги и, подавая Фюренгофу одну, произнесъ съ злобнсю улыбкой: »Читайте, господинъ Баронъ! полюбуйтесь, господинъ Баронъ!

Балдуинъ придвинуль къ себѣ свѣчу, взялъ бумагу и, разглядѣвъ заглавіе и почеркъ, едва не выронилъ ее изъ рукъ. »Что-то рябитъ въ глазахъ — сказалъ

онъ, запинаясь — Почеркъ знакомый! Точно, это ея злодѣйская рука!« Онъ началъ чинать про себя. Примѣтно было, какъ во время чтенія ужасъ выпискивался на лицѣ его; губы и глаза его подергивало. Пробѣжимъ и мы за нимъ содержаніе письма:

»Елисавета Трейманъ Эліасу Никлас-зону.

»Какъ посторонняя тебѣ женщина, не желаю мира душѣ твоей: это было бы напрасное желаніе! Ни ты, ни твой сообщникъ, ни я, подлое орудіе вашихъ преступленій, не можемъ уже вкушать всего мира ни въ здѣшнемъ свѣтѣ, ни въ другомъ. Могу ли желать тебѣ сего мира по чувству ненависти къ вамъ, которое развѣ гробовой камень во мнѣ придавитъ? Если вамъ дано пользоваться хотя на оружіемъ покоійствіемъ, — пишу къ вамъ для того, чтобы его нарушить. Знайте, злодѣи! я жива не однимъ тѣломъ; жива духомъ мщенія, ужаснымъ, неумолимымъ, какъ было ужасно, неумолимо

»обращеніе со мною твоего собрата по
»злостіямъ. Тренеши! день сего мщенія приближается: онъ будетъ днемъ
»спрашнаго суда для васъ, не ожидающихъ
»его и не вѣрующихъ въ Судію Вышняго.
»Слушайте! Подлинное завѣщаніе никогда
»не было уничтожено; столько же пре-
»ступная, какъ и вы, я была умѣе и
»осторожнѣе васъ: я сохранила сіе завѣ-
»щаніе и обманула двухъ опытныхъ плу-
»товъ. Прибавлю еще къ мученію вашему:
»по лежишь на землѣ Рингенской. Сте-
»режи его день и ночь, или изройте
»всю область Князя ада, Барона сатаны,
»чтобы отыскашь его. Ожидайте меня.
»Часъ мщенія, часъ вашего суда наступаетъ.
»Иду... скоро сподоблюсь увидѣть
»васъ лицомъ къ лицу въ адскихъ терза-
»ніяхъ. О! какъ наслажусь я ими! — Ско-
»ро увидите передъ собою съ ужасною
»бумагой, вмѣсто бича, Елисавету Трей-
»манъ.»

— Ну, Баронъ, какъ *валиѣ* правится эта
цидулка? хладнокровно сказалъ Никлас-

зонъ. (Фюренгофъ не отвѣчалъ ничего и впадалъ въ глубокую задумчивость, изъ которой могъ только испоргнуть его адскій смѣхъ товарища.) — Ха, ха, ха! лукавъ, какъ лисица, и трусливъ, какъ заяцъ! Полно предаваться опчаянію: развѣ нѣтъ у тебя друзей?

— Друзей! правда, я забылъ объ одномъ. Другъ! помоги мнѣ нынѣ; выручи меня и требуй...

— Кислаго вина, не такъ ли? Знаемъ цѣну вашихъ обѣщаній, знаемъ также, какъ вы ихъ держите. Вирочемъ я берусь помогать тебѣ съ условіемъ, слушаться моихъ совѣтовъ, какъ твои маленькіе мученики лѣзы Марты.

— Готовъ все сдѣлать.

— Видишь: попавши въ когти къ дьяволу, не легко изъ нихъ выпутаться; надобно имѣть умъ самаго Вельзевула, умъ мой, чтобы высвободить тебя изъ этихъ тѣнъ. Чу! слышишь каблучки прелестной Гебы.

Вошла экономка съ бутылкою вина, хо-

рошо засмоленной, поросшею опъ спароспи мохомъ, и съ ерлыкомъ изъ берессты, на коей была надпись: *Старожинскій*. — Вошь эшо, видно, доброе Венгржино! сказалъ Никласзонъ. Подай-ка прежде своему Юпитеру; Меркурій знаетъ свой чередъ. (Старикъ, не опговариваясь, налилъ себѣ полрюмки, выпилъ ее безъ предисловій и постовъ, потомъ передалъ бушылку и рюмку госпю.) — Вошь эшо вищо! вскричалъ Никласзонъ, выпивая рюмку за рюмкою. Помянушь можно покойниковъ, что оставили намъ эшо добро, не вкусивши его. Нытъ; въ замкѣ Гельмешъ люди жили поумиѣ и шеперь живушь также: наслаждались и наслаждаются не только своимъ, даже и чужимъ; а дѣшкамъ велятъ добывать добро шрудами своимъ. — Онъ поставилъ себѣ горлышко бушылки въ рошь. Старикъ, прясаясь опъ жадности, предлагалъ ему нѣсколько разъ рюмку, которую Никласзонъ наконецъ въ досадѣ опшолкнулъ опъ себя такъ, что она, упавъ на полъ,

разшиблась въ дребезги. »Что ты мнѣ рюмочку подставляешь? Мы умѣемъ пить изъ всей. Торговаться спалъ, дрянной старичишка? Хочешь? . . .

— Кушай, любезный, на здоровье! Я думалъ, что Венгерское пьютъ рюмочками.

— То-то и есть! Марта, подойди сюда. Старый хрычъ! вели ей подойди ко мнѣ: она боится тебя.

— Марта, подойди къ господину Никласзону; онъ тебя не укуситъ.

Экономка подошла къ госпю; потъ хошѣлъ ее поцѣловать; она съ припворнымъ жеманствомъ отворопилась.

— Баронъ! что это значить?

— Марта, поцѣлуй господина Никласзона, когда онъ дѣлаешь тебѣ эту честь.

Власполюбивый гостъ наклонилъ голову на одну сторону и назначилъ указательнымъ пальцемъ мѣсто на щекѣ, которое она должна была поцѣловать. Экономка, съ видомъ отвращенія, исполнила повелѣніе своего господина.

— Поцѣлуй Елисаветы были горячѣ пивонхъ. Славная была дѣвка Ильза! Чѣ ты стойшь передъ нами, старая вѣдьма? Вонъ!

Марша покачала головой и поглядѣвъ изъ подлѣбья на своего повелителя, превратившагося изъ ужаснаго волка въ смирную овечку, сѣвшила оставить собесѣдниковъ однихъ. Никласзонъ ударилъ рукою по бумагѣ, которую бросилъ на столъ передъ напуганнымъ Барономъ, перекачнуль стулъ, на кошоромъ сидѣль, такъ что длинный задокъ его опирался краемъ объ стѣну, и положиа ноги на столъ, произнесъ грозно: — Первое письмо было къ свѣдѣнію, а это къ исполненію. Читай-ка, доброжелатель мой, да попише, а то нынѣ и двери слышатъ.

Фюрингофъ взялъ бумагу, ему подложенную, и началъ читать про себя, выговаривая по временамъ нѣкоторыя слова и строки вслухъ: »Зная... вашъ съ моимъ родственникомъ« (взглянувъ на подпись, съ изумленіемъ): Пашкуль родствен-

никъ? Висѣльникъ! измѣнникъ! право, забавно! »Русскому войску... $\frac{17}{29}$ нынѣшняго мѣсяца... въ Гуммельсгофѣ.« — Что это за сказки? Объ Русскихъ въ Лифляндіи перестали и поминашь. Едва ли не ушли они въ Россію. Чего ему хочется?

— Кошкѣ хочется игрушекъ, а мышкѣ будутъ слезки.

— Это не прежнія времена пошучивать надъ роденькою: кажется, было чему отбить любовь къ чудесностямъ! — »Пять сошь воевъ провіанта непременно... къ назначенному числу.« — Пять сошь воевъ? Бездѣлица! Въ умѣ ли онъ?—»И сверхъ того«—Что еще?— $\frac{16}{28}$ числа явиться ему Балдуину... Фюрергофу... самому... въ покойной колымагѣ, лучшей, какую только... къ Сооргофскому лѣсу. Онъ долженъ...« — Что за долгъ? что за обязанность? Дѣло другое вы, любезный другъ!

— Моя судьба зависить отъ него: я ему служу.

— Ему? возможно ли? Кажется, вы

преданнѣйшій человѣкъ Баронессъ Зегевольдъ.

— По наружности! Что мнѣ отъ нея? какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока.

— Это до сихъ поръ была тайна для меня.

— Довольно, что я храню твои тайны; ужь, конечно, не обязанъ я тебѣ открывать своихъ. Но теперь, повторяю тебѣ, моя судьба ему принадлежитъ; съ моею связана твоя участь: вотъ предисловіе къ нашему условію. Читай далѣе и выбирай.

— »... подъ именемъ Діонисія Зибен-
»бюргера, иностраннаго путешественни-
»ка, механика, физика, оптика и астро-
»лога; примѣты: необыкновенно-красный
»носъ... горбъ назади... извѣстенъ...
»по рекомендабельнымъ письмамъ изъ Гер-
»маніи... съ условіемъ хранить... тай-
»ну... до двухъ часовъ по полудни по-
»го-жѣ дня. Невыполненіе... открытіе
»фальш... завѣ... разореніе имѣнія...
»тюрьма и мучительная смерть.« — Оп-

крытіе! разореніе! шюрма! смерть!
(Задумывается, потомъ опять принимается за чтеніе письма.) »За вѣрныя же
»услуги... удовольствіе посмѣяться...
»сохраненіе имущества... жизни... тай-
»ны. Сверхъ того уполномочиваю васъ,
»господинъ Никласзонъ, облегчить налогъ
»хлѣбомъ, сколько вы заблагоразсудите.
»Остается ему выбирать любое.« — По
прочтеніи сей записки и по видимому
деспотическаго условія, Баронъ впалъ
опять въ глубокую задумчивость, качалъ
головою, рассчитывалъ что-то по паль-
цамъ, то улыбался, то приходилъ опять
въ уныніе.

— И я думалъ, и я рассчитывалъ, какъ
ты — кажется, эта башка не глупѣе
твоей (здѣсь Никласзонъ покачнулся впе-
редъ, поставивъ стулъ на полъ, и уда-
рилъ себя пальцемъ по головѣ) — а при-
шлось свести все думы и расчеты на
одно: согласиться выполнить требованіе
Пашкуля. На губахъ твоихъ вижу возра-
женіе. Тсъ! подожди говоришь, съда,

остылая голова! Я за тебя буду разсуждать и за тебя рѣшу. Слушай же. Казалось бы съ перваго взгляда, что Папкуль кладеть голову свою прямо въ пасть сѣверному льву, что этакъ сладкій кусочекъ, переходя черезъ наши руки, долженъ бы и намъ доставить высокія награды. Но вникнувъ хорошенько въ существо дѣла, назовешь себя дуракомъ за то, что даже одну минуточку могъ остановишься на возможности сего предположенія. Можешь ли спастись, чтобы пошъ, кто избранъ былъ на двадцатипятомъ году жизни ошъ Лифляндскаго дворянства депутатомъ къ хипрому Карлу XI, и умѣлъ ускользнуть ошъ сѣкиры палача, на него занесенной; чтобы вельможа Августа, обманувшій его своими мечтательными обѣщаніями; возможно ли, спрашиваю тебя самаго, чтобы Генераль-Кригскомисаръ войска Московипскаго и любимецъ Петра добровольно ошдался, въ простотѣ сердца и ума, въ руки жесточайшихъ своихъ враговъ, когда ничто его къ тому

не понуждаешь? Это невозможно, это несбыточно! Вспомни, что Баронесса Зегевольдъ врагъ его, что Генераль Карла XII, Шлиппенбахъ, врагъ еще болѣе заклятой. Пошѣха надъ ними опровергнется въ сердцѣ Карла. Вошѣ чего хочется мстительной, властолюбивой душѣ Пашкуля! Но если намѣреніе его есть игрушка, прихоть: то она есть прихоть, основанная на вѣрныхъ расчетахъ ума, на тонкомъ знаніи сердца человѣческаго, особенно твоего — понимаешь ли? — а не на смѣломъ, безразсудномъ желаніи удовлетворить одной любви къ чудесности. Теперь, примемся за другіе политическіе виды. Кто, спрашиваю тебя, изъ Лифляндцевъ, если онъ только не слѣпъ, не видитъ, что горсть Шведовъ, безпрестанно умаляющаяся, не въ состояніи противустать многочисленному войску Русскому, безпрестанно возрастающему? Что сдѣлаетъ эта горсть, раздѣленная несогласіемъ начальниковъ, противъ сотни тысячъ арміи? Я не астрологъ, также

и ты не хватаешь звѣздъ съ небосклона полипического ; но угадать можемъ скорую участь здѣшней страны. Давно ли отсюда, изъ твоего дома, слышали мы стукъ Русскихъ пушекъ, отдаваемый покорными имъ вершинами Эррасфера ? Давно ли видѣли мы тысячи семействъ крестьянскихъ и Бароновъ, не хуже тебя, въ рубищахъ, съ плачемъ бѣжавшихъ изъ опустошенныхъ Тапарами сель и мызъ искать въ окрестностяхъ Рипгена куска насущнаго хлѣба и крова отъ зимней непогоды ? Не въ подвалѣ ли твоёмъ жило благородное семейство, некогда богатое, потомъ сбнищавшее ? Напрасно тѣшишь себя Шлиппенбахъ съ своимъ преданнымъ и всезнающимъ *Шведомъ*, мечтою нечаяннаго нападенія на Русскихъ ! Я имѣю вѣрное извѣстіе, что онъ предупрежденъ и что безчисленное войско Русское зальетъ сіи страны завтра или послѣ-завтра. Объявить Шлиппенбаху, нежелающему нашихъ услугъ, то, что я знаю, то, что ты теперь знаешь, было бы только

остановишь на нѣсколько часовъ судьбу, которая должна скоро совершиться надъ симъ краемъ. Можетъ статься, уже и поздно! Наше усердіе придастъ ли силы его корпусу, ослабитъ ли бурный потокъ, къ намъ вторгающійся? Какую пользу извлечемъ мы ею для себя? *Для себя* — замѣть это, мой пріятель: ибо я и ты должны думать о себѣ, а прочими пустыми именами долга, чести, отечества, пусть здравствуетъ и питается, кто хочешь. Не правда ли?

— А, а, дружище! вы приводите разстроенныя мысли мои, мои чувствованія въ порядокъ. (Здѣсь Фюренгофъ придвинулся еще къ гостю и пожалъ ему дружески руку.)

— Выдача клевретамъ Карла XII личности врага есть, конечно, пріобрѣтеніе благодарности Его Величества и громкаго имени. Благодарность, громкое имя. . . опять скажу, пустыя имена, кимвальный звонъ! Намъ съ тобою надобны деньги, деньги и деньги, мнѣ черезъ нихъ наслаж-

денія вещественныя. Чѣмъ далѣе наслажда-
даться, тѣмъ лучше; а тамъ мѣръ хоть
правой заросли. Чшо-жь Пасторы и
Писаніе говорятъ объ душѣ. . . ха, ха, ха!
(Въ это время послышался крикъ совы
въ замкѣ.) Что это захохотало въ другой
комнатѣ?

— Не безпокойся, любезный; это сова
посѣтъ въ развалинахъ.

— Охота Барону держать у себя
этихъ пѣвчихъ. Я давно-бъ имъ шею
свернулъ и ошправилъ смѣяться на шотъ
свѣшъ.

— Вошъ видишь, она кричитъ, какъ
домовой: слышишь?

— Хороши пѣсни!

— За то пугаетъ воровъ. Но продол-
жайте, любезный, вашу утѣшительную,
сладкую бесѣду, опогрѣвающую мое оле-
дѣнѣвшее сердце.

— Намъ съ шобою надобны деньги; не
правда ли?

— А, а, дружище!

— Бѣднякъ Шлиппенбахъ дастъ ли

намъ ихъ? Сколько шиллинговъ отсы-
цлешь намъ Карль, которому содержашь
вечѣмъ было бы войско безъ контрибу-
ціи съ Польши — Карль, который съ
первымъ напоминаніемъ награды забудешь
наши услуги и помнишь будешь только
нашу докучливость? Ктому-жъ богачему
Барону не подумаютъ дать денегъ. Онъ
обязанъ былъ это сдѣлать! скажутъ пог-
да. »Тебя-жъ наградишь щедрая Баронесса«
возразишь ты. Чѣмъ? будущими твоими
же милліонами? Вотъ ужъ болѣе года,
какъ я не получаю своего жалованья! За-
слуги скоро забываются. Долго ли ты
плашилъ мнѣ положенное за мои смерщныя
услуги? да, долго ли?

— Кажется, я всегда... аккуратно...

— Полно объ этомъ. Слово у насъ объ
настоящемъ. Куда укроемся тогда отъ
мщенія Русскаго полководца, отъ гнѣва
Царя, который сыщешь насъ въ пре-
исподней? Скажу про себя: въ Швеціи я,
по обстоятельству, не могу быть, въ
Польшѣ давно. Спрашиваю, что мы

тогда для себя сдѣлаемъ? А теперь, будучи вѣрны извѣстнымъ требованіямъ до двухъ часовъ по полудни 28 числа, то есть до двухъ часовъ завтрашняго дня — хотя бы и долѣе — повеселя Зибенбюргера бездѣлкою, что мы теряемъ? Ничего! Мы всегда въ споронѣ: ты, да я про себя не выболтаемъ. Если ты получилъ ложныя рекомендацельныя письма, то не своя вина: тебя обманули, и только! Разочти, что мы теперь выиграемъ. О! я вижу лѣстницу блаженства. Оставляю даже свои выгоды, чтобы думать только о *вашихъ*. Вы, среди развалинъ Лифляндіи, сохраняете свои земли, мызы, сокровища...

— Сохраняю! Точно ли, родной мой? Ручаешься ли ты?

— Ручаюсь головою моею. Подумайте: когда по сосѣдству вашему вездѣ раздаваться будутъ стонъ и плачъ; тогда вы, знатный господинъ, неограниченный власпитель надъ вашими рабами, обладатель огромнаго, непронутаго не-

пріятелемъ имѣнія, улыбаясь спанете по-
гремыхивать вашими золотыми монетами.
Этотъ случай даетъ вамъ также способъ
расторгнуть ваше условіе съ Баронес-
сою Зегевольдъ.

— Ахъ! и это, признаться, лежало у
меня на сердцѣ, какъ тяжелый камень.

— Съ своей стороны обещаюсь вамъ,
сверхъ того, за исполненіе требованій,
намъ предписанныхъ, обходиться съ ва-
ми, не какъ равный вамъ злодѣй, но какъ
слуга вашъ, преданный вамъ совѣтами,
рукою и медицинскими познаніями сво-
ими, когда вамъ угодно... понимаете
меня? Еще скажу вамъ въ утѣшеніе, го-
сподинъ Баронъ: съ способами, намъ
предлагаемыми, я уже предугадываю, какъ
достать Ильзу и стереть этого сви-
дѣтеля.

— Стереть? вскричалъ Баронъ, об-
легчивъ грудь радостнымъ вздохомъ, и
пожалъ Никласзону руку.

— Да, стереть этого безпокойнаго
свидѣтеля съ лица земли.

— А средства, дружище?

— Онъ вертялся въ головѣ моей и утвердился въ ней, когда я буду увѣренъ въ помощи челоуѣка, которому мы нынѣ должны угодить. Не сослужа, можно ли требовать и награды? Покуда будьте довольны теперешнимъ общаніемъ, спокойный обладатель богатства несмѣшнаго!

— Несмѣшнаго? Ужъ вы, дружище, безбѣдное состояніе, насущный кусокъ хлѣба называете богатствомъ!

— Опять за старую пѣсню! Рыбакъ рыбака далеко видишь: намъ нечего другъ передъ другомъ притворяться. Ну, что-жъ оповѣсть на письмо?

— На прежде сказанномъ и вамъ, безцѣнный другъ, подтвержденномъ условіи, берусь доставить завтра, въ доброй колымагѣ, въ Гельмешъ, господина. . .

— Зибенбюргера.

— Да, господина Зибенбюргера. Сверхъ того, по дальнѣйшимъ моимъ соображеніямъ и надеждѣ, что при честнѣ, ко-

шорую я... со временемъ... буду имѣть лично ознакомишься съ моимъ дорогимъ родсшвенникомъ, Генераломъ... Министромъ... я буду удостовѣренъ въ сильномъ покровительствѣ его охраннымъ листомъ и другими вѣрнѣйшими способами, даю слово содержать тайну до прехъ часовъ завтрашняго дня. Ну, вотъ какъ я щедръ и великодушенъ! даже до чешырехъ часовъ. Уфъ! эшо многого мнѣ спѣишь.

— Важнѣе всего, что ни одного шеллнга. Спашья конченная! Измѣна ея на волосъ есть знакъ къ измѣнѣ съ моей стороны. Я ничего не боюсь, не связанъ богатствомъ и Лифляндскимъ баронствомъ; имѣю сильнаго покровителя; нынѣ здѣсь, а завтра въ спанѣ Русскомъ, насмѣхаюсь надъ всѣми Лифляндскими законами. Но ты... ты... раздавленъ тогда, какъ поганый червь! Соблюденіе условія есть мое и твое счастье. Дай мнѣ руку въ знакъ согласія. (Собесѣдники пожали другъ другу руки.) Теперь принимаю за другую спашью, то есть до-

спавленіе послѣ-завтра пяпи сопѣ во-
зовъ провіанша къ Гуммельсгофу.

— Пяпи сопѣ вoзoвъ ! Возможно ли?
Я проналъ, я разорень до пла ! пнѣ
придется надѣпъ суму ! Сочпипте сами,
безцѣпнѣйшій мой, чего это будепъ
стоиптъ. Вы посредникъ въ этомъ дѣлѣ,
посредникъ, предлагаемый великодушнѣмъ
самого нашего любезнаго родственика.

— Я не дарю ни одного воза.

— Не доведипте меня до пепли, спаси-
пель мой, благодѣшель мой ! (Хочепъ спа-
новиптъся на колѣна.)

Никласзонъ, поднимая его : — Меня не
умилостпивишь этими колѣнопреклонені-
ями. Садисъ, и выслушай мой совѣтъ, ко-
торымъ еще разъ спасаю тебя отъ ма-
ленькаго убышка и большаго опчаянія.
Пожалуй, чего добраго ? ты изъ одного
воза навяжешъ себѣ пеньковый галстухъ.
Слушай же. Купи эти пяпѣ сопѣ вoзoвъ
хлѣба и крупъ подѣ какимъ нибудь пред-
логомъ у своихъ сосѣдей.

— Купишь? гдѣ я возьму теперь столько наличныхъ денегъ?

— Хорошо, буди по швоему. Купи на слово, что отдашь ихъ черезъ нѣсколь-ко дней. Тебѣ повѣряю хоть 3000 во-зовъ.

— Мнѣ? при шеперешнихъ худыхъ об-стоятельстввахъ, при ограниченіи роста?

— Тсѣ! Сторговавъ эти пять сотъ воевъ, отправи ихъ къ назначенному вре-мени по дорогѣ въ Гуммельсгофъ. Поручи это сдѣлать своей Маршѣ. Русскіе при-душъ, нападудъ на провіаншъ, скушаюшъ его, и тогда ты имѣешь право не пла-тишь денегъ. Не такъ ли? скорѣй: да имъ нѣшъ?

— Да! только. . .

— Ни одной крупинки не убавлю. Бу-дешъ ли выполнено?

— Будешъ, только не забудъ о сред-ствахъ, какъ избавишься нашего общаго врага Ильзы.

— Вотъ моя рука, что черезъ недѣлю, поздно двѣ, я найду способъ приписушъ

ей языкъ. Но — заря занимается; кажешся, и проклятая твоя сова перестала насмѣхаться, чѣмъ ее побрали... (оглядывается кругомъ) Позови шеперь Маршу, выпустишь меня изъ этой западни.

— Только, пожалуй, не спыди эту дѣвицу поцѣлуями своими: она у меня такая застѣнчивая.

— Условія наши кончены; листъ оборочень.

По зову своего повелителя, экономка вошла въ комнату. Никласзонъ вспалъ при ней со спула и произнесъ униженнымъ голосомъ, наклонивъ передъ Барономъ голову: — Господинъ Баронъ Фюренгофъ! простите меня съ свойственнымъ вамъ великодушiемъ, если я, чловѣкъ маленькой, ничего незначущiй, осмѣлился, разгоряченный винными парами, оскорбить васъ, или кого изъ вашихъ приближенныхъ, словомъ или дѣломъ. Изъ глубины кающейся души прошу всепокорнѣйше прощенья.

— А, а, дружище! кто старое помянешь, тому глазъ вонъ. Забудемъ это. Ты всегда былъ человѣкъ мнѣ преданный, нужный.

— Вѣрьте, что вы по гробъ мой найдете во мнѣ усерднѣйшаго и вѣрнѣйшаго слугу. Позвольте имѣть честь распрощаться съ вами.

Здѣсь хозяинъ и гость обняли другъ друга. Фюренгофъ далъ знать экономкѣ, чтобы она отперла двери и проводила гостя. Удивленная Марта, думая, что она все это видитъ во снѣ, протерла себѣ глаза, и наконецъ увѣренная, что обстоятельства приняли счастливый для ея господина оборотъ, съ грубостью указала дорогу оскорбившему ее гостю. Когда Баронъ услышалъ изъ окна скокъ лошади за Мешкою и удостовѣрился, что Никласзонъ далеко, обратился съ усмѣшкою къ домоправительницѣ и ласково сказалъ ей: — Подумай хорошенько; принесло окаяннаго въ пьяномъ видѣ, почью и, чортъ знаетъ, за чѣмъ! А, а,

дружище! Кажется, еще человекъ одолженный! и мѣсто получилъ черезъ меня, и освобожденъ отъ пепли!

— Что дѣлать, сударь! отвѣчала Марша, поправляя чепчикъ на головѣ и подбирая подъ него распрепанные волосы: нынѣ такія наступили времена тяжелыя, что никто не помнитъ заслугъ. Вѣкъ живи, вѣкъ учись!

Глава седьмая

НАКАНУНЪ ПРАЗДНИКА.

*Минута сладкаго свиданья,
И для меня блеснула ты!*

Пушкинъ.

Еще наканунѣ дня рожденія богатой наслѣдницы все было въ движеніи на мызѣ Гельмешской. Суешились, бѣгали, полкали другъ друга, пребывали, оплускали, и старались еще заранѣе праздновать день сей искусными урывками того, сего, изъ достоянія помѣщицы — не хозяйки, чѣмбы сдѣлать себѣ, елико возможный запасецъ на будущее время. Начиная съ амшмана фонъ Шнурбауха, въ нѣкоторыхъ случаяхъ необыкновенно награжденнаго даромъ предвѣдѣнія, до пова-

ренка, замыкавшего фалангу дворового шшапа, у всѣхъ, болѣе или менѣе, было рыльцо въ пушку. Разумѣется, что чѣмъ важнѣе считалось должностное лице, чѣмъ кругъ надзора его былъ обширнѣе, тѣмъ шире былъ карманъ, въ которомъ сосредоточивались подати за пропускъ разныхъ грѣховъ пропивъ осьмой заповѣди. Амшманъ съ важною частицею фонъ, подъ видомъ сбереженія господскаго интереса, опкладывалъ въ свою экономію разные плоды тонкой математической промышленности; ключница пряпала недовѣски и привѣски; повара передавали женамъ излишки, а поваренки, облизывая преисправно сладкіе остатки, отдѣляли отъ души лучшіе кусочки пригожей дворовой дѣвчонкѣ. Самыя моськи супруги фонъ Шнурбауха слаще поѣли въ этотъ день, нежели въ обыкновенный, хотя она въ простые дни кормила ихъ изъ собственныхъ рукъ, иногда изъ одного съ нею блюда, едва ли не лучше своей высокой половины. Между тѣмъ съ верхней

до низшей ступени Баронессина Двора чинали другъ другу спрожайшія наставленія о честности и, въ примѣръ ужасныхъ злоупотребленій, которыхъ избѣгать надобно, выставляли (ужь, конечно, не себя! кто себѣ лиходѣй?) сосѣднія мызы; кричали много, грозили наказаніями (погда, когда забывалось правило дѣлежа), и преисправно обезпечивали себя на будущее время. Что дѣлать? такъ водился не въ однихъ Баронскихъ домахъ. Въ кухняхъ и приспѣшенныхъ варились, жарились и пеклись всякаго рода огромные припасы, какъ будто готовились угощать цѣлый полкъ, и пріятный запахъ отъ яствъ доносился до окна бѣднаго селянина, доѣдаваго ломоть хлѣба, пополамъ съ мякиной. Правда, и крестьянамъ Баронессинымъ готовились угощенья и веселости: жарились для нихъ цѣлые быки, капились на господскій дворъ бочки съ виномъ, шились наряды для новобрачной чепы, и сыгрывались гудочки и волыночки. Чухонцы,

послышавъ объ эшихъ пригото́вленіяхъ, за́ранѣ раззѣвали рошъ отъ удивленія и съ неперпѣніемъ поджидали у своего окна, когда *староста*, или *кубіасѣ**,

Той палкой въ замокъ ихъ поговнишь
веселишься,

кошорая стѣлько разъ и такъ немилосердо гоняла ихъ на барщину и напоминала о подахъ. Таковъ грубый сынъ природы! Сытное угощеніе, шумный праздникъ, заставляющъ его забыть все бремя его состоянія и то, что всѣ веселости сіи дѣлающъ на его счетъ. Надобно прибавить: таковы иногда бывали и помѣщики, что рѣшались скорѣе испрашишь тысячи на сельскій праздникъ, нежели просишь нѣскольکو десятковъ рублей оброчной недоимки, или рабочихъ дней, немощнымъ крестьянамъ!

Со временъ Хриспины, Королевы Шведской, собранія въ духѣ напріархальной простоты, называемыя *Wirtschaft*,

* Спаршина въ деревнѣ у Лапышей называется по нашему *Старостою*, у Чухонцевъ (или у Эсповъ) *Кубіасомъ*.

давали мѣсто въ богатыхъ Лифляндскихъ домахъ болѣе ушонченнымъ веселостямъ. Студенты Дерпшскіе играли комедіи, въ коихъ роли женщины они сами же выполняли; балы, маскарады и разныя зашѣйливныя игры спали также въ большомъ употребленіи. Греція и Римъ кружили тогда всѣмъ головы, и попому члены Олимпа осаждали всякаго рода зрѣлища. Соображаясь съ нововведеніями, щеславная Баронесса назначила: дню рожденія своей дочери быть цѣнью необыкновенныхъ удовольствій. Для расположенія сего праздника, по рекомендаціи Глика, выписанъ былъ ужъ съ недѣлю изъ Маріенбурга шамошній школьный мастеръ Дихшерлихтъ, которому — говорилъ Паспоръ — не пайдти подобнаго ошъ Эвспа до Бельша геніяльною изобрѣшательностію угождать Граціамъ и Минервѣ. Адамъ Быръ взялся выучишъ двухъ благородныхъ дѣвушекъ, сосѣдокъ Гельметскихъ, (избранныхъ не по уму и образованію, а по хорошенькимъ личпкамъ) ро-

лямъ Флоры и Помоны, кошорыя должны были привѣтствовать новорожденную приличными стихами, сочиненными Мариенбургскимъ стихотворцемъ. Между тѣмъ самъ Дихтерлихтъ занялся спряпаньемъ Похвальнаго Слова, кошорое хотѣлъ поднести, въ пепради съ золошою обложкою и узорами, Луизѣ Зегевольдъ. Такъ какъ намъ достался Русскій переводъ сего великаго творенія, Гликомъ сдѣланный; то мы предлагаемъ здѣсь образчикъ изъ онаго, на выдержку взяпый.*

»Я-бъ желалъ« — говорилъ панегирисъ, описывая наружность Луизы — »я-бъ желалъ здѣсь персону сея прекрасныя »дщери знаменишаго Баронскаго Дома нѣ- »сколько начерпипъ, коли-бъ черныя чер- »нила способнаго цвѣта были ея небесную »красоту представишь: — будешь ты, »чишашель, доволенъ, коли своему уму »представишь одно такое лице и тѣло,

* Дѣйствительно, я имѣю подобный переводъ. Въ списокъ съ онаго не убавилъ и не прибавилъ я юшпы.

»кошорыхъ почиѣйшее изображеніе имѣе-
 »ся безъ порока, бѣлый цвѣтъ въ самомъ
 »высочествѣ, пріятносшь же пріязнущую
 »всего свѣта. Предложи себѣ токмо одну
 »удивленія достойную живность, пріят-
 »ную во всѣхъ компаніяхъ, разсудную
 »умѣренность, похвальную всегда во
 »всякихъ поступкахъ и дѣлахъ, и учти-
 »вое пріятельство, которое зело потреб-
 »но къ покоренію сердець. И егда ты
 »въ умѣ своемъ всѣ помянутыя пріязнущ-
 »ныя свойства совокупишь и сочинишь
 »имъ экспрактъ; то, конечно, можешь
 »себѣ сказать: такѣва виду была сущая
 »Баронская дочь, и проч.»

Праздникъ былъ расположенъ на ошдѣ-
 ленія, расписанныя въ порядкѣ по нуме-
 рамъ; нарушитель онаго подвергался
 строжайшей отвѣтственности.

Въ то самое время, когда пригото-
 вленія къ сему именинному дню пре-
 вращили Гельмешъ въ настоящее Вави-
 лонское столпотвореніе — вскорѣ послѣ
 полудня, приближались къ замку по Гум-

мельсгофской дорогѣ двѣ Лапышскія двучолесныя пѣлежки. Прыпѣ лошадокъ возбуждалась шо-и-дѣло плешью верховыхъ проводниковъ, нежалѣвшихъ ни головы и боковъ ихъ, ни своей руки. Близъ ограды остановились пѣлежки, изъ коихъ вышли шрое чужеземцевъ. Двое изъ нихъ были въ длинныхъ Русскихъ кафтаныхъ, подпоясаны кушаками, на коихъ висѣли лѣстовки* и не смотря на жаркое время года, накрыты небольшими круглыми шапками**. Одинъ былъ въ кашахъ, другой босъ и имѣлъ за плечами котомку и два чешвероугольныхъ войлочныхъ лоскута***. Третій походилъ на Русскаго монаха, ибо окушанъ былъ въ длинную, черную рясу и накрытъ капшыремъ, спускавшимся съ головы по самой кушакъ,

* Монашескія чешки.

** Въ правилахъ раскольниковъ сказано: „Распящихъ власы и носящихъ малахай (на чешыре разрѣзанныя шапки) и шляпы запрещаешь, и въ моленіе не пускаешь.“

*** Подручники — родъ подушекъ, кошорыя кладушь раскольники, во время земныхъ поклоновъ на полъ, подъ руки.

а поверхъ капшья круглою шапочкой съ красною опорочкою. Тотъ изъ нихъ, который несъ за плечми котомку, переговора съ поварищами, отошелъ немного отъ замка и присѣлъ подъ большимъ вѣзомъ на камнѣ. Двое же продолжали поспѣшно путь свой прямо въ вороша, на дворъ и на террасу, не осматриваясь, не останавливаясь и не спрашивая никого ни о чемъ. Служители съ уваженіемъ давали имъ дорогу, почтительно кланялись, не будучи сами удостоены поклономъ, и, между тѣмъ, не смѣли ихъ предупредить, чшобы доложить о нихъ. Такъ было заранѣе приказано въ случаѣ прихода сихъ чужеземныхъ гостей. Старшій изъ нихъ шелъ вперед. Не смотря на простоту его одежды, небольшой ростъ, сгорбленный лѣтами станъ и маленькое худощавое лице, наружность его вселяла нѣкоторый страхъ: рѣзкія черты его лица были суровы; умъ, пронцательность и коварство, исходя изъ маленькихъ его глазъ, осященыхъ густыми сѣдыми бро-

вами, впивались когтями въ душу того, на кого только успремлялись; казалось, онъ непрерывно что-то жевалъ, опъ чего сѣдая и рѣдкая бородака его ходила по-и-дѣло изъ спороны въ спорону; въ движеніяхъ его не прокрадывалось даже игры смиренія, но все было въ нихъ явный приказъ, требованіе, или урокъ. Слѣдовавшій за нимъ чернецъ былъ среднихъ лѣтъ, средняго роста и сухощавъ; изъ-подъ капшья выпадали темные волосы, въ конхъ сквозилъ красный цвѣтъ; на лицѣ его поспѣ и умиленіе разыгрывали очень искусно чужую роль; бѣгающими пуда и сюда глазами онъ успѣвалъ изъ подлбья все выглядѣть кругомъ себя; даже по двору шель онъ на цыпочкахъ. — »Что за Содомъ!« вскричалъ старикъ съ коварною усмѣшкой. — »Во истину земля бѣсова плѣненія, Опце Андрей! отвѣчалъ смиреннымъ голосомъ чернецъ, положивъ сухощавую руку на грудь: вѣдаю, сколь прискорбно сердцу швоему взирать на сіе расщощенное сщадю; но пошрудись

ради спасенья православныхъ цадъ шво-
ихъ, да помолятся о тебѣ въ Царствѣ
небесномъ.»

Путники вошли въ переднюю, а изъ
нея въ залъ, не скидая шапокъ. Здѣсь
старикъ, сурово осмопрѣвшившись кругомъ,
присѣлъ на первыхъ попавшихся ему кре-
слахъ, бросилъ взглядъ на фамильные
портреты, висѣвшіе по стѣнамъ, плю-
нулъ, прошепталъ молитву, и потомъ съ
сердцемъ постучалъ своимъ костылемъ
по столу, подлѣ него стоявшему; но
видя, что пошъ, къ кому относилось сіе
повелительное извѣщеніе о его прибы-
тіи, не являлся, толкнулъ жезломъ сво-
имъ чернеца, стоявшаго въ задумчивости
у порога, и указалъ ему на внутренность
дома. Чернецъ будто вздрогнулъ, покло-
нился и пошелъ, куда ему указано было,
тихо, осторожно, какъ будто спупалъ
по овсянымъ зернышкамъ, легонько прип-
воря за собою дверь. Черезъ комнату
встрѣпилъ его Никласзонъ, примѣнно
смущенный. — »За чѣмъ вы къ намъ?»

шоропливо спросилъ эшопъ, отворивъ и прихлопнувъ опять слѣдующую дверь, чтобы показавъ, будто монахъ въ нее прошелъ. — О вей, о вей! отвѣчалъ шепомъ монахъ, качая головой и озираясь. Не знаю какъ и помощь*. — »Пуспяки! для брата, Авраама, нѣтъ ничего невозможнаго.« сказалъ Секретарь Баронессы, впирая ему осторожно въ руку до десятка червонныхъ. »Мы съ побой одного великаго племени; обманывать, а не обмануемыми быть должны; ты создавъ не служишь этой Христіанской собакѣ, которая, того и гляди, что издохнетъ: можно тебѣ самому скоро быть главою раскола въ Россіи и учителемъ нашей вѣры. Мы дѣлали уже дѣла не маленькія, были награждены; не измѣнимъ теперь другъ другу, и насъ не забудешь.« Пока Никласзонъ читалъ это краснорѣчивое

* Хошя монахъ говорилъ съ Никласзономъ по Нѣмецки, но я старался въ переводѣ Авраамовой рѣчи удержавъ нѣсколько Жидовскій выговоръ Русскаго языка. — Авраамъ шакже лице историческое.

убѣжденіе, монахъ однимъ жаднымъ взглядомъ успѣлъ пересчитать золото и снѣшилъ съ удовольствіемъ уложить его въ лѣсповку, въ которой сзади искусно сдѣлана была сумка. — »Мнѣ этого и хочется, добрый Никласзонъ, отвѣчалъ шепотомъ монахъ: но теперь не время объ этомъ разсуждать. Скажу тебѣ только, сто мы приели сюда повѣдать Баронессѣ, сто Русскіе выели изъ своего лагеря, разбили зе въ пухъ, въ пухъ форпостъ близко Розенгофа и нынѣ въ ночи, или, конечно, заутро будутъ въ Сагницѣ, или въ Валкахъ. Хось и трудненько обмануть стараго плуша; но Богъ Якова и Авраама тебѣ поручатся, сто я, честный Еврей, заставляю этого Христіанскаго пса брешить по моему, какъ мнѣ хочется. Теперь, поди скорѣй и скажи своей принцессѣ, спобъ она позаловала къ намъ.« Никласзонъ подошелъ на цыпочкахъ къ двери, вышелъ черезъ нее и прихлопнулъ ее слегка за собой; между тѣмъ Авраамъ кашлянулъ и пошелъ обратнымъ

нушемъ къ своему начальнику. — »Преподобный Опце Андрей!« сказалъ монахъ, представъ предъ него, низко поклонившись и спавъ опять униженно у порога: »боярыня сейчасъ будешъ.« — »Сейчасъ, сейчасъ!« вскричалъ старикъ, въ шутку передражнивая вошедшаго: »долго ли тебѣ, Авраамъ, говоришь по-Жидовски?« — »Виновать предъ тобою, Опце Преподобный!« промолвилъ вздрогнувъ монахъ, опять низко кланаясь: »положилъ бы 300 поклоновъ до земли, лишь бы мнѣ исправиться.« — »Поклоны пускай оспаются въ скипѣ, да въ согласіяхъ, Авраамъ: ты меня разумѣешь. По милости моей, тамъ знаютъ тебя косноязычнымъ Малоросомъ, а не Евреемъ и не Венгерскимъ монахомъ. Все будемъ шито, да крыто, лишь бы служили намъ вѣрою и правдою« сказалъ старикъ, смотря на своего послушника испытующимъ взоромъ, котораго всю силу умѣлъ послѣдній неколебимо выдержавъ и опразить правдоподобіемъ совершенной невинности и преданности.

Въ этомъ случаѣ Еврей обманулъ Русскаго раскольника, и припомъ начальника и учителя ихъ. (Старикъ былъ Андрей Денисовъ.) Надобно ли удивляться? Родонаслѣдственная хитрость стекла въ крови Авраама; къ тому-жъ онъ искусился въ лицемѣріи, поживъ нѣсколько лѣтъ монахомъ въ одномъ Каполическомъ Венгерскомъ монастырѣ, коимъ успѣлъ обокрасить, и наконецъ пришелъ доканчивать курсъ лукавства сапанинскаго въ званіи чернеца Поморскаго Выгорѣцкаго скипа и переводчика при Андрей Денисовѣ. Лѣта измѣняли уже нѣсколько послѣднему, между тѣмъ, какъ Авраамъ скинулъ съ себя еще немного змѣиныхъ кожъ, и слѣдственно былъ въ полномъ развитіи адскихъ силъ. — »Да что запропасилась эта сучья дочь?« успѣлъ только промолвить съ неперпѣніемъ Андрей Денисовъ, какъ распахнулась дверь и вошла Баронесса. Убавивъ своей спѣси, она учтиво поклонилась ему; а онъ, не привставъ даже съ креселъ, едва кивнулъ

ей, указавъ своимъ копытѣмъ креслы черезъ столъ, у коего сидѣлъ, и махнулъ чернецу рукою, чтобы онъ подошелъ ближе. Кто посмотрѣлъ бы на нихъ въ сіе время, не зная предыдущихъ обстоятельствъ, могъ бы подумать, что худенькой, суровый старичокъ хозяинъ у себя дома, обязывающій, и что она пришла, одолженная и ожидающая милостей. — «Вотъ въ чемъ дѣло, боярыня!» говорилъ Ересіархъ повелительно, отпрысисто и упирая голосъ на нѣкоторыхъ словахъ: »ты заплѣваешь здѣсь бѣсовскія пляски, да пирушки, а того не знаешь, что послѣ-завтра, можешь спать, тебѣ негдѣ будетъ приклонить головушку, что послѣ - завтра рада радешенька будешь опвесить душу ломтемъ черстваго хлѣба. (Старикъ икнулъ тупъ, пустилъ густую струю воздуха прямо на высоко-мѣрную обладательницу Гельмета, перекрестилъ три раза ротъ, промолвилъ: »помяни Господи Царя Давида и всю кротость его!» и продолжалъ свою бесѣду:)

Кабы послушалась меня прежде, да опрѣзала моимъ православнымъ подѣ своею клятвѣю добрый кусокъ земли, такъ бы они оградили тебя отъ състей діавольскихъ. Авось-либо и теперѣ еще время исправить погаженное! За твою хлѣб-соль я хочу тебѣ помочь. Только слышь, боярыня, исполний разомъ, не мѣшкая, что я тебѣ прикажу. Впервыхъ всѣ зашѣи бѣсовскія къ нему и отошли назадъ!» здѣсь старикъ постучалъ косы-лемъ такъ крѣпко по столу, что Баронесса вздрогнула; потомъ кивнулъ монаху, чтобы онъ перевелъ сіе вступленіе. Авраамъ, сгорбившись, смиренно выступилъ на сцену: приказъ Ересіарха былъ выполненъ имъ искусною рѣчью и ловкою мимикой (послѣдняя нужна была для убѣжденія въ вѣрности перевода); только когда надобно было перевести слово: *послѣ-завтра*, онъ показалъ на солнышко, начертилъ посохомъ кругъ, выставилъ перстъ и согнулъ въ половину другой палець. Изъ этого изъясненія старикъ

понималъ полтора дня, между тѣмъ, какъ хитрый чернецъ, не перемѣняясь ни мало въ лицѣ, присовокунилъ къ своимъ гіероглифамъ, что исполненіе сказаннаго должно быть черезъ десять круговъ солнечныхъ, то есть черезъ полторы педѣли. вмѣсто : авось-либо, и теперь еще время, онъ сказалъ только : еще время ! Баронесса отвѣчала, что праздникъ, ею запѣянный, есть долгъ, который она платитъ своимъ друзьямъ и ближнимъ, и которымъ хочетъ утѣшить больную, единственную дочь ; что, кончивъ его, немедленно примется за исполненіе приказаній своего наставника и друга. Монахъ перевелъ, что Баронесса сейчасъ послѣ ихъ отбытія велитъ оставшихъ пригошовленія къ празднеству, хотя ей это очень жалко, и немедленно займется исполненіемъ даваемыхъ ей совѣтовъ, которые она чтитъ за приказанія. »Слушай же, боярыня !« вскричалъ опять Андрей Денисовъ : »Русскіе, видно, выведали запѣи вашего заморскаго болвана Шлиппенбаха :

кто нибудь у васъ да лукавишь язычкомъ. За ваше дурачество стыдъ такъ-те и бросился мнѣ въ глаза. Разбирають вину теперь не время: спустиа льто, въ дѣсь по малину не ходятъ. Русскіе, говорю тебѣ, вышли вчера изъ Новагородка и разбили нынѣ вашу басурманскую засаду при Красной мызѣ. А какъ я это узналъ, повѣдаю тебѣ: неподалеку отъ Черной мызы у меня свой карауль, двое православныхъ моихъ — спуютъ вашихъ сошенъ Нѣмцевъ, табачниковъ — узнали эту вѣспочку, да и давай уплетать, гдѣ ползкомъ, гдѣ кувиркомъ, а пуще со святою молитвой; опияли у перваго Лапыша коня и прилешѣли ко мнѣ. Еще ни одна птица здѣсь въ округѣ не пропѣла этой пѣсенки; и по вѣтру-то не слыхаютъ вони пороховой: вотъ каковы наши! А куда пойдутъ Никоніанцы завтра, на Сатныли или на Валки, того мой не знаютъ. Сейчасъ, при мнѣ же, напиши грамотку къ своему ропозею Шлиппенбаху, чѣобы онъ очнулся, собиралъ крѣпкую сплу, вы-

слалъ, нимало не медля, конныхъ пощаенными дорогами, куда придумаетъ лучше, перехватилъ бы ими хвостъ у Никоніанцевъ и бодро готовился ударить имъ въ голову.» Это наставленіе было перетолковано хитрымъ и ловкимъ Авраамомъ такъ мастерски, что вся польза, изъ него извлеченная, осталась на сторонѣ агента Пашкулева, которому нужно было выиграть нѣсколько часовъ времени. Позванъ Никласзонъ, и продиктовано ему, согласно съ заданною монахомъ темою, письмо къ Генераль-Вахтмейстеру. (Можно впередъ угадать, что гонецъ нигдѣ не отыскалъ Шлиппенбаха; да это и не могло огорчить Баронессу, потому что еще было время, какъ сказалъ Денисовъ черезъ монаха, а Генераль общался бытъ у ней завтра на праздникъ.) Андрею Денисову дарованы новыя привилегіи для раскольниковыхъ поселеній въ Лифляндіи; оставалось наградить переводчика за труды. Искали по всему дому денегъ, бросались то къ амтману, то къ Биру, по

вездѣ была или мнимая, или настоящая, денежная засуха; наконецъ Никласзонъ сжалился надъ Баронессой и опъ имени ея вручилъ пошхоньку Аврааму талеръ, обрѣзанный его же соотечественниками. Окончивъ свое дѣло, Ересіархъ всталъ съ кресель, кивнулъ Баронессѣ и, принятый подъ руку усерднымъ монахомъ, сопровождаемый дипломаткою до терассы, опять встрѣченный на дворѣ уваженіемъ многочисленныхъ челядинцевъ, вышелъ изъ воротъ Гельмета. У большого вяза присоединился къ нимъ дожидавшійся ихъ раскольникъ, мужичище высокій и здоровый, вѣроятно охранитель Денисова опъ чаянныхъ и нечаянныхъ враговъ. Составивъ втроемъ совѣтъ, по какимъ слѣдамъ опыскивать одного изъ важнѣйшихъ своихъ членовъ, отпадшаго опъ Поморскаго согласія, они рѣшились ѣхать въ обратный путь, какъ вѣрнѣйшій, по ихъ мнѣнію, для встрѣчи съ бѣглецомъ и для избѣжанія непріятнаго свиданія съ Русскимъ войскомъ, особенно съ заклѣтымъ

губителемъ ихъ, Мурзенкою. Приѣхавши въ Валки, они могли, смотря по обстоятельствамъ, или выждать тамъ развязки неожиданнаго нашествія Русскихъ на Лифляндію, или, въ случаѣ прихода Никоніанцевъ въ избранное ими мѣсто убѣжище, отступить къ своимъ въ Польшу.—Чтобы преслѣдовать удобнѣе нити происшествій, которыя скрываемъ попеременно, смѣняя одну другою для занимательности романа, но не выпуская изъ рукъ ни одной (такъ намъ кажется) и не теряя изъ виду цѣли, нами предположенной, мы должны намекнуть, что гоненія Денисовымъ доселѣ неизвѣстнаго лица получили новую силу въ вѣсти о несчастной кончинѣ раскольника, подметчика письма въ Нейгаузенскомъ станѣ.

Между тѣмъ, какъ всѣ въ замкѣ ходили, будто угорѣлые, отъ желанія угодить доброй молодой госпожѣ и отъ страха не-выполнить въ точности воли старой владычицы, предметъ сихъ заботъ, Луиза мыслями и чувствованіями была далеко

ошъ всего, что ее окружало. Она существовала въ міръ прошедшаго, для нея столько бѣдственнаго, но все еще ей драгоцѣннаго. Густавъ, на зло обстоятельствамъ, нерѣдко представлялся ея уму и сердцу. Такъ несчастная приходилъ, украдкою опъ злыхъ людей, бросить цвѣтокъ на могилу, гдѣ лежалъ милый ей мертвецъ, котораго некому, кромѣ ея, помянуть, и съ которыми жаль расстаться, какъ съ живымъ. Посреди сихъ горестныхъ мыслей блеснула одна о бѣдномъ старикѣ кашелянѣ и молодомъ служилѣ, увлеченныхъ ея судьбою въ тяжкое и униженное свое положеніе. Ей извѣстно было, что они жили въ ближайшей деревнѣ Пебо: одинъ въ должности скопника, другой паслуха; и она рѣшилась посѣпить ихъ. »Ничѣмъ лучше, думала она, не могу встрѣпить день своего рожденія, какъ облегченіемъ участи этихъ несчастныхъ.« Ей стоило только намекнуть Бирю о своемъ намѣреніи, чтобы вызвать его въ спутники. Баронесса

была занята съ раскольниками; слѣдственно лучшаго времени для этой прогулки не лзя было выбрать.

Когда Луиза съ своимъ воспитателемъ проходила полемъ, крестьяне еще издали скидали шляпу, оставляли свои работы и долго слѣдовали за нею глазами и благословеніями. Въ деревнѣ привѣтствіямъ ихъ не было конца. — »Смотри сюда, сюда! говорила мать, высовывая изъ окна голову своей малюшки: это идетъ наша добрая, молодая госпожа. За ея-то здоровье учу васъ молиться Богу.« Дѣти оставляли игры свои и, почтительно ей кланяясь, кричали: здравствуй, добрая госпожа! — Дряхлые старцы дрожащими руками сѣлились привстать со скамейки, на которой грѣлись у воротъ своей хижины проливъ солнышка, и шепотомъ проговаривали: »Слава Богу! пришлось намъ еще разъ увидѣть ее. Да пошлешь ей мать *Лайма** несчетные годы, чтобы

* Богиня счастья, которую Латыши не рѣдко и шеперь поминають при желаніи кому добра.

правнуки наши могли ею радоваться, какъ мы теперь радуемся.» Всѣ возрасты встрѣчали ее данью уваженія, признательности и любви простыхъ сердець, конхъ краснорѣчіе ни съ какимъ другимъ сравниться не можешь; ибо истинное есть дитя природы, всегда свободно, какъ оно, и не дается погонямъ запаленнаго искусства. Видно было, что Луиза вполне утѣшалась этой данью простыхъ сердець. Почти каждого успѣла она облагать: стариковъ заставляла садиться передъ собой, говорила имъ привѣтливыя слова, согрѣвавшія ихъ болѣе теплоты солнечной; дѣтей отдала гостинцами; пригожихъ малюшкѣ, которыхъ матери, не боясь ея глаза, сами спѣшили къ ней подносить, цѣловала, какъ будто печатала на нихъ дары небесные. Казалось, теперь праздновала она день своего рожденія, а завтра должна была его праздновать.

Скопный дворъ былъ на концѣ деревни и окнами въ поле; слѣдственно изъ оныхъ

не было видно, что дѣлалось на улицѣ. Луиза съ воспитателемъ своимъ вошла въ жилище скопника, никѣмъ изъ домашнихъ его непримѣченная. Какимъ же чувствомъ поражены они были, отворивъ попихоньку дверь! Что-жъ представилось имъ тогда? — Густавъ сидѣлъ въ углубленіи комнаы, держа на колѣнѣ румяное, какъ спѣлое яблочко, дитя, двухлѣтнюю дочь бывшаго кастеляна, которая, спуснувъ въ ручонкахъ своихъ кусокъ бѣлаго хлѣба, то лукаво манила имъ собаку, прыгавшую около нея на заднихъ ногахъ, то съ хохотомъ прятала его подъ мышку, когда эта готовилась схватить приманку. Другая дочь, шестнадцатилѣтняя пригожая дѣвушка, занималась у открытаго окна рукодѣлемъ, изрѣдка открывала отъ него свои большіе, голубые глаза, чтобы посмотришь на проказы сестры, или украдкой взглянуть на молодого крестьянскаго парня, споявшаго снаружи дома у окна, облокотясь въ уныніи на нижнюю часть рамы. Мать

задумавшись чистила овощъ и клала его въ горшокъ, выдвинутый изъ устья печи. Опець, безъ верхняго плащя, обратившись къ нимъ спиною, а къ спящимъ лицамъ, снималъ съ нагнестн кафтанъ, которой, вѣроятно, собирался надѣть, чтобъ идти въ поле. Голубъ нахохлившись сердито ворковалъ и кружился по земляному полу, часто посматривая на окно, черезъ которое свободный вылетъ былъ ему загражденъ молодымъ крестьяниномъ. Густавъ казался однимъ изъ членовъ этого семейства; ибо никто, по видимому, не заботился объ его присутствіи.

Первое чувство Луизы, переступя порогъ двери, былъ испугъ; второе... она взглянула на Густава, на пригожую дѣвушку, и покраснѣла. Не зная отъ чего, она была внутренно довольна, увидѣвъ молодаго парня, занимавшагося такъ пристально сельскою красавицей; тѣмъ болѣе ей было это пріятно, что она узнала въ немъ служителя, который, вмѣстѣ съ

кашеляномъ, понесъ за нее такую горькую участь. — Фрейлейнъ Зегевольдъ!« вскричала Лотхенъ (такъ звали дѣвушку), бросивши въ сторону свое руководѣлье : »Фрейлейнъ Зегевольдъ!« повторила она, и побѣжала опрометью на встрѣчу Луизѣ, у коей силится взять по одну, по другую руку, чтобы цѣловать ихъ попеременно. — »Фрейл...« могла только выговорить мать. Руки ея опустились, лужковница покапнулась изъ нихъ на полъ, ножикъ выпалъ на скамейку. Хозяинъ, сдѣлавъ пол-оборота головой, будто окаменѣлъ въ этомъ положеніи. Густавъ, поблѣднѣвъ, спустилъ дитя съ колѣна и спалъ на одномъ мѣстѣ въ нерѣшимости, что ему дѣлать; увидѣвъ же, что Луиза колебалась идти въ комнату и сдѣлала уже нѣсколько шаговъ назадъ, онъ схватилъ свою шляпу, бросился къ двери и сказалъ дрожащимъ голосомъ : — »Не удивляюсь, что мое присутствіе пугаетъ васъ, Фрейлейнъ Зегевольдъ ! Какое другое чувство можетъ возбудить винов-

никъ бѣдствій этого семейства, еще большій преступникъ передъ вами! Я долженъ убѣгатьъ васъ, я, изгнанныкъ оповсюду, гдѣ вы только являетесь и приносите съ собою счастье. Но прежде, нежели навсегда опъ васъ удалюсь, умоляю васъ объ одной милости: простите меня... Одно слово ваше будетъ моимъ услажденіемъ въ часъ смертныхъ мукъ, или умножитъ ихъ.» — »Я никогда не обвиняла васъ, Густавъ!...« произнесла Луиза смущеннымъ голосомъ, обнаружившимъ все, что происходило въ ея душѣ, закрыла платкомъ полныя слезъ глаза, и дружески просянувъ ему руку, присовокупила: »Простите навсегда!« Это движеніе было последнею жертвою долга любви: имъ хотѣла она доказатьъ, что любила въ Густавѣ не Адольфа, наследника милліонера, любимца Королевскаго, а самого Густава, бѣднаго, ничтожнаго въ глазахъ другихъ, но достойнаго ея привязанности. »Я никогда не увижу его, думала она: пусть это будетъ последнее

доказательство того, что я къ нему чувствовала; пусть не презираешь онъ меня! После этой минутой я вся принадлежать буду моимъ обязанностямъ.» Густавъ съ жаромъ поцѣловалъ ея руку, на которую канули его горячія слезы, повторилъ роковое: *простите!* сказалъ то же Бире, хотѣлъ еще что-то присовокупить; но видъ мѣста, гдѣ онъ находился, свидѣтели, ихъ окружавшіе, сомкнули его уста — и онъ поспѣшилъ изъ жилища скопника. На дворѣ остановился онъ противъ раскрытой двери. Луиза все еще стояла на одномъ мѣстѣ: она невольно обернулась; прощальный взглядъ ея палъ еще разъ на Густава. Казалось, онъ только и ожидалъ этого взгляда, чтобы съ новымъ приращеніемъ счастья удалиться. Можно вообразить себѣ различныя чувствованія, попеременно волновавшія душу Луизы. Съ особеннымъ удовольствіемъ выслушала она отъ семейства бывшаго кастеляна, какимъ образомъ Густавъ началъ посѣщать ихъ, какъ онъ благопověорилъ имъ

сначала тайно и наконецъ, преслѣдованный, опысканный благодарностью, продолжалъ дѣлать имъ добро съ такимъ великодушіемъ, что отказываться отъ сего добра значило оскорбить его. »Онъ не далъ намъ узнать нищету; скоро заставилъ насъ забыть и горестное наше состояніе. Все, что вы видите на насъ и въ нашемъ жилищѣ, ему принадлежишь. Да пошлетъ ему Богъ то, чего онъ самъ желаетъ! да наградишь его супругою, которая душой была бы на него схожа!« Такъ говорила жена бывшего каспеляна, и взоры ея пристально остановились на Луизѣ, въ смущеніи пошупившей глаза. Невольный вздохъ дѣвицы Зегевольдъ доказывалъ, что не ей суждено быть наградою, о которой молила добрая женщина для своего благодѣтеля. По крайней мѣрѣ она внутренно гордилась и утѣшалась тѣмъ, что если сердце ея ошиблось въ предметъ любви, долгомъ осуждаемомъ: то не ошиблось оно въ нравственныхъ его достоинствахъ, имѣющихъ право на

лучшую участь и вознагражденіе. Разсѣвшись съ семействомъ скопника, Луиза оставила въ его хижинѣ благодѣтельные слѣды своего посѣщенія. Не видавъ Густава, она сдѣлала бы то же изъ великодушія, изъ сожалѣнія къ несчастнымъ; шеперь благошворила, можешь быть, повлеченію другаго чувствованія; можешь быть, присоединялась къ этому и мысль, что дары ея смѣшаются вмѣстѣ съ дарами Густава, какъ сливались въ сѣи минуны ихъ сердца. Спутникъ ея, смотря на радость добрыхъ людей и слушая рассказы о благородныхъ поступкахъ Густава, былъ восхищенъ до седьмаго неба. »Есть, есть счастье на землѣ и для добрыхъ!« говорилъ онъ въ полголоса, выходя отъ скопника съ планами, какъ бы испросить у Баронессы прощеніе изгнанникамъ и потомъ женить молодого служителя на Лопхейнъ. — Безъ надежды, но съ утѣшеніемъ заснула Луиза въ ночь, наканунѣ дня своего рожденія.

Для связи происшествій въ памяти

нашихъ читателей, скажемъ, что свиданіе Никласзона съ Фюренгофомъ случилось въ сію же ночь. Мы помѣстили его впереди по удобности, чтобы не перескакивать изъ Гельмеша въ Рингенъ и обратно.

Глава осьмая

Воспитатель и воспитанникъ.

Мнѣ-ль вѣзывать на судъ свое дитя?

ЖУКОВСКИЙ.

О! дайте, дайте мнѣ близъ нихъ окончите сѣкъ!

НЕЧАЕВЪ.

16 Юля, часамъ къ шести утра, въ недалекомъ разстояніи отъ Гельмеша, близъ знакомаго намъ вяза съ тремя соснами, остановились Конрадъ изъ Торнео и Вольдемаръ изъ Выборга, оба снаряженные такъ, какъ мы видѣли ихъ въ долину мертвецовъ. У корня маслищаго вяза, сбереженнаго отъ топора священнымъ уваженіемъ всей округи, сидѣлъ мальчикъ, по видимому, лѣтъ четырнадцати, въ

одеждѣ изъ лохмотьевъ, рыжеволосый, курчавый, съ лицомъ безобразнымъ, испещреннымъ веснушками, съ глазами, исполненными коварства. Лѣвая рука была у него сведена къ плечу; ноги подогнулъ онъ подъ себя неестественнымъ образомъ. Какъ скоро гуслистъ усадилъ слѣпца на камнѣ и подошелъ къ мальчику, этакъ началъ униженно кланяться, скорчилъ жалостную рожу и запищалъ: »Господинъ милостивый! дайте что нибудь безрукому, безногому, на пропитаніе. У матери груди высохли отъ голода, нечѣмъ кормить меньшаго брата, который плачетъ, хоть вонъ бѣги изъ избы; двѣ маленькія сестры цѣлыя сутки не видали во рту зерна макова. Будьте жалостливы и милостивы, добрый господинъ! Богъ наградитъ васъ на семъ свѣтѣ и въ другомъ.« Вольдемаръ, взглянувшій пристально въ краснобая, погрозился на него пальцемъ и сказалъ: Не шали со мною, бѣсенокъ, изъ молодыхъ да ранній! Меня не проведешь, я колдунъ: знаю, что у тебя пѣшь ии

сестрѣ, ни брата; ты одинъ у мащери, которая боится назвать тебя своимъ сыномъ: Илъза ея имя; у тебя одинъ дядя конюхъ, другой — нѣмой, отецъ — знаменитый Баронъ; ты живешь у старой вѣдьмы, такой же побродяги, какъ и самъ. Видишь, что я тебя насквозь разбираю. Прощани же сейчасъ ноги, расправь руку и выполни, что я тебѣ скажу. Да смотри!» — «Если вы знаете все...» запинаясь произнесъ мальчикъ, опущая руку и вставая на ноги: «какъ васъ, господинъ, назвать?... съ здѣшняго ли вы свѣта, или съ другаго?» — «Называй меня впередъ просто Шведскимъ музыкантомъ. Вижу, что ты молодецъ хопъ куда, а мнѣ такіе огненные ребята нужны. Вотъ тебѣ для перваго знакомства добрая серебряная монета.» У мальчика отъ жадности заискрились глаза; но онъ, казалось, боялся взять деньги отъ колдуна. — «Не бойся; прощани, братъ, руку смѣло» продолжалъ Вольдемаръ, всунувъ ему деньги: «монета не жжется, сдѣлана руками

человѣческими и такая, какихъ накопишь у тебя мешочекъ... знаешь, что лежишь...» Здѣсь Вольдемаръ показалъ на западъ; мальчикъ поблѣднѣлъ отъ страху. »Сослужи мнѣ, Мартины, и о моемъ мешечкѣ никто не будетъ знать.« — »Господинъ хорошій, господинъ пригожій!« завопилъ рыжеволосый Мартины (именно это былъ тотъ самый, который въ извѣстной вечеръ напугалъ такъ много Гуспава своимъ похороннымъ напѣвомъ): »приказывайте, посылайте; дѣлайте изъ меня, что хотите; помыкайте мной, какъ помеломъ.« — »Бѣги-жъ въ замокъ, найди тамъ Адама Вира. Чай, ты его знаешь?« — »Кого я не знаю? Знакомъ мнѣ и этотъ чуждакъ, у котораго ротъ почти всегда на замкѣ, а руки всегда настежь для бѣдняковъ. Вотъ вы, господинъ Шведскій музыкантъ, или что нибудь помудренѣе, Богъ васъ вѣсть: вы даете съ условіемъ; а тотъ протакъ — лишь кивнулъ ему головой, и шелегъ въ шакѣ.« — »Найди же Вира; разбуди его, если онъ спитъ,

и шепнул ему на ухо, что одинъ знакомый его отца ждетъ его здѣсь.»

Вмѣсто отвѣта, *огненный* перекувырнулся и пустился въ замокъ, какъ посланная пѣшивую стрѣла. Не долго томилъ онъ ожиданіемъ: скоро принесено донесеніе, что Биръ явился, будто красное солнышко изъ-за горъ. Гуслисть, поблагодаря его еще мелкою монетою, просилъ посидѣть у вяза, близъ слѣпца, и дать ему, Вольдемару, немедленно знать, какъ скоро подѣзжать будешь красная карета, на высотѣ коей первый покажется мальчику дядя его, Фрицъ; самъ же побрелъ на встрѣчу Биру. Запыхавшись бѣжалъ Адамъ, поспѣвая увидѣть знакомаго отца своего. Подошедъ къ гуслисту, онъ остановился прошивъ него, изумленный всматривался въ его лице, и вдругъ бросился его обнимать. »Ты ли это, Вольдемаръ, воспитанникъ мой, другъ мой?« восклицалъ добрый Адамъ, и радость пресѣкла его голосъ. Въ свою очередь гуслисть могъ только сказать,

крѣпко прижимая его къ сердцу: благодарѣшь, ошець мой!»

— Полно, полно, Вольдемаръ! Называй меня такъ же своимъ другомъ. Не знаю до сихъ поръ, что я для тебя сдѣлалъ добраго; но знаю, что ты не оставлялъ меня во время гоненія сильныхъ, что ты кормилъ меня трудами своихъ рукъ, когда я не имѣлъ насущнаго хлѣба.

— Ты сдѣлалъ для меня болѣе: научилъ меня истинамъ высокимъ, заставилъ меня гнушаться моихъ преступленій и полюбить добродѣтель, и указалъ изгнаннику отчизну, какъ цѣль, къ которой я долженъ былъ стремиться.

— Пылкая душа твоя всегда способна была принимать добро, и если ты въ юности совратился съ пути истиннаго, то виноваты окружавшіе тебя. Но перестанемъ расправлять рану твоего сердца: ты въ Лифляндіи, слѣдственно рана эта не зажила еще. Не спрашиваю тебя: слѣдуешь ли моимъ совѣтамъ, данному шобою обѣщанію? Вольдемаръ не можетъ

себѣ измѣнишь; Вольдемаръ достоинъ всей любви моей. Расскажи мнѣ, какимъ образомъ ты въ нашей сторонѣ, въ спраннической одеждѣ? что здѣсь дѣлаешь? Жажду узнать повѣсть твоей жизни съ того времени, какъ мы расстались.» Произнеся это, Адамъ увлекъ гуслиста въ кусты, неподалеку отъ дороги.

— Прискорбно имѣть для друга тайну, сказала Вольдемаръ, когда они сѣли въ кустахъ: опдалъ бы тебѣ душу мою; но, прости мнѣ, я не могу опвѣчать на твои вопросы. Скажу тебѣ только: помыслы высокіе, заброшенные въ душу твоими совѣтами, согрѣшные твоимъ ученіемъ, облекли меня въ эту спранническую одежду, занесли сюда, сдѣлали еще болѣе — заставили меня быть... нѣтъ, нѣтъ! никогда не опкрою тебѣ этого имени. Развѣ съ порога моей родины скажу тебѣ все, на что я для нея рѣшился. Цѣль сладостная! но средства... ты, можешь быть, оптолкнулъ бы меня, узнавъ ихъ.

— Какъ понимать тебя, Вольдемаръ? какъ вѣришь тебѣ? Въ звукъ своего голоса уже слышу добродѣтель. Одно слово — не спрашисъ, чтобы я хотѣлъ проникнуть твою тайну: слишкомъ хорошо извѣстно мнѣ, что тайна не друзьямъ принадлежить, а тому единственно, кто ее ввѣрилъ. Нѣтъ, не этого хочу отъ тебя; хочу только знать, таковъ ли ты, какимъ сердце мое тебя угадываетъ. Одно слово: ищешь ли ты заслужить поперянное опечесство?

— Я служу ему.

— Служишь? въ спраннической одеждѣ? произнесъ тихо Адамъ, приложивъ палецъ ко лбу; потомъ продолжалъ, возвысивъ голосъ: — Совѣсть твоя чиста ли въ семь служеніи?

— Что сказать ему, Господи? воскликнулъ Вольдемаръ, обративъ глаза къ небу. — Ты одинъ чищаешь мои намѣренія; Ты видишь сокровенные дупи мои: взвѣсь мои дѣла, и дай ему отвѣтъ! Другъ! могу ли успокоить тебя на

счешъ чистоты моихъ дѣлъ, когда я самъ весь борьба, весь тревога и опасеніе? Выслушай мое униженіе и жертвы, мой страхъ и надежды, и пойми меня, если можешь. Мысль загладить преступленіе, заслужить прощеніе того, кого не смѣю наименовать, и съ этимъ вмѣстѣ открыть себѣ путь въ опечесство, зажглась въ душѣ моей среди бесѣдъ съ побою, еще въ Упсалѣ. Не ярче пылаешь свѣча чистѣйшаго воска. Мысль эта возобладала всѣмъ моимъ существомъ: источникъ ея былъ чистъ, видишь Богъ! въ послѣдствіи времени, можешь быть, примѣшалось къ нему чувство не столь безкорыстное — я человѣкъ — болѣе десяти лѣтъ живу въ землѣ чуждой; — можешь быть, раскаяніе мое, любовь къ опечесству, превратились въ одну тоску по родинѣ. Спрашиваю себя часто: всѣ жертвы мои не происходятъ ли отъ самоугожденія? не хочу ли я ихъ выкупить удовольствіемъ быть между своими, на землѣ родной? подвиги мои добро, или

слабость? Какъ бы то ни было, не разрѣшая себѣ сихъ вопросовъ, спремлюсь къ ней, къ благословенной отчизнѣ; хочу видѣть ее, во что бы ни стало, подышать ея воздухомъ и умереть... хотѣлъ бы ея сыномъ! Долго искалъ я средствъ, какъ утолить жажду моей души: мнѣ встрѣтился *одинъ* человекъ... онъ предложилъ мнѣ одно средство... далъ моимъ устамъ коснуться милостивой руки, въ которой заключена судьба моя, поднялъ, края завѣсы, скрывающей мое опеченство — и я спѣшилъ ухватиться за то, что мнѣ было предложено. Суди о возвышенности моихъ средствъ!... Полюбуйся должностью своего воспитанника, своего друга!... Пресмыкаюсь, обманываю, продаю другихъ, себя; самое добро, которое пворю, долженъ похищать, какъ шамъ; пріобрѣтая, не могу назвать своимъ. Скажу еще болѣе: чтобы доставить истинную пользу тѣмъ, кому служу, я долженъ былъ сначала дѣлать имъ зло. Борюсь съ обстоятельствомъ,

съ природою, съ самимъ собой; хожу въ черномъ шлѣ, влача за собою смрадную, презрѣнную одежду. Настоящаго имени моего всѣ гнушаются; самые шѣ, копорые думаютъ имѣть во мнѣ нужду, смотрятъ на меня съ презрѣніемъ.

— Не уже ли ты...?

— Не выговаривай; ради общаго милосердаго Отца, не выговаривай. Ужасно слышать это имя отъ тебя! Отъ меня самого узнай всю повѣсть моего униженія и сирданій: выслушай до конца, и тогда произнеси надо мною приговоръ. (Вольдемаръ остановился немного, посмотрѣлъ въ глаза своему другу и восплапелю, какъ онъ называлъ его, и прочтя въ нихъ одно сердечное участіе, продолжалъ:) Многолѣтній пруженикъ, начинаю только собирать плоды моихъ трудовъ. Я тебѣ сказалъ, что мнѣ до сихъ поръ наградой одна извѣстность презрѣннаго имени. Свои меня ищутъ, чтобы погубить, чужіе готовы предать при первомъ случаѣ на погубленіе. Мо-

жешь бышь, заупра ждешь меня висѣль-
ца въ непріятельскомъ станѣ, какъ измѣн-
ника, или позорная казнь назначена мнѣ
среди моихъ соотечественниковъ, какъ
убійцѣ, бѣглецу, переметчику. Умру — и
самую могилу опчужденца палачъ назна-
чишь подалѣ отъ православныхъ! Кто
посѣтитъ мѣсто пугалища? . . . Какое
семейство, какой край и народъ призна-
ють меня своимъ? . . . У меня и родныхъ
нѣтъ въ мірѣ, кромѣ родины, да и ша
отступившея отъ меня, даже мертвого;
чужіе будутъ обходить жилище — не
скажутъ: усоншаго, — висѣльника, удав-
ленника: вошь названія, которыя мнѣ по
смерти дадутъ! Кто повѣдаешь, что
сдѣлала, что хотѣла сдѣлать для искуп-
ленія моего пресупленія и, можешь
спасться, болѣе для свиданія съ опчи-
ною, неограниченная, мученическая лю-
бовь моя къ ней? Кому извѣстна эта
любовь? Кому смѣю даже нынѣ открыть
мои дѣла, мои намѣренія? *Одному* только
ввѣрена тайна моя, и этошь *одинъ* чуже-

земець, споронній мнѣ чувствованіями и помышленіями! Онъ весь мщеніе; я весь любовь! Онъ одинъ можешь свидѣльствовать о томъ, что я совершилъ, что хотѣлъ совершить; а кто знаетъ, что нынѣшній день, эшотъ мигъ—его? Съ собою въ гробъ возметъ онъ все, что я прибрѣлъ такими трудами; земля пожретъ мое благороднѣйшее достояніе, лучшую часть меня, а на землѣ останется только злодѣй, бѣглець, отверженецъ, то, что я былъ еще тринадцатъ лѣтъ назадъ. Даже опъ ближайшихъ мнѣ долженъ я себя скрывать; не смѣютъ они обласкать меня привѣтомъ искренности, какъ родные боятся открыть крышу съ гроба смраднаго мертвеца, чтобы почтить его брагскимъ цѣлованіемъ. Самый эшотъ слѣпецъ, котораго видишь сидящимъ подъ вязомъ, неразлучный слугникъ мой, исполняющій мою волю, какъ покорное дитя, угадывающій мои желанія, будто очами сердечными прозираетъ въ моемъ сердцѣ, готовый жертвовать для

меня своею жизнью, почитающій меня своимъ благодѣтелемъ, сыномъ, другомъ, заключающій во мнѣ все, что осталось ему дорогаго на немногіе дни его жизни — повѣришь ли? — святой эпокъ старецъ есть только темное орудіе моихъ дѣйствій. Онъ не знаетъ, кто я, откуда, кому работаю; онъ не знаетъ, что съ нимъ ходитъ столько лѣтъ рука объ руку преступникъ, изгнанникъ изъ своего отечества; что товарищъ, вожатый, которому онъ отдалъ душу, заперъ для него свою и торгуется съ нимъ лучшимъ даромъ Господа — любовію къ ближнему. Даже тебѣ, кому открыто мое злодѣйство, кому я всѣмъ обязанъ, тебѣ не смѣю повѣрить своихъ дѣлъ и намѣреній. Вотъ мои пруды, мои жертвы: видишь, онѣ человѣческія! Свыше я ничего не могу.

— Вижу, сказалъ Адамъ съ глубокимъ вздохомъ, и понимаю, что средства, побою избранныя, могли быть вѣрными въ другомъ человѣкѣ, болѣе гибокомъ, болѣе

умѣющему скрывать себя. Но для тебя, съ твоею пороховою душой — одной минутой довольно, чтобы погубить тебя! Ты не можешь выдерживать угнетенія; ты не способенъ унижаться, обманывать; а твоя должность этого требуетъ. Спрашусь за тебя: не ты — благородный, пылкій нравъ твой измѣнитъ твоей тайнѣ.

— Не разъ уже навлекалъ я на себя подозрѣнія. Но дѣло сдѣлано; жеребій брошенъ!

— Ты сказалъ, что другаго выбора средствъ не было тебѣ предоставлено?

— Я искалъ благороднѣйшихъ по твоему совѣту, и рѣшительно не нашелъ. Мнѣ оставалось, или съ моими злодѣянїями возвратиться въ общество подъ плаху, или принять то, что мнѣ предложено.

— Не возможно ли теперь...?

— Переизмѣнитъ? Нѣтъ, не думай! Этому не бывать! вскричалъ Вольдемаръ, смотря на своего друга очами, разго-

рѣвшимися, какъ у львицы, у которой хопяшъ опняшъ дѣшей ея: — нѣшъ! я зашелъ уже далеко; я видѣлъ грань моей отчизны, слышалъ родные голоса — и не пойду назадъ. Приди отецъ и мать моя, если-бъ они опыскались; приди самъ Господь съ Его небесными силами... нѣшъ! этому не бывать, говорю тебѣ. Одна смерть можетъ сказать мнѣ: оспавись! Господи! Господи! дозвожь мнѣ положить хоть кости мои на родномъ кладбищѣ!... (Вольдемаръ горько заплакалъ.) Теперь, второй отецъ мой, оптолкни меня опъ себя!...

Адамъ былъ тронуть. Опъ взялъ руку своего собесѣдника, крѣпко пожалъ ее и сказалъ съ восторгомъ, необыкновенно его одушевлявшимъ: — Довольно! не хочу знать болѣе. Догадываюсь о твоей тайнѣ; понимаю, что, обнаживъ ее передо мною, ты думалъ бы вручить мнѣ оружіе прошивъ себя. Нѣшъ! не оптолкнушь тебя хочу, но опкрыть тебѣ душу свою, чтобы ты нашелъ въ ней новыя силы

совершить начатое. Не мнѣ оспговаривать тебѣ: ты меня знаешь!.. Когда-бъ мои обязанности соглашались хоть нѣсколько съ твоими, я самъ пошелъ бы съ тобою рука объ руку, какъ этакъ слѣпецъ, и раздѣлилъ бы твое благородное униженіе и бремя. Люблю видѣть въ дѣлахъ моего воспитанника ту пламенную любовь къ великому, которую я старался очистишь и ушвердишь въ тебѣ. Не даромъ посѣщаль я съ тобою такъ часто благословенныя земли Греціи и Рима, породившія столько героевъ! Не болѣе себя сдѣлалъ бы сынъ ихъ. Теперь, понимая себя, не хочу смотрѣть на низость твоихъ средствъ: что мнѣ нужды до нихъ, лишь бы отечество и Богъ взирали на твои дѣла съ удовольствіемъ! Выключи меня изъ числа черни, которая судишь по одной паружности. Пусть гонишь это стадо бичъ предразсудковъ; пускай смотришь оно очами плѣсными въ уровень себя и питается однимъ подожнымъ кормомъ чувствениости! Въ

глазахъ его Брушъ есть только убійца дѣшей своихъ; Курцій, бросающійся въ пропасть—самоубійца. Ты знаешь этихъ великихъ мужей: мы съ побою умѣли понимать и цѣнить ихъ подвиги.—Тебѣ ли послѣ сего скорбѣть о мнѣнн черни? Стань выше его! Мудрый не покоряется безразсудной волѣ толпы, а самъ даетъ ей направленье. Не она, совѣсть тебѣ награда; голосъ избранныхъ—твой судъ; Государь и опечество оцѣняютъ нѣкогда твои заслуги, если ихъ узнаютъ. Великій выше мести: онъ позволитъ тебѣ обнять свои колѣна; онъ проститъ тебя. Ты увидишь родину. Сердце мое пророчески вѣствуетъ тебѣ эти блага. Не почитай же себя униженнымъ неодолимою по опчизнѣ тоской, дающей тебѣ столько силы совершить великое и благородное; не помышляй также, чтобы въ дѣлахъ человека, сколько бы онъ возвышенны ни были, не примѣшивалось нѣчто отъ слабостей человека, чтобы онъ могъ любить что нибудь, не любя себя хотѣ

посредственно, — съ совершеннымъ самоотверженіемъ. Пламенное воображеніе твое представляешь тебѣ нѣкоторыя предметы въ черномъ видѣ. Не вѣрю тебѣ, чтобы ты игралъ любовью къ своему товарищу: слѣпецъ почищаетъ себя своимъ благодѣтелемъ, сыномъ, другомъ; ты все это дѣйствительно для него. Десять лѣтъ водишь его, служишь ему глазами, посохомъ, питаешь его, переносишь его немощи, согрѣваешь своими ласками, однимъ словомъ, ты замѣняешь ему семейство, опечество, природу. Какой сынъ сдѣлалъ бы болѣе для отца? Какой отецъ въ замѣну не воздалъ бы сыну нѣкоторыми пожертвованіями? Онъ возвращаетъ тебѣ то, что получаетъ отъ тебя-жъ. На что ему знать, кто ты, откуда? Онъ — ты, ибо онъ только тобою существуетъ. На что ему твоя тайна? Безъ нея онъ свободнѣе любитъ тебя можешь. Не продавать же ее вмѣстѣ съ душою своею людямъ, чуждымъ для него! Если ты обманываешь его въ этомъ

случаѣ; но обманываешь, какъ нѣжный сынъ, можешь быть, сберегая ему по сокровище, которымъ самъ дорожишь. Не вѣрю также, чтобы ты, Вольдемаръ, захопѣлъ когда-либо жертвовать спарцемъ для своихъ видовъ, какъ бы они ни были благородны и высоки. Ты говоришь мнѣ, что онъ темное орудіе твоихъ дѣйствій: не знаю его услугъ; но увѣренъ, что онъ ясное орудіе милости къ тебѣ Провидѣнія, пославшаго тебѣ слѣпца въ помощники, да не видяшь зрячіе, чего имъ не должно видѣть. Вотъ что я хотѣлъ сказать тебѣ въ утѣшеніе, Вольдемаръ! Продолжай свое служеніе, презри униженность средствъ, если Провидѣніе не дозволило тебѣ другихъ; зриай только на цѣль. Богъ да благословишь тебя на пути своемъ и да подастъ тебѣ силы и возможность совершишь благое во имя, драгоценное всякому гражданину; да наградишь тебя счастьемъ возвратишься въ свое отечество истиннымъ его сыномъ! Обними меня еще разъ, милый

другъ, и скажи мнѣ, могу ли быть тебѣ чѣмъ нибудь полезенъ.

Гуслиштъ, почерпнувъ, казалось, на груди друга новыя силы и утѣшенія, просилъ его исполнить только двѣ вещи: прінискашь вопервыхъ мѣстечко подъ окнами Луизы, гдѣ онъ и слѣпецъ могли бы, невидимые никѣмъ, поздравить новорожденную, какъ просила ихъ дѣвица Рабе, и вовторыхъ дать гостепріимный уголъ старцу на два дня, на которые Вольдемаръ долженъ былъ съ нимъ разстаться. Адамъ все обѣщалъ. Какою неожиданною радостью изумленъ былъ послѣдній, узнавъ, что слѣпецъ есть тотъ самый Конрадъ изъ Торнео, на чьихъ рукахъ умеръ его отецъ! Съ другой стороны, какъ изумленъ былъ послѣдній, когда слухъ его, эти очи слѣпаго, былъ потрясенъ голосомъ стариннаго знакомца, сына его покровителя! За первыми горячими изліяніями чувствъ послѣдовали съ той и другой стороны запросы о быломъ времени,

прошекшемъ уже болѣе восьми лѣтъ. Чего не вспомнили они, не пересказали другъ другу? кого не вызвали изъ мрака прошедшаго? Кого не оплакали они въ сей бесѣдѣ, или, лучше сказать, въ сей признѣ по милымъ друзьямъ, какой, можешь быть, никто не совершалъ по нихъ? Не наговорились другъ съ другомъ, не наслушались одинъ другаго, слѣпой старецъ и мужъ, первый уже на порогѣ гроба, второй не много оставшій отъ него, предчувствуя, можешь быть, что одинъ изъ нихъ самъ долженъ будешь скоро сдѣлаться *воспоминаніемъ*, а другому придется оплакивать въ немъ новую утрату.

Бесѣда нашихъ друзей была прервана вѣстью рыжаго мальчика, что карета, управляемая дядею его, уже показалась вдали. Адамъ и гуслистъ, подхвативъ слѣпца подъ руки, направили поспѣшно путь къ замку. Въ цвѣтникѣ, за кустами сиренговыми, подъ самымиokka-

ми Луизиной спальни, поставлены были музыканты такъ, что никто не могъ ихъ видѣть, да и проведены были они туда, никѣмъ незамѣченные.

Глава Девятая

П р а з д н и к ъ.

*И голосъ оскорбленной тести
Меня къ отлученію зоветъ.*

Пушквинъ.

Луиза просыпалась; по длинныя рѣсницы ея слипались еще, сжимаемыя удовольствіемъ сердечной нѣги. Богъ любви привѣтствовалъ ее со днемъ рожденія сладкимъ сновидѣніемъ, съ кошорымъ жалъ было ей расстаться: давно не была она такъ счастлива. Она почувствовала что-то свѣжее на груди и открыла глаза: это была роза безъ шиповъ, едва развернувшаяся. Опъ кого даръ? думала она, и рѣшившись разспросить о немъ у

своей горничной, спѣшила опустить цвѣтокъ въ стаканъ воды, какъ бы нарочно поставленный близь нея на столъ. Въ семь занятій застали ее чудесные звуки, прилежавшіе къ ней изъ цвѣтника. Она могла разобрать, что играли на двухъ инструментахъ и пѣли два мужскіе голоса, одинъ пѣжитъ другому, пѣсню въ честь ея. Очарованная неожиданною музыкой, она раздумывала, кого благодарить за нее, какъ дверь отворилась, и Капери на Рабе въ объятіяхъ милой подруги заградила своими поцѣлуями крикъ радости на ея устахъ. Все было въ эшомъ свиданіи: восторги смѣняли слезы, слезы перемѣшивались со смѣхомъ; вопросы бѣжали за вопросами, прошедшія горести, надежды, утѣшенія, все слилось въ безпорядочномъ лепетѣ дружбы: если можно такъ выразиться, они перетасовали души свои. Сей первый пароксизмъ дружбы прерванъ былъ на нѣсколько минутъ необыкновеннымъ крикомъ подъ окнами Луизиной спальни. — »Музыка въ четвер-

томъ нумеръ! Боже мой!» кричалъ едва не съ плачемъ какой-то басистый голосъ: »что-это будетъ? Въ четвертомъ нумеръ, говорю вамъ! Кто смѣлъ привестъ сюда эпихъ побродягъ? кто осмѣлился нарушить священную волю Госпожи Баронессы? Кажется, она не первый день Госпожа въ своемъ замкѣ.« Дѣвица Рабе покраснѣла, со свойственной ей живостію бросилась къ окну и закричала изъ него: — »Простите меня, господинъ Дихтерлихтъ! это я, я во всемъ виновата.« На это увѣщаніе, ласковымъ, обворожительнымъ голосомъ произнесенное, зашихъ ропотъ школьнаго мастера. Въ то же время вошла къ Луизѣ въ спальню сама Баронесса Зегевольдъ; съ нѣжностью поцѣловала дочь, поздравила ее со днемъ рожденія, и пожелавъ ей счастья, вручила корзину, наполненную богатыми ожерельевъ, серегъ, цѣпей и зарукавьевъ, искусно отдѣланныхъ; потомъ обратившись къ Маріенбургской гостѣ, величаво кивнула ей и, въ знакъ милостиваго

вниманія къ бѣдной, ничего незначущей воспитанницѣ Паспора, которую дочь ея удостоивала своими ласками, дозволила Катеринѣ Рабе поцѣловать себя въ щеку. Не смотря на сію милость, въ глазахъ Баронессы сквозило неудовольствіе, что ее предупредили у новорожденной съ поздравленіями. Луиза поспѣшила одѣться, благодарила мать за подарки, казалась довольною, а сама думала: на что мнѣ они?

Въ недобрый часъ былъ приходъ въ Гельмешъ бѣдныхъ музыканшовъ. Только-что ушла надъ ними гроза Маріенбургскаго школьнаго мастера и стихотворца Дихшерлихта, уже собирались новыя тучи съ другой стороны. Никласзонъ, сей вѣрный агентъ Пашкуля, какъ мы имѣли случай видѣть, вскорѣ замѣтилъ Вольдемара изъ Выборга и почелъ худымъ предвѣстіемъ сію комешу, въ первый разъ являющуюся надъ горизонтомъ Гельмеша. »Какъ! лазупчикъ Шлиппенбахъ? этошъ человекъ, ищущій съ такою

неупоминимостью гибели Русскаго войска, и такъ усердно опыскиваемый напрі-откою? онъ здѣсь? Это что-нибудь значить; это не къ добру, тѣмъ болѣе, что Шлиппенбахъ долженъ быть нынѣ въ Гельмешъ, не подозрѣвая еще грозной превогни! Если этошъ шпіонъ, нигдѣ не опыскавъ его, пожаловаль сюда съ извѣ-стіемъ о приближеніи Русскихъ, такъ бѣдняжка опоздалъ: время ушло! Думаю, что весь здѣшній край заблаговѣспитъ это черезъ нѣсколько часовъ. Взавшись за ремесло лазупчика, онъ долженъ былъ пвердо знать, что для ловли сельдей и китовъ бываешь одна пора; но если этошъ лукавый музыкантъ проведъ насъ, искусниковъ — ибо часто въ нашемъ ремеслѣ случается, что шотъ, кто считаешь себя близко цѣли своего обмана, бываешь самъ обойденъ: на всякаго мудреца бываешь довольно простоты — если этошъ лукавый музыкантъ, говорю я, провѣдалъ, кто пожалуетъ сюда на праздникъ съ Фюренгофомъ, и шел-

нешъ о томъ не въ урочный часъ на ушко своему доброжелателю? . . . Тогда все это недокончанное и нешвердое зданіе прямо падешъ на меня! . . . Однако жъ черезъ кого провѣдашь ему? въ одну ночь? Сомнительно! мудрено! На всякой случай надобно держать проклятаго музыканта въ почтительномъ отдаленіи отъ Баронессы и Шлингенбаха. Какъ на бѣду, Адамъ, эшотъ всеобщій покровитель нищихъ и побродягъ, успѣлъ пріютишь голубчиковъ подъ свое крыло. Вотъ ужъ онъ ведетъ слѣпца и товарища къ Баронессѣ. Буду дѣлать, что могу, и между тѣмъ, для безопасности собственной персоны, не худо имѣть въ гошовности осѣдланнаго коня и добрую пару пистолетовъ.» Такъ разсуждалъ самъ съ собою лукавый Никласзонъ, рѣшившись даже на отчаянныя мѣры, если бы какъ-нибудь проникла наружу тайна Фюренгофова товарища и гостя Гельметскаго, Зибенбюргера, и обстоятельства, не побоявшись мастера, ихъ устроившаго,

пошли ему на перекоръ. Впервыхъ онъ исполнилъ все, придуманное имъ для собственной безопасности; потомъ отдалъ слугамъ строжайшій приказъ, безъ дозволенія его, не пускать гуслиста и слѣпца въ домъ.

Не съ такою жадностью обжора вкушаетъ Перпгорскаго пирога, нѣсколько мѣсяцевъ ожиданнаго, съ какою Баронесса пожирала бесѣду Вольдемара, этого таинственнаго агента Шлиппенбахова. Правда, вся бесѣда заключалась еще въ одномъ прислупѣ къ дипломатическимъ сношеніямъ, который начался, какъ у иного автора при всякомъ сочиненіи, съ яиць Лединыхъ. Правда, и отвѣты гуслиста не обѣщали уступчивой искренности: но, по крайней мѣрѣ, дипломатка старалась голосомъ Сирены привлечь въ свою обласць этого новаго Язона, хранящаго золотое руно, то есть тайну похищенія Паткуля. Лукавый Пикласзонъ поспѣшилъ однако-жъ разрушить сію бесѣду, опоздавъ Баронессу въ блежнюю

комнату и объяснивъ ей со всепокорнѣйшею преданностью, что она, дальнѣйшимъ сближеніемъ съ пришлецомъ и, можетъ быть, обманщикомъ, расперяетъ плоды вчерашняго посѣщенія раскольниковъ, которыхъ извѣданное усердіе нынѣ такъ легковѣрно мѣняешь на сомнительные виды. Если же она желаетъ, продолжалъ Эміась, чтобы извѣстіе о сборахъ Русскаго войска на Лифляндію было ею первою сообщено Его Превосходительству, Господину Генераль - Вахтмейстеру, и чтобы неожиданность сего извѣщенія придала ему цѣны, слѣдственно таинственности и важности дипломатическимъ ея трудамъ: то всего лучше держать на нынѣшній день музыканта въ опдаленіи такъ, чтобы онъ никакъ не могъ добраться до Генерала. — »Ахъ, любезнѣйшій мой Никласзонъ! — сказала дипломатка: — вы бросаете свѣтлый лучъ въ мои мысли, запутанныя и помраченные нынѣшнимъ праздникомъ. Какъ я вамъ благодарна! Въ самомъ дѣлѣ, для мыль-

ныхъ пузырей потерять плоды столькихъ трудовъ! какъ будто бы насмѣяться надъ усердіемъ и преданностью ко мнѣ этихъ добрыхъ, Русскихъ моихъ *подданныхъ*, пришедшихъ ко мнѣ съ таинственною вѣстью изъ-за нѣсколькихъ десятковъ миль! Упустишь случай написать къ Министру Пиперу о пользѣ, нами принесенной въ семъ случаѣ Лифляндіи и, что еще важнѣе, войску Его Королевскаго Величества! Благодарность Карла, наконецъ я тебя поймала... наконецъ этакъ ненавистникъ женщинъ долженъ будетъ признаться, что женщины обязаны побѣдою надъ Петромъ, спасеніемъ большаго лоскута своего Королевства и арміи. Каковы профен для насъ, мой любезный, вѣрный Никласзонъ! Нѣтъ, этакъ кусочекъ слишкомъ лакомый, чтобы въ простотѣ сердца отдать его агенту Шлиппенбаха. Распоряжайте, какъ вы найдете лучше, чтобы онъ не могъ схватить у насъ изъ-подъ носа такую богатую добычу; будьте полнымъ хозяиномъ въ

этомъ дѣлѣ. Какъ вы думаете? не запелить ли намъ куда нибудь энихъ бродягъ?» Никласзонъ увѣрилъ, что онъ обойдется и безъ такихъ насильственныхъ средствъ, и спѣшилъ привести свои увѣренія въ дѣйствіе, утѣшаясь, что умѣлъ такъ ловко обратиться на гнѣвъ и гоненіе скорыя милости Баронессы къ Вольдемару. Вотъ какъ важныя головы мелкими хитрецами одурачиваются!...

Баронесса, возвращаясь въ эту комнату, гдѣ былъ гуслистъ и товарищъ его, сказала имъ съ оскорбительною гордостью: »Сступайте въ кухню, друзья мои, васъ шамъ накормятъ.« — Опискомъ Вольдемара былъ гордый, презрительный взглядъ. Слѣпецъ произнесъ съ негодованіемъ: »Нечестивый злоумышляетъ пропивъ праведника и скрежещетъ на него зубами своими: но Господь смѣется ему; ибо видишь, что приближается день его*.« Съ энимъ вмѣстѣ музыканты вышли изъ комнаты и побрели въ садъ; Ба-

* Псаломъ XXXVI.

ропесса проводила ихъ глазами, разгорѣвшимися отъ досады, что слѣпой колдунъ (такъ извѣстенъ онъ былъ въ краю) осмѣлился причислить ее къ сонму нечестивыхъ.

Между тѣмъ, среди жужжанія народа, на дворъ собравшагося, слышались шумъ колесъ, удары бича и ржаніе лошадей. Со всѣхъ сторонъ капились, неслись и ползли берлины, одноколки, колымаги, скакали верховые; всѣ дороги закрубились отъ пыли, а на перекресткѣ стояла цѣлая пуча, какъ на башарѣ во время сраженія. Все спѣшило, будто по пущи жизни мчались ко двору Фортуны ея искатели. Иные, заключая свое честолобіе въ шомъ, чтобъ быть впереди, кричали съ неперпѣніемъ своимъ кучерамъ: Форвертсь! Форвертсь*! другіе, боясь излишнею решивостію сломить себѣ въ сумашохъ шею, приказывали отставать; прешьи, равняясь другъ съ другомъ, мѣнялись привѣтствіями, проклинали

* Впередъ, впередъ!

пѣснопу, пыль и жаръ, и, можешь быть, въ сердцѣ посылали другъ друга къ чор-пу; конные, объѣзжая спороной экипаж-ныхъ, едва не выговаривали: хлопчиче, а мы все-таки будемъ впереди. У ворошъ замка сдѣлалась настоящая суматоха; къ крикамъ, на разные напѣвы господъ и госпожъ разнаго возраста, присоеди-нялась брань кучеровъ. На дворъ все приш-ло въ чинный порядокъ: между толпы кресстьянъ и споловъ, устроенныхъ для угощенія ихъ, оставлена была Шпурба-ухомъ дорога, и по ней-то экипажи тя-нулись къ терасѣ цѣпью, одинъ за дру-гимъ. На случай, гдѣ надобно было рас-поряжать кучерами и скопами, амшманъ былъ человекъ дорогой. Секретарь, на нынѣшній день маршалъ Баронессина дво-ра, съ преугольною шляпою подъ мыш-кою, съ шпагою на боку, съ улыбкою и привѣтствіями на устахъ, встрѣчалъ го-стей въ первыхъ комнахахъ. Сама Баро-несса принимала ихъ въ гостиной, въ кошорой сіяли, какъ зеркала, и замѣняли

ихъ, штучныя сѣны и колонны изъ разнаго дерева, исправно напертыя масломъ и воскомъ. Она сидѣла въ пышныхъ креслахъ, съ дивною рѣзбою, обитыхъ малиновымъ бархатомъ; кому кивала, для иного едва привставала, для другаго совсемъ становилась на ноги и дѣлала шагъ, два и болѣе впередъ, смотря по важности входившаго лица. И на пріемъ она пмѣла свою дипломацію! Если бы кто изъ нашего вѣка перенесся въ сіе собраніе; то подумалъ бы, что находишься въ маскарадѣ или въ старинной портретной галлерей. Большая часть мужчинъ были настоящіе Маркизы Лудовика XIV, въ которыхъ преобразилась тогда едва ли не вся Европа! Среди сихъ щеголей, одѣтыхъ по послѣдней модѣ, были пріѣзжіе изъ Риги, несстыдившіеся явиться въ нарядѣ 17 столѣтія. Круглая шляпа съ перьями; распущенные по плечамъ волосы, тонкій усъ и оставленный на концѣ бороды клочокъ волосъ; ворошникъ рубашки, отвороченный до груди, и

между нимъ двѣ золотыя кисточки; полукафшанье, на подобіе Черкасскаго чекменя, изъ чернаго атласа, который сплани внизъ шары свицовые, вдѣланные кругомъ полы въ шелковой бахрамѣ; бѣлая, шиптая перевязь, падающая съ праваго плеча по лѣвую сторону; сапоги съ черными баншами на головахъ и съ расрубками изъ широкихъ кружевъ, шуго накрахмаленныхъ, въ коихъ икры казались вдѣланными въ огромныя чаши: весь эшотъ нарядъ, и въ тогдашнее время, заставлялъ на себя оглянуться съ невольною улыбкой. Такъ обычаи и даже нравы уступаютъ всемогущему вліянію времени. Остатки отъ него кажутся уродливыми.

Не смотря на то, что тогдашняя одежда женщинъ не красила ихъ, хорошенькія все. Оставались хорошенькими: ибо таково могущество красоты, что наряди ее хоть съ *рожками* и въ *рогожку*, она все таки будетъ прельщать. Лифляндія цвѣтницъ пригожихъ женщинъ, и потому

на праздникъ у Баронессы собрались ихъ вереницы; но всѣхъ прекраснѣе была Катерина Рабе, всѣхъ милѣе Луиза Зегевольдъ.

Съ пренебреженіемъ смотрѣли на бѣдную воспитанницу Пастора Глика пріѣзжія гости, твердо выучившія отъ мамекъ свою родословную; непригожія изъ нихъ отличались особенною къ ней неприязнью. »Что за охота Луизѣ привязаться къ этой куклѣ?« говорила одна, золошовласая, какъ Церера, и съ лицомъ; испещреннымъ веснушками, будто обрызганнымъ грязью. »Не лзя взять ее за руку, чтобы не появилась съ другой стороны ея Кете: ну посуди, милая, прилично-ли мнѣ служить pendant дѣвчонкѣ, Богъ знаетъ, какого рода и званія!« — »То-ли дѣло Фрейлейнъ фонъ Голигаузенъ!« говорила другая, прищепываая: »умѣешь держать себя, какъ должно! Видѣла ли ты, какимъ холоднымъ взглядомъ обдала она Малмьенбулгскую гостью, когда эта хохля къ ней плыласкалась?« — »Пре-

красно отпощивала!« прибавила претъя, мигавшая безпрестанно однимъ глазомъ и немного кособокая. »Замѣшила-ли ты, какіе у ней дурные манеры?« — »Гдѣ-жъ было ей научиться порядочнымъ!« перебила золошовласая Церера: развѣ у Пастора Даута, когда она няньчила дѣтей его.« Тутъ расходившееся злословіе было остановлено на минуту неожиданнымъ восклицаніемъ подруги, вновь прибывшей въ кругъ собесѣдницъ. — »Ахъ! какъ хороша Маріенбургская Кеше!« сказала съ особеннымъ восторгомъ пришедшая: »я засмотрѣлась на нее, какъ на прекрасную картинку, ну такъ, что не опошла бы опъ пей!« — »Ужъ вкусъ!« закричали всѣ съ хохотомъ.

— »Не мудлено-жъ, милая, такъ судить по неопытности: она въ пелвый лазъ въ жизни вылетѣла изъ своего гнѣздышка Фогельсгаузенъ« прервала шепетунья. — Осмѣлившаяся похвалить бѣдную воспитанницу Пастора, покраснѣвъ, принуждена была сознаться, что она щупила.

Катерина Рабе не оскорблялась гордымъ обращеніемъ съ нею знаемыхъ пріѣзжихъ, или не примѣчала его: дружба Луизы, явно дававшая ей предпочтеніе передъ всѣми гостями, вознаграждала ее за непріятности этого праздника. Когда-бъ она знала болѣе свѣтъ, или была самолюбивѣй; тогда-бъ догадалась по глазамъ мужчинъ всякаго званія, по тонкой и предупредительной ихъ услужливости, что она избрана ими царицей праздника.

Чего и кого не было на этомъ праздникѣ! Сюда пріѣхали дворяне, духовные, профессоры, офицеры, студенты и купцы. На каждомъ былъ отпечатокъ времени: большая часть гостей, особенно студенты, выступали съ Марціальнымъ видомъ, какъ бы идя на встрѣчу грозѣ военной; нѣкоторые робко пожимались въ уголки комнастъ, какъ птицы, нахолодившись, прячущіяся въ густому дереву, почувъ непогоду. Въ углу гостиной опытали мы своего стараго знакомаго Пастора Глика, жарконько разсуждавшаго

съ какимъ-то Архитекторомъ-Философомъ о томъ, какимъ образомъ удобнѣе созидать храмъ пресвѣщенія: съ низу ли начинать, съ середины, или съ верху?

— »Помпуйте, говорилъ архитекторъ: кто-жъ спроектируетъ зданіе на воздухѣ?« — »Позвольте, я вамъ докажу, прервалъ Паспоръ: я всѣ препятствія видѣлъ напередъ, и оштрафилъ ихъ. Въ адресѣ, мною изготовленномъ для подачи Королю, нынѣ благополучно царствующему, говорится ясно о способахъ преобразованія Лифляндіи.« — »Но какъ вы могли...?« — »Не спорьте, не спорьте, милостивый государь! Доказательства сейчасъ на лицо — ясны, какъ день! — и вы признаетесь, что...« Здѣсь въ жару полемики, Паспоръ засунулъ-было руку въ боковой карманъ, но хвапившись, что онъ пошербилъ знаменитый адресъ дорогою, смутился до пошма на лицѣ и приведенъ былъ въ такое же прискорбное состояніе, въ какомъ, по одинакому поводу, явился онъ намъ въ долину мертвецовъ. Напрасно искали мы

по всѣмъ комнашамъ Цейгмейстера Вульффа, вѣчнаго пріятеля и антагониста Пасторова и жениха дѣвицы Рабе. Вопль что мы узнали о нехваткѣ его къ празднику въ Гельмешъ. Душавшій духъ долины не переставалъ помучивать надъ Мариенбургскими жишелями и за Менценомъ, затрудняя имъ путь по часстою потерей подковъ у лошадей, по хромотой зефирки, по починкою экипажа. Вульфъ, ненагражденный сынъ природы большимъ терпѣніемъ, ктому-жъ обязанный въ скорости доставить къ Генераль-Вахтмейстеру Шлиппенбаху важное донесеніе (съ коего, мы также видѣли, кѣпшица была искусно снята и доведена по принадлежности), рѣшился отдѣлаться отъ своихъ дорожныхъ товарищей и поспѣшить къ начальнику. Опыскавъ послѣдняго близъ Пернова, куда этакъ ѣздить для свидѣтельства военныхъ снарядовъ, и получивъ отъ него, по предмету своего путешествія, разрѣшеніе, Цейгмейстеръ долженъ былъ немедленно отправиться

въ обратный путь; и потому, вмѣсто посѣщенія Гельмеша, принесъ ему только издали дань поклономъ и вздохомъ.

Долго искали мы также между гостями и Фюренгофа: его еще не было въ Гельмешѣ. Наконецъ подъѣхала къ терассѣ колымага, по виду пережившая уже полвѣка, и по исправности своей обѣщавшая еще сколько же покашатся по бѣлому свѣшу. Живые лошадиные остоны, въ нее запряженные, были до того утомлены, что бока ихъ вздувались, какъ мѣха, и потъ падалъ съ нихъ крупными каплями. Первый, встрѣпившій колымагу и открывшій у ней двери, былъ Фрицъ, на лицѣ коего, при семъ дѣйствіи, выражалась необыкновенная радость, смѣшанная съ какимъ-то страхомъ. Онъ быстро оглядывался вокругъ себя, хотѣлъ говорить, но губы его издали непонятные звуки. Изъ экипажа вышли сначала Фюренгофъ, и за нимъ мужчина странной наружности. Багровый носъ его бросался всякому въ глаза, какъ по своей уродливости, такъ

и по двумъ зеленымъ, блестящимъ кругамъ, на него надѣтымъ, или просто, зеленымъ очкамъ, диковиннымъ въ тогдашнее время; большой горбъ осѣдывалъ незнакомца. На указательномъ пальцѣ правой руки богатѣйшій солитеръ измѣнялъ простотѣ его одежды, состоявшей въ парѣ плащя на Французскій покрой, изъ гладкой шелковой матеріи коричневаго цвѣта. Выходя изъ колымаги, онъ пожалъ руку Фрицу, и сказалъ ему шепотомъ: Лошадей верховыхъ къ восточной калиткѣ сада! Когда онъ вошелъ въ гостиную, насмѣшливый шепотъ пробѣжалъ по ней: красный носъ такъ пзумплъ всѣхъ, что должники Фюренгофа забыли изъяснить этому свое глубочайшее почтеніе и преданность, и Баронесса не могла выговорить полновѣснаго привѣтствія тому, отъ кого тяжеловѣсные дукашы должны были поступить въ ея родъ. Рингенскій помѣщикъ, немного запынаясь, представилъ своего спутника подъ пмепемъ господина Фонъ Зибен-

бюргера, какъ ученаго, путешествующаго по разнымъ странамъ свѣта и теперь возвращавшагося изъ Россіи. »Ко мнѣ же почтеннѣйшій господинъ адресованъ« прибавилъ Фюренгофъ — »однимъ Лейпцигскимъ моимъ корреспондентомъ.« На сію рекомендацію Баронесса разсыпалась въ учтивостяхъ путешественнику - ученому и, что важнѣе всего, ѣхавшему изъ Россіи! Красный Носъ (будемъ такъ иногда звать Зибенбюргера) былъ уменъ, краснорѣчивъ и ловокъ въ обращеніи; богатѣйшій человекъ въ Лпфляндіи придалъ ему эпитетъ *почтеннѣйшаго*. На вопросъ: какъ васъ титуловать? (замѣтимъ, первый и необходимый вопросъ каждого Нѣмца при первомъ знакомствѣ) Красный Носъ отвѣчалъ, что онъ Гоф-райтъ, Докторъ Падуанскаго Университета, членъ разныхъ ученыхъ обществъ и корреспондентъ разныхъ Принцевъ; кшому-жъ игръ въ алмазъ на рукѣ его сдѣлана уже примѣрная сѣзетка и карапы въ немъ по виду взяты: все это за-

ставило скоро забыть объ уродливости носа и горбѣ неожиданнаго посѣпителя и находить въ немъ не только интересность, даже привлекательность. Баронесса, поручивъ хозяйничать дочери, нашла случай увлечь его въ свой кабинетъ и предасться тамъ съ нимъ политическимъ разсужденіямъ. Красный Носъ хорошо зналъ ея слабую сторону и скоро умѣлъ овладѣть умомъ напріюстки, которая опдала бы свой Гельмешъ тому, кто шепнулъ бы въ это время, что съ нею сидитъ жесточайшій врагъ ея Государя и предметъ ея дипломатическихъ заботъ.

Между тѣмъ все общество, собравшееся въ Гельмешъ, было приглашено на терассу. Здѣсь представилось пестрое зрѣлище. По сторонамъ двора усѣялены были двумя длинными глаголями столы, нагруженные разными съѣстными припасами; оба края стола облизали крестьяне, несмѣвшіе пошевеливаться и неводившіе глазъ съ ланговыхъ кусковъ, которые

уже мысленно пожиралъ; въ серединѣ вышлся изжаренный быкъ съ золотыми рогами; на двухъ сшолбахъ, гладко ошесанныхъ, развѣвались, одни выше другихъ, цвѣтные кушаки и платки, а на самой вершинѣ синій кафтанъ и круглая шляпа съ разноцвѣтными лентами; по разнымъ мѣстамъ въ красивой симетріи расставлены были кадки съ виномъ и пивомъ. Крестьянки, въ пестрыхъ праздничныхъ одѣяніяхъ, толпились позади своихъ супруговъ, опцевъ и братьевъ, и составляли резервную ихъ линію на случай осады споловъ; наконецъ между ними волюнчники и гудочники, налаживая свои инструменсты, готовились по своему торжествовать праздникъ и возбуждать общее веселіе пирующихъ. Какъ скоро Луиза, краснѣя и съ нѣкоторымъ принужденіемъ, явилась на терассу, народъ ошъ души закричалъ: »да здравствуетъ многія лѣта наша молодая госпожа!« Амшманъ, вынувъ разложенные по квартирамъ своего кафтана пальцы правой руки и

толкнувъ порядочно локтемъ старосту, сказалъ ему на ухо: »Кричи: и мапушка Баронесса, наша благодѣтельница!« — »И мапушка Баронесса, наша благодѣтельница!« закричалъ староста, махая по воздуху шляпою (и палкой). За нимъ то же повторила толпа, боясь, чтобы сей возгласъ позднѣе не былъ выколоченъ изъ боковъ. По окончаніи сего народнаго привѣщанія, явился передъ Луизою Аполлонъ, лѣтъ за пятьдесятъ, съ лицомъ, испещреннымъ багровыми шишками, въ рыжемъ парикѣ, увѣнчанномъ лаврами, въ шелковой епанчѣ, едва накинутаго на плеча и въ башмакахъ съ розовыми бантами. Онъ держалъ въ лѣвой рукѣ лиру изъ папки. Это былъ Маріенбургскій школьный мастеръ Дихтерлихтъ, принявшій на себя каррикатурный видъ бога Поэзіи. Чтобы не умереть со смѣху, глядя на него, надобно было запасшись всею Нѣмецкою флегмою и всѣмъ моднымъ современнымъ приспращіемъ къ Олимпу на образецъ Французскій. Нашъ Аполлонъ,

широко размахнувшись рукою, пошомъ ударивъ себя въ грудь и наконецъ по сшрунамъ лиры, ошъ чего она согнулась, не издавъ изъ себя звука, — съ глазами, горящими, какъ у бѣснующагося, произнесъ громогласно съ полсопни стиховъ. Въ нихъ изобразилъ, какъ онъ, бесѣдуя на Парнасѣ, съ деряпью сестрами, изумлень былъ нечаянною сумашохою на землѣ, и узнавъ, что причиною тому рожденіе прекрасной Баронской дочери, спѣшилъ самъ принесть ей поздравленія опъ всего Геликона. Въ его стихахъ было то, чего-бъ нехитрому уму не выдумать и вѣкъ.

Тутъ были:

Въ борьбѣ міры съ мірами,
 Съ звѣздами грозный сонмъ кометъ,
 Пространства безднѣ время съ вѣками,
 Съ луною солнце — съ мракомъ свѣтъ.

Тутъ kloкошали пропасти горящи,
 грохошали громы всеразящи, буревали
 гласы, клчки, вой... и многое множество

подобныхъ симъ описаній, которыя не-
прудно отыскашь въ знаменитыхъ совре-
менныхъ поэмахъ. Рукоплесканія (и, при-
бавляешь насмѣшливая хроника, шиканье
студентовъ) задушили послѣдній стихъ.
Восхищенный сею наградою Аполлонъ,
съ слезами умиленія, поправилъ на себѣ
парикъ и подалъ новорожденной пепрад-
ку въ золотой обложкѣ. Луиза приняла
усердную дань его и, желая скрыть хоть
нѣсколько свое замѣшательство отъ при-
торныхъ похвалъ, которыми ее осыпали,
перевернула блестящую обложку и успре-
мила на заглавіе пепради глаза; но видя,
что сіе твореніе не относилось къ ней,
спѣшила съ усмѣшкою передать его вбли-
зи стоявшему Глику, и сказала ему: —
»Не къ вамъ ли ближе это идетъ, госпо-
динъ Паспоръ?« При этомъ вопросѣ Апол-
лонъ выпучилъ глаза и открылъ ротъ.
Паспоръ, будто по предчувствію, дро-
жащими руками ухватился за пепрадъ и,
лишь только взглянулъ на первыя слова
заглавія, обратился съ гнѣвомъ къ Дикъ-

перлихшу: »Господиъ Аполлонъ! похлпивъ у Царя Адмеша его овецъ, не вздумали ли вы прибрать къ своимъ рукамъ и мое достояніе?» — »ваше достояніе, господиъ Пасторъ! ваше...?» произнесъ, горько усмѣхаясь, каррикатурный ботъ. »Не благоугодно ли вамъ шуткою произвестъ смѣхотвореніе въ семъ почтеннѣйшемъ обществѣ? Аполлонъ всегда готовъ отвѣчать Минервѣ.« — »Какое неслыханное нахальство!« воскликнулъ Пасторъ: »говорю вамъ не шутя, что вы украли мое сочиненіе.« — »О! когда такъ, то я объявляю всенародно, что это моя собственность, родное дитя мое: я, я, сударь, его отецъ, и права па него не отдамъ никому! Право сіе готовъ защищать перомъ, лирою, закономъ и кровью моею, столь громко нынѣ во-пьющею.«

— »Наглець неблагодарный!« кричалъ Гликъ, не помня себя отъ гнѣва: »дерзость неимовѣрная въ лѣтописяхъ міра! Какъ? воспользоваться моимъ доброду-

шіемъ и легковѣріемъ; безстыдно похи-
щашъ плоды многолѣтнихъ трудовъ мо-
ихъ! Къ суду вашему обращаюсь, имени-
тое дворянство Лифляндское! Имѣя въ
виду одно ваше благо, благо Лифляндіи,
я соорудилъ сіе швореніе, готовился по-
свящать его вамъ, и вдругъ... Вспуни-
тесь за собственное свое дѣло, господа!
Одно заглавіе скажешь вамъ...« — »Это
проэкшъ адреса Королю о возвращеніи
нравъ Лифляндскому Рыцарству и Зем-
ству,« сказалъ кто-то, прочтя изъ-за
плечь Пастора заглавіе спорнаго сочине-
нія. — »Адресъ! адресъ!« повторили въ
толпѣ. — »О правахъ давно забытыхъ«
произнесъ кто-то. — »Вшоптанныхъ въ
грязь до того, что не лѣзя ужъ разли-
чить на нихъ ни одной буквы« прибавилъ
другой. — »Слѣдственно вы признаете,
милостивые государи, что адресъ мною...«
могъ только сказать Пасторъ, какъ пе-
ребилъ его рѣчь стоявшій возлѣ него
дворянинъ, у котораго редукаціею опіяша
была большая часть имѣнія. — »Безъ

голоса нѣтъ права» сказалъ онъ иронически: »а нашъ голосъ давно заглушенъ воинскимъ боемъ, или, лучше сказать, мы служимъ только барабанною кожею для возвѣщенія маршей и торжествъ поваго Александра до тѣхъ поръ, пока спанешь ея.« — »Теперь-шо и время подашь адресъ« произнесъ умилительно Гликъ. — »Время!« воскликнулъ кто-то: »да развѣ вы не знаете, господинъ Пасторъ, что лучшее время говорить о правахъ наступили, когда онъ кровью и огнемъ напишутся на стѣнахъ нашихъ домовъ, и слезами женъ и дѣтей нашихъ выправятся на желѣзѣ нашихъ цѣпей!« — »Тише, тише, господа!« перебилъ насмѣшливо студентъ, закручивая усы и побренчивая шпагою: »здѣсь есть Шведскіе офицеры.«

— »Благородный воинъ никогда не берется за ремесло доносчика« возразилъ съ негодованіемъ одинъ Шведскій драгунскій офицеръ, покачивая со стороны на сторону свою жесткую, лосинную перчатку: »яо всегда готовъ укоротить

языки, оскорбляющіе честь его Государя.« — »Аминь, аминь!« кричалъ Паспоръ. — »Неприличное мѣсто выбрали, господа, для диспута« говорили нѣсколько Лифляндскихъ офицеровъ и дворянъ, благоразумнѣе другихъ. »Не худо замѣнить, что мы, провозглашая о правахъ, нарушили священныя права гостепріимства и потеряли всякое уваженіе къ прекрасному полу; не худо также вспомнить, что мы одного Государя подданные, одной матери дѣти.« — »Развѣ одной злой мачихи!« кричали многіе. Продолжали спорить и тихомолкомъ назначали поединки. Замѣтно было, что волненіе, произведенное между посѣпителями, было приготовлено. Для утишенія поднявшейся бури, принуждены были наконецъ послать депутатовъ къ Баронессѣ, все еще занятой дипломатическою бесѣдой съ ученымъ путешественникомъ Зибенбургеромъ, очаровавшимъ ее совершенно. Многія женщины отъ страха разбѣжались по комнатамъ; другія, боясь попасть на

вспрѣчу Баронессѣ, слѣдственно изъ огня въ полымя, оспались на своихъ мѣстахъ. Луиза, стоя на иголкахъ, искала себѣ опоры въ милой Кетѣ, но не могла найдти ее кругомъ себя; пригожія Флора и Помона дожидались съ трепетомъ сердечнымъ, когда Аполлоу прикажешь имъ начать свое привѣтствіе новорожденной; народъ, вдыхая въ себя запахъ съѣстныхъ припасовъ и вина, ропсаль, что безполковые господа такъ долго искушаютъ ихъ терпѣніе. Что происходило въ это время съ самимъ Аполлономъ? Подошедъ къ Паспору Глику и успѣвъ пробѣжать глазами первый листокъ чудесной шепради, онъ видимо обомлѣлъ, началъ оглядываться, пересмотрѣлъ еще разъ шепрадъ, ощущалъ ее, ощущалъ себѣ голову и сказалъ съ сердцемъ: — »Если въ это дѣло самъ лукавый не вмѣшался: то я не знаю, что подумать о перемѣнѣ моего Похвальнаго Слова дочери Баронской на адресъ Его Величеству и благодѣтелю нашему, Королю Шведскому!«

Явилась на терассу Баронесса Зегевольдъ, и съ ея появленіемъ раздоръ ушихъ, какъ въ Энеидѣ взбунтовавшее море съ прикрикомъ на него Нептуна. Не подавая вида, что знаетъ о бывшемъ неблагопристойномъ шумѣ, она шепнула Никласзону, чтобы онъ подвинулъ впередъ богинь. Флора первая изъ нихъ подошла къ Луизѣ и, поднося ей цвѣты, сказала:

Прими сіи плоды...

— »Плоды? Какіе плоды?« перебилъ сердито Аполлонъ. — »Меня такъ училъ господинъ Биръ« отвѣчала смущенная и оробѣвшая Флора. — »Да вы кто такая?« спросилъ грознымъ голосомъ богъ пѣснопѣій. — »Каролинхенъ къ вашимъ услугамъ« отвѣчала она въ иресподушно дѣвушка, присѣдая. При такой видимой неудачѣ, Аполлонъ шлёпнулъ свою лиру на полъ, схватилъ себя обѣими руками за парикъ и, списнувъ съ нимъ лавровый вѣнецъ, вопилъ: «Чтобы всѣхъ Флоръ и Помонъ побралъ лукавый вмѣстѣ съ мо-

имъ Похвальнымъ Словомъ! чтобы земля разверзлась и поглотила меня и позоръ мой! О зависть! о злоба человѣческая! вы достигли своей цѣли. Иду, удаляюсь, спѣшу, бѣгу отъ сихъ ужасныхъ для меня мѣстъ. Гомеръ! темница была твоя капполой. Тассъ, о ты, слѣпецъ Хіосскій, ты умеръ странникомъ: и я, и я — радуйтесь Зоилы! — униженный передъ почтеннѣйшимъ обществомъ Лифляндскихъ дворянъ, передъ цѣлымъ синклипомъ ученыхъ, направляю стопы мои въ изгнаніе. Но знайте, за меня потомство! Оно мститель мой и грозный судія моихъ враговъ.» Выговоря это, Аполлонъ въ измятомъ лавровомъ вѣнкѣ, съ епанчею на плечахъ, продрался сквозь толпу зрителей и слушателей, устремился съ терассы, раздвинулъ съ жестокостію толпы, окружившія его на дворѣ, поколошилъ нѣкоторыхъ ропозѣевъ и насмѣшниковъ, и бѣжалъ изъ Гельмеша. Ни увѣщанія, ни просьбы Баронессы, ни усилія амтмана его удержатъ, не имѣли никакого успѣха.

(Разсказывали послѣ, что поселяне, воспрѣшшіе его въ такомъ нарядѣ за нѣсколько миль отъ Гельмшта, почли его за сумасшедшаго и представили въ судъ, и что онъ только приближенію Русскихъ обязанъ былъ освобожденіемъ своимъ изъ когтей судейскихъ.) Флора и Помона, которыхъ роли Биръ изъ разстоянія дѣйствительно перемѣшалъ, скрылись; и хотя сентиментальная Аделаида Горигаузенъ, въ фижахъ и на высокихъ каблукѣхъ, готовилась предстать въ видѣ пастушки, держа на голубыхъ лентахъ двухъ барашковъ; но и та, побоявшись участи, постигшей ея подругъ, рѣшилась не показываться. Такимъ образомъ былъ испорченъ праздникъ щеславной обладательницы Гельмшта. Сильно досадовала она, но старалась скрыть сіе чувство.

Оставалось Луизѣ принять сельскую свадьбу. По данному амтманомъ знаку, показался издали свадебный потѣздъ. Впереди трусилъ верхомъ волюнчикъ, наигрывая на своемъ инструментѣ не-

сшройныя пѣсни, въ которыхъ движенія его лошадки дѣлали разныя варіаціи. Его сопровождали два дружка съ шпагами наголо (конни должны были открыть входъ въ домъ новобрачнаго, нарубивъ крестъ на двери, послѣ чего слѣдовало имъ по обряду воткнуть орудія въ балку прямо надъ мѣстомъ, гдѣ онъ садился). За музыкантомъ и дружками, верхами жъ на бойкой лошаdkѣ, ѣхали разряженные: женихъ и, позади его, бокомъ, на той же лошади, невѣста, ухватившись за кушакъ его правою рукою. Двѣ мѣдныя монеты, вложенныя въ разщепъ палки, которую онъ держалъ, какъ скипетръ, въ рукѣ, должны были служить ему пропускомъ въ домъ брака. Невѣста бросала красныя ленты по дорогѣ, особенно на перекресткахъ, гдѣ хорошились некрещенныя дѣти. Многочисленный верховый потѣздъ изъ крестьянъ, женъ ихъ, сыновей, работниковъ и слуганокъ, довершали процессію. На дворѣ толпы народныя раздвинувшись очистили для нея широкую улицу. Пес-

редъ терассою весь поѣздъ сошелъ съ лошадей и прокричалъ поворожденной многія лѣта. Въ то же время дружки изъ всей силы спучали шпагою объ шпагу. Невѣста и женихъ подошли къ Луизѣ: первая была черноволосая красавица, второй пригожій, статный молодецъ. Лишь только крестьянская дѣвушка хотѣла поднести своей молодой госпожѣ пучокъ полевыхъ цвѣтовъ и сказать по своему привѣтствію, Луиза, всмопрѣвшись въ нее, бросилась ее обнимать. Невѣста была — Катерина Рабе. Женихъ подошелъ къ Луизѣ: взглянувъ на него, она поблѣднѣла. Черты слишкомъ знакомыя! Глаза ея въ первый мигъ признали-было его за Густава; но сердце тотчасъ опровергло сіе обольщеніе, и сказала ей, что это не кто иной, какъ роковой Адольфъ. Дѣйствительно женихъ - крестьянинъ былъ истинный женихъ Луизинъ, Баронъ Адольфъ Траупфештеръ. Какъ все это случилось? Какимъ образомъ дѣвица Рабе, нѣжная, догадливая, знавшая все за-

душевные тайны своей подруги, могла согласиться быть орудіемъ для нанесенія ей столь печальнаго и жестокаго удара? Что заставило вдругъ пріѣхать изъ арміи Адольфа, досель съ необыкновеннымъ упрямствомъ отдалявшаго отъ себя всякой случай къ посѣщенію Лифляндіи? Мы это сейчасъ узнаемъ, сдѣлавъ съ нимъ маленькое путешествіе.

Глава Десятая

ЕЩЕ НЕЖДАНЫЕ ГОСТИ.

Непріятель поетъ, гуляетъ. . . . а ты изъ-за горъ крутыхъ, изъ-за лѣсовъ дремугихъ, налети на него, какъ снѣгъ на голову. . .

СЛОВА СУВОРОВА.

Въ то самое время, какъ мечъ и огонь непріятелей пождали собственныя владѣнія Карла XII, чужія царства падали къ его стопамъ и подносили ему богатыя контрибуціи. Столица Польши 11 Мая приняла въ свои сѣны побѣдителя и ожидала себѣ отъ него новаго Короля. Важныя головы занялись тогда полишскою, военная молодежь веселостями въ кругу обольстительныхъ Полекъ. Можно догадаться, что Адольфъ не пропускалъ

ни одного редута. Разъ вечеромъ, возвратившись очень рано домой, онъ сидѣлъ раздосадованный въ своей квартирѣ и записывалъ въ памятной книжкѣ слѣдующій приговоръ: »Польская нація непостоянна!« Такое опредѣленіе характеру цѣлаго народа вышло у него изъ души по случаю, что одна прелестная Варшавянка, опушавшая его сѣтями своихъ черноогненныхъ глазъ и наступившая на сердце его прекрасною ножкой (мелькавшею въ танцахъ, какъ проворная рыбка въ своей стихіи), сама въ послѣдствіи оказалась къ нему равнодушною, сулила ему цѣлое небо и — вдругъ предпочла бѣшенago мазуриста. Едва докончилъ онъ свой приговоръ, ужасный для народа и особенно для извѣстной ему особы, какъ трабантъ загремѣлъ у его двери огромными шпорами и объявилъ приказъ Короля немедленно явиться къ Его Величеству. Некогда ему было думать, за чѣмъ. Опъ самого Короля узналъ онъ, что онсправляется курьеромъ къ Шлиппенбаху съ извѣстіемъ о

новыхъ побѣдахъ и обѣщаніями скоро соединиться съ Лпфляндскимъ корпусомъ въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ симъ порученіемъ вѣлно Адольфу, до новаго приказа, остаться на родинѣ своей при Генераль-Вахсмейстерѣ: такъ умѣла все мастерски уладить дипломатка Баронессы Зегевольдъ. Отпуская Траутфеттера, Король сказалъ, что они не надолго расстаются. Невѣрность Польки все еще вершѣла сердце Адольфа, какъ буравъ; образъ Луизы началъ представляться ему въ томъ обольстительномъ видѣ, въ какомъ изобразилъ ее Густавъ; порученіе Короля было исполнено милостей — и Адольфъ въ ту же ночь распрощался съ Варшавою.

Курьеръ сѣвернаго героя, котораго одно имя бичевало кровь владыкъ и пародовъ, не ѣхалъ, а лѣтелъ. Все шевелилось скорѣе тамъ, гдѣ онъ являлся — и люди и лошади. »Помилуй, паночек!« говорили Польскіе извозчики почтовымъ смотрителямъ, почесывая одною рукой

голову, другою прикладываясь къ полѣ ихъ кафтана: »то и дѣло кричить: рушай, да рушай! коней хотѣ сейчасъ вести на живодерню.« — »Цыцъ, бисова собака!« бывалъ отвѣтъ деспота-смотришеля: »развѣ ты не знаешь, что офицеръ великаго Короля Шведскаго, нашего Пана и опца, дѣлаетъ намъ честь скакать на нашихъ лошадяхъ, какъ ему заблагорассудится? Благодари его моську, что онъ не впрягъ тебя самаго и не влѣпилъ тебѣ сопли бизуновъ, собачій сынъ!« Красно-рѣчивыя убѣжденія Шведскаго палаша разогрѣвали и флегму Нѣмецкаго почтальона: то печально посматривая на бездыханную трубку, у груди его покоившуюся, то умильно кивая шинкамъ, мимо его мелькавшимъ, посылалъ онъ мысленно къ чорту Шведскихъ офицеровъ, непозволявшихъ ему ни курить табаку, ни выпить шнабсу, и между тѣмъ чаще и сильнѣе похлопывалъ бичемъ надъ спинами своихъ тощихъ лошадей-дромадеровъ. »Не Траутфештеръ, а Доннервештеръ надобно

бы ему прозываться» говорили сквозь зубы Нѣмецкіе спанціонные смотрители, подавая рюмку водки бѣдному спрадальцу-почталіону — и со всею придворною вѣжливостію спѣшили отправить гостя со двора. Провожаемый такими привѣтствіями, Адольфъ прискакалъ на четвертые сунки въ Ригу; узнавъ, что Шлиппенбахъ находится въ Перновѣ, отправился туда, передалъ ему отъ Короля бумаги, и желая удивить своимъ нечаяннымъ пріѣздомъ Баронессу и невѣсту, которая, по мнѣнію его, должна была умирать отъ нетерпѣнія его видѣть, полетѣлъ въ Гельмешъ. Здѣсь у корчмы остановился онъ, замѣтивъ свадебный поѣздъ. Приспальный взглядъ на лица крестьянъ, необыкновенно развязныхъ, и другой взглядъ на миловидныхъ крестьяночекъ, шушукавшихъ промежь себя и лукаво на него поглядывавшихъ, объяснили ему сейчасъ, что эта свадебная процессія была одна шушка Баронессинныхъ гостей. — Желая скрыть свое настоящее имя, онъ

выдалъ себя за Трабантскаго офицера Кикбуша, только-что вчера прибывшаго изъ арміи Королевской съ извѣстіями къ Генералъ-Ватхмейстеру о новыхъ побѣдахъ и теперь, по исполненіи своего дѣла, возвращающагося въ армію; присокупилъ, что между тѣмъ ему дано отъ Генерала порученіе захватъ по дорогѣ въ Гельмешъ и доложить Баронессѣ о немедленномъ пріѣздѣ Его Превосходительства, что онъ остановленъ у корчмы видомъ необыкновенной толпы, угадалъ тайну актеровъ, и просилъ позволенія участвовать въ ихъ шуткѣ. Офицеры и студенты, представлявшіе Чухонцевъ, охотно согласились принять Адольфа въ свой поѣздъ; а какъ офицеръ, игравшій жениха, былъ чрезвычайно услужливъ: то, съ позволенія дѣвицы Рабе, уступилъ Адольфу свою роль, прибавивъ, что въ народномъ праздникѣ первое мѣсто принадлежитъ вѣстнику народного торжества. Такимъ-то образомъ явился Адольфъ въ видѣ крестьянскаго жениха передъ

своею невѣстою; такимъ-то образомъ подруга ея сама представила Луизѣ того, котораго эта, можетъ быть, никогда не желала бы видѣть. Каково же было изумленіе и ужасъ Катерины Рабе, когда Луиза, при взглядѣ на мнимаго Кикбуша, поблѣднѣла, когда Трабантскій офицеръ, бывшій до того чрезвычайно смѣлый и ловкій, смутился, произнесъ крестьянское привѣтствіе новорожденной, и наконецъ, когда онъ подошелъ къ Баронессѣ Зегевольдъ и вручилъ ей письмо. »Рука пріятели моего Пипера!« вскричала Баронесса, взглянувъ на адресъ; потомъ взглянулась пристально въ посланника и бросилась его обнимать, приговаривая задыхающимся отъ радости голосомъ: »Адольфъ, милый Адольфъ! этой радости я не ожидала.« — »Адольфъ Траушфеттеръ!« раздалось въ толпѣ гостей. Фюренгофъ, внутренне желавшій племяннику провалиться сквозь землю, спѣшилъ однако-жъ прижать его къ своему сердцу. Послѣ первыхъ жаркихъ лобызаній и при-

вѣпствій со всѣхъ сторонъ, Адольфъ бросился переодеваться и явиться въ постоянномъ своемъ видѣ. Кто бы не сказалъ, смотря на него: Апшиной въ одеждѣ военной! Но для Луизы онъ былъ все равно, что прекрасная шатуня, хотя ей данъ изподпишка спрожайшій приказъ обходиться съ нимъ, какъ съ милымъ женихомъ. »Ты должна его полюбить« прибавлено къ сему грозному наказу: »смотри, чего ему недостаетъ? Онъ все помѣетъ: умъ, прекрасную наружность и богатство. Ты была бы ворона, если-бъ и безъ моихъ наставленій упустила такой кладъ! Да что-жъ ты ничего не говоришь?« — »Буду стараться исполнить волю вашу« отвѣчала Луиза, опираясь ледяною рукою объ руку своей милой Кете.

Съ другой стороны влюбчивый Адольфъ, сравнивая свою невесту съ тѣми женщинами, которыми онъ плѣнялся такъ часто въ каждомъ Нѣмецкомъ и Польскомъ городкѣ, на маршѣ Карловыхъ побѣдъ,

разомъ вычеркнулъ ихъ всѣхъ не только изъ сердца, даже изъ памяти своей, и поклялся жить опиньѣ для единственной, избранной ему въ подруги самою судьбою. »Она сейчасъ узнала меня: это добрый знакъ!« думалъ онъ: »и меня испугалась: это что значитъ? . . . Ничего худого! Какъ не испугать это робкое, прелестное твореніе появленію нежданнаго жениха, который, того и гляди, будешь мужъ ея! Сердце мое и ласки матери говорятъ мнѣ, что мы въ дальній ящикъ отклады-
вать свадьбы не станемъ.« Желая скорѣе описать свои новыя чувствованія двоюродному брату, онъ искалъ его между гостей, но къ удивленію своему, не найдя его, спросилъ у одного изъ своихъ молодыхъ соотечественниковъ о причинѣ этого отсутствія. Вопросаемый, бывшій дальній родственникъ Баронессѣ, объяснилъ, что она отказала Густаву отъ дому за неловкое представленіе имъ роли жениха, даже до забвенія будто бы приличія. »Это было въ отсутствіе маменьки«

продолжалъ вѣсповщикъ: »невѣста замѣтила ошибку и вольное обхожденіе пошпителя, разсердилась, рассказала все матери и... — »И загорѣлся сыръ борь!« сказалъ смѣясь Адольфъ: »ну, право, я не узнаю въ этомъ дѣлѣ моего двоюроднаго брата, скромнаго, стыдливаго, какъ дѣвушка! А все я виноватъ« продолжалъ уже про себя Адольфъ: »невольный мученикъ! навелъ я тебя на слѣдъ сердитаго звѣря моими наставленіями, и погубилъ тебя; по этому скоро пособишь можно. Мой вѣрный Сози будетъ у меня шафферомъ на свадьбѣ, и мы тогда заключимъ мировую съ Баронессою.«

Разсужденія сіи были прерваны необыкновеннымъ крикомъ на дворѣ. Адольфъ оглянулся и увидѣлъ, что народъ сдѣлалъ рѣшительное нападеніе на съѣстные припасы. Въ одинъ мигъ столы были очищены и быкъ съ золотыми рогами исчезъ. Всѣхъ долѣе покрасовалась круглая шляпа съ цвѣтными лентами на маковкѣ столба, намазаннаго саломъ, и всѣхъ болѣе

насмѣшили усилія Чухонцевъ достигнушь ея; наконецъ и она сорвана при громкихъ восклицаніяхъ. Чернь веселилась потомъ, какъ обыкновенно веселился. Лишь только гости возвратились во внутренность дома, амшманъ возвѣстилъ о пріѣздѣ Его Превосходительства Генераль - Вахшмейстера. — »Его Превосходительство!« перенеслось изъ одной комнаты въ другую. Кроме нѣсколькихъ собесѣдниковъ, въ томъ числѣ и Краснаго Носа, все засуешилось въ гостиной, все встало съ мѣстъ своихъ, чтобы встрѣтить Его Превосходительство. Зибенбюргеръ остался преспокойно въ креслахъ, какъ сидѣлъ: коварная усмѣшка пробѣжала по его губамъ; движенія его, доселѣ свободныя, сдѣлались на показъ небрежными. Фюренгофъ, при вѣсти о прибытіи главнаго начальника Шведскихъ войскъ, задрожалъ отъ страха; вынулъ свои золотые луковкою часы изъ кармана и сказалъ: »До двухъ часовъ остался еще часъ?« — »Да!« отвѣчалъ хладнокровно Красный Носъ:

»впрочемъ, если указательная стрѣлка и завется, есть средства ее остановить.«
Отвѣтъ сей былъ такъ же хорошо понятъ, какъ и напоминаніе времени, и Рингенскій Баронъ, оправившись нѣсколько отъ испуга и пріосамнѣвшись, спѣшилъ засвидѣтельствовать свое глубочайшее почтеніе прибывшему Генералу.

Вошелъ мелкорослый мужчина, погруженный въ огромный парикъ, въ лосиные перчатки и сапоги съ распухами до того, что изъ-подъ сихъ предметовъ едва замѣненъ былъ человекъ. »Здравствуйте, мои милые Лифляндцы! Какъ можете? каково поживаете?« произнесъ онъ, не сгибаясь и протягивая руку, или, лучше сказать, перчатку встрѣчавшимъ его низкими поклонами. »Все спокойно, все хорошо, небось, по милости нашего Короля и насъ? А? Черезъ нашего вѣспника вы именно слышали уже о новыхъ побѣдахъ Его Величества?« — »Честъ и слава ему на тысящельтія!« воскликнули два или три голоса, между

тѣмъ, какъ всѣ молчали. — »Можешь бытъ, въ эту самую минушу, какъ я съ вами говорю, новый Польскій Король на колынахъ принимаешь вѣнецъ изъ рукъ побѣдителя. Каково, *meine Kindchen!* Надобно ожидать еще великихъ происшествій. Кто знаетъ? Сего дня въ Варшавѣ, завтра въ Москвѣ; сего дня Августа долой; завтра, можешь бытъ, ждетъ также участь Алексѣевича.« — Послѣдній поупрямѣ и тяжель на подъемъ» сказалъ кто-то изъ толпы. Генераль, казалось, не слыхалъ сихъ словъ: обратившись къ медику Блуменпросту, ударилъ большою перчаткою по рукъ его и произнесъ ласково: »А, мой любезный Медикусъ! довольны ли вы моею бумажкою? Ну, есть ли заказы? Вы меня понимаете. Я говорилъ объ васъ Профессору Анашоміи въ Перновѣ: да вошь онъ самъ здѣсь.« Потомъ не давъ Блуменпросту отвѣчать, продолжалъ, кивая Фюренгофу: »А, господишъ Рингенскій Королекъ! къ вамъ пріѣхалъ племянничекъ, женишокъ, молодецъ хоть

куда, любимецъ Его Величества: всѣ эти званія пребываютъ... понимаете ли меня? (Здѣсь Генераль показалъ двумя пальцами одной руки по ладони другой, будто считалъ деньги.) Мы люди военные; ржавчину счищаемъ мастерски со всякаго металла. Ха, ха, ха!« На всѣ эти привѣтствія Фюренгофъ униженно кланялся. »А это, что за уродъ?« спросилъ Шлиппенбахъ Фюренгофа на ухо, показывая огромнымъ перстомъ на Зибенбюргера, небрежно раскинувшагося въ креслахъ.

— А, а, Ваше Превосходительство... Гмъ!... это... а, а... какъ бы вамъ доложить, Ваше Превосходительство... уроговорилъ, запинаясь Рингенскій Баронъ, проклиная мысленно пріятеля своего Никласзона, поставившаго его въ такое затрудненіе особою Зибенбюргера.

— »Вы крѣпки на все« сказалъ маленький Генераль, махнувъ своею огромною лосиною рукавицею, которая распробами едва не зацѣпила за носъ Фюренгофа, обратился къ Баронессѣ и спросилъ у

ней вполголоса: Скажите мнѣ, маменька! откуда выкопали вы этого уродца?

— »Ахъ, мой почтеннѣйшій Генераль-Вахтмейстеръ!« отвѣчала Баронесса. Ради Бога, говорите попоише, чтобы не оскорбить этого великаго человѣка. Баронъ Фюренгофъ сдѣлалъ мнѣ честь пригласить его ко мнѣ.

— Гмъ! попомъ?

— Если-бъ вы знали, что это за сокровище! Онъ Докторъ Падуанскаго Университета, корреспондентъ разныхъ Принцевъ...

— Конечно и шпионъ ихъ.

— Физикъ...

— Не сомнѣваюсь.

— Математикъ...

— Когда маршируетъ.

— Астрологъ...

— Можешь быть, подагрикъ, и предугадываешь погоду; навѣрно еще и алхимистъ: безъ того не терся бы около него нашъ Баронъ. Вѣрнее всего, какойнибудь шарламанъ, который показываетъ

испину, не по старинному, на днѣ кладезя, а на днѣ кошелька, ха, ха, ха! какъ вашъ спригунъ, Русской козель Андреасъ Діонисіусъ.

— Да, мой козель, возразила Баронесса, съ сердцемъ, но все таки вполголоса, проблеялъ мнѣ вчера то, что вашему соловью Шведскому никогда не удастся пропѣть. Знайте... однако-жъ я вамъ не скажу этой тайны до тѣхъ поръ, пока вы не дадите мнѣ честнаго слова довести до Его Величества мое усердіе, мою неограниченную преданность, мои жертвы.

— Вы уже недовѣрчивы ко мнѣ, милая маменька? сказалъ Шлиппенбахъ, нѣжно грозясь на нее огромнымъ пальцемъ своей перчатки.

— Услуга такъ важна...

— Повинуюсь. Честное слово Шведскаго офицера, что я исполню ваше желаніе.

— Теперь вы, ваша армія, Лифляндія, спасены! сказала шепотомъ Баронесса и пригласила - было Генерала въ другую

комнашу, чтобы передать ему важную тайну; но когда онъ рѣшительно объявилъ, что голова его ничего не варитъ при пощемъ желудка, тогда она присовокупила: — Буди по вашему, только не кайтесь послѣ. Между тѣмъ позвольте мнѣ представить вамъ ученаго путешественника. — Господинъ Докторъ Зибенбургеръ! господинъ Генераль-Вахтмейстеръ и Главный Начальникъ въ Лифляндіи желаетъ имѣть честь съ вами ознакомиться.

Шлиппенбахъ, не всхлывая со стула, просянулъ-было руку Красному Носу; съ своей стороны этотъ едва покачнувшись тѣломъ впередъ, кивнулъ и сказалъ равнодушно: — очень радъ!

— Очень радъ! — повторилъ Шлиппенбахъ голосомъ оскорбленнаго самолюбія, привыкшаго, чтобы все падало передъ нимъ, и неожиданно пораженнаго неуваженіемъ иностранца. Опустивъ руку, столь явно отвергнушую, онъ покраснѣлъ до бѣлка глазъ и присовокунилъ насмѣш-

ливо: — Вы ѣдете, конечно, другихъ смотрѣть и себя показывать.

— Вы не ошиблись, отвѣчалъ хладнокровно Красный Носъ: составляя не послѣдній оригиналь въ физическомъ и нравственномъ мѣрѣ, я люблю занимать собою исполнновъ въ семь мѣрѣ; люблю самъ паблюдать ихъ; но до мелкихъ уродцовъ мое вниманіе никогда не унижалось.

— »Господинъ Докторъ ѣдетъ изъ Московіи« подхватила Баронесса, желая облегчить путь пилюли, споявшей въ горль Генерала: »онъ былъ нѣсколько времени при дворѣ шамошнемъ и въ лагерь Шеремешева; видѣлъ и нашего пріятеля Папкуля, котораго изобразилъ мнѣ такъ живо, какъ бы съ нимъ никогда не разставался.«

— Слѣдственно онъ присоединился тамъ къ порядочному звѣрицу, — сказалъ съ горькою усмѣшкой маленькій Генераль.

— Неполному! возразилъ спокойно Красный Носъ: дорогою имѣю случай дополнять недоспапки.

Шлиппенбахъ опять принялъ посылку

по адресу, надулся какъ клещъ, думалъ отвѣчать по военному; но разсудивъ, что не найдешь своего счета съ такимъ смѣлымъ слово - дуелистомъ, у котораго орудія не выбьешь изъ рукъ, и что неприлично было бы ему, Генералу Шведскому, унизиться до ссоры съ неизвѣстнымъ путешественникомъ, опложилъ свое мщеніе до отъѣзда изъ Гельмшта, старался принять веселый видъ и спустилъ шонъ рѣчи пониже: — Такъ вы удостоились лицезрѣнія Папкуля, господинъ Докторъ? Что вы о немъ разумѣете?

— Что я объ немъ разумѣю? На это отвѣчать трудно при Шведскомъ Генералѣ, коего Государя онъ врагъ, и среди общества Лифляндскихъ дворянъ, которыхъ права онъ защищалъ — какъ слышно было — такъ горячо и такъ безразсудно.

— Горячо, можетъ быть, возразилъ кто-то изъ гостей твердымъ голосомъ: но благородно и не безразсудно!

— Лифляндія должна гордиться такимъ патриотомъ, и кто думаешь противное, недостойнъ имени благороднаго сына ея — присовокупилъ Графъ Л—дъ (потомъ самый, который въ царствоваше Екатерины I-й былъ ея любимымъ Камергеромъ и въ послѣдствіи времени, играя важную политическую роль въ Россіи, исходатайствовалъ своимъ соотечественникамъ права, за кои пострадалъ Пашкуль).

— Кто смѣетъ спорить съ патриотизмомъ нѣкоторыхъ Лифляндцевъ? сказалъ насмѣшливо Шлиппенбахъ. Надобно плотину слишкомъ твердую, чтобы удержать разливъ его, который, мнѣ кажется, найдешь скоро путь и въ Московію.

— Въ этомъ случаѣ Ваше Превосходительство крѣпко ошибаетесь, сказалъ Графъ Л—дъ. Между нами нѣтъ ни одного измѣнника своему Государю: Лифляндцы доказывали и доказываютъ ему преданность свою, проливая свою кровь, жертвуя имуществомъ и жизнью, даже и

погда, когда опечесство не видишь въ помъ для себя пользы. Не въ Россію, а развѣ изъ Россіи впоргнётся къ намъ бурный потокъ, и конечно щепками вашего опряда не остановишь его и погибели нашей!

— Новое, неслыханное доселѣ красно-рѣчіе! Щепки! великія жертвы! бурный потокъ! погибель Лифляндіи! Какія громкія имена, Графъ! Мы, право, смѣшно слышать ихъ, особенно отъ васъ, въ разговорѣ о такомъ ничтожномъ предметѣ, каковъ Пашкуль. Скоро и очень скоро избавимъ мы Лифляндію, этого великодушнаго пеликана, отъ великихъ, тяжкихъ жертвъ ея, перенеся театръ войны подалѣ отъ растерзаннаго Шведами опечесства вашего.

— Ничтожный предметъ? Не думаю, сказалъ Графъ Л-дъ.

— Можетъ быть, я ошибаюсь въ названіи: ничтожный, это неприлично сказано объ измѣнникѣ, переметчикѣ, бунтовщикѣ. (При этихъ словахъ Красный

Носъ повернулся на креслахъ шакъ сильно, что онъ запрещали.) Кажется, теперь настоящее имя ему приискано.

— Ваше Превосходительство, назвавъ его порядочнымъ именемъ, оскорбили бы вѣрноподданныхъ Его Величества, сказалъ одинъ изъ гостей.

— Ни дать, ни взять, Ваше Превосходительство вылили его въ настоящую форму — прибавилъ другой, низко сгибаясь.

— Приговоръ Вашего Превосходительства есть приговоръ потомства — присовокупилъ претій, попирая себѣ ладони.

— Вотъ истинные сыны отечества! воскликнулъ Генераль.

— Гмъ! низкіе льстецы! произнесъ громогласно Биръ. Шлиппенбахъ оглянулся, искалъ, кто это произнесъ; но Дерптскіе студенты загородили Библио-пекаря.

Графъ Л — дъ презрительно посмотрѣлъ на низкопоклонниковъ и сказалъ: — Я давеча наименовалъ уже этихъ господъ,

и пусть одинъ изъ нихъ осмѣлился когда-либо назваться при мнѣ Лифляндскимъ дворянниномъ. Еще могли-бъ они сохранить благородное приличіе хоть молчаніемъ!... Кто вынуждалъ, кто вынышывалъ у нихъ собственный ихъ позоръ? Преданность Государю, скажутъ они. Преданность!... Пускай доказываютъ они ее, идучи на смерть за него, и не бояться также смѣло идти на смерть за истину! Клеветники и низкіе люди всегда худые подданные, также какъ и худые сыны отечества. И кто-жъ, въ угодность мелкой власти, называешь презрѣнными именами того, который пожертвовалъ собою для защиты ихъ собственныхъ правъ, выгодъ, благосостоянія? Не тѣ ли самые, которые называли его некогда своимъ благодѣтелемъ, спасителемъ, вторымъ отцомъ? Едва не лобызали они тогда краевъ его одежды, едва не къ божеству его прикли и не ставили ему алтарей! А теперь, когда онъ для нихъ не можетъ идти въ другой разъ подѣ

плаху, шеперь... Нѣшъ, я не могу бышъ съ ними вмѣстѣ; мнѣ душно здѣсь! — Сказавъ это, Графъ Л—дъ взялъ свою шляпу, извинился передъ Баронессою и вышелъ; за нимъ послѣдовало нѣсколько дворянъ.

— Что скажете вы объ этомъ, маменька? спросилъ Шлиппенбахъ Баронессу.

— Я врагъ Пашкулю, не языкомъ, а дѣломъ, опвѣчала дипломатка. Впрочемъ вы знаете, что я люблю политическіе споры. Не изъ возмущившагося ли моря выплываютъ самые драгоцѣнные перлы? Ловите ихъ, ловите, почтеннѣйшій Генералъ, какъ я это дѣлаю, и проспитте благородной опкровенности моихъ соотечественниковъ, сихъ добрыхъ дѣшей природы, любящихъ своего Государя, право, не хуже Шведовъ.

— Прекрасно! воскликнуло множество голосовъ: — благодаримъ нашу защитницу!

Примѣтно было, что Баронесса отды- хала на лаврахъ; между тѣмъ, какъ ма-

ленькому Генералу, повелителю Лифляндіи, подсыпались со всѣхъ сторонъ перція. Казалось, что при новомъ толчкѣ, данномъ его самолюбію, онъ долженъ былъ разразиться на собесѣдниковъ громовымъ ударомъ; напрошивъ того, въ немъ оказался неожиданный переломъ: съ крошечнаго лба сбѣжали тучи, его обвивавшія; на лицѣ проглянуло насмѣшливое удовольствіе, и онъ, рукоплеская, примѣшалъ къ восклицаніямъ собесѣдниковъ и свое: »Вотъ это я люблю, *meine Kindchen!* Спорьте всегда въ любви и преданности къ Королю своему. Продолжайте, господа, анапоминать Пашкуля, который намъ многимъ сдѣлалъ глубокія операціи; но между тѣмъ не забудьте, маменька, что для насъ, солдатъ, есть лагерные часы обѣдать, выпить рюмку и спать. За кѣмъ далѣе чередъ? Да; что скажешь намъ почтеннѣйшій Маріенбургскій настріархъ?» Проговоривъ это, Шлиппенбахъ прислонился запылкомъ къ высокому задку спудла, вошкнулъ стоймя огромную перчатку

въ широкіе распробы своего сапога, какъ бы дѣлалъ ее вмѣсто себя соглядатаемъ и судьей бесѣды, сщурилъ глаза, будто собирался дремать, взглянулъ караульнымъ полуглазомъ на Фюренгофа и Краснаго Носа, захохоталъ вдругъ, подозвалъ къ себѣ рукою Адольфа и шепнулъ ему на ухо: »Дядя вашъ обманушъ: онъ привезъ къ намъ шпиона.« — »Не правда ли?« продолжалъ Генераль вслухъ: »дядя вашъ не догадался, что онъ потерялъ свою перчатку, именно правую...«

Фюренгофъ засуетился - было искалъ свою перчатку, но повелитель Лифляндіи далъ ему знакъ, чтобы онъ оставался на своемъ мѣстѣ, и зѣвая сказалъ Глику: »Мы ждемъ вашего голоса.«

Паспоръ, который по первому вызову успѣлъ только поправить на себѣ парикъ, выпрямиться и кашлянуть, по второму вызову произнесъ довольно пропьяно: — »Хотя поздненько меня спрашиваютъ, можетъ быть, тогда, когда все голоса собраны, когда кормчіе разговора

довели его до Геркулесовыхъ столповъ, да не посмѣешь никто идти далѣе; однако-жь дерзнемъ на челнокъ нашихъ понятий пуспиться хоть по водамъ, обзорнымъ моими высокопочтенными собесѣдниками. *Idcirco*, скажу объ Иоганнѣ Рейнгольдѣ Пашкуль, Лифляндецѣ родомъ, сердцемъ и дѣлами, бывшемъ изгнанникѣ, нынѣ Генераль-Кригскоммиссарѣ Московскаго Монарха, Генія-творца своего Государства, Вождя своего народа ко храму просвѣщенія — Вождя, прибавить надобно, шествующаго стопами Гомеровыхъ героевъ...»

— Хватающагося за все и ничего не совершившаго, сказала Баронесса.

Каперина Рабе, услышавъ изъ другой комнаты шонкимъ своимъ слухомъ, что воспитатель ея говоритъ о Московскомъ Царѣ, привстала со стула, подошла на цыпочкахъ ближе къ разговаривавшимъ и низала на сердце каждое слово, сказанное о Пешрѣ.

— Неправда! возразилъ Паспоръ, оду-

шевленный необыкновеннымъ восторгомъ. Онъ много, очень много сотворилъ. У Алексѣевича пѣшь колеблющихся начинаній, пѣшь попытокъ: мысль его есть уже исполненіе; она вѣрна, какъ взглядъ стрѣлка, незнавшаго никогда промаха. Спѣишь ему завидѣшь цѣль, и какъ бы далека ни была, она достигнута. Другіе сажаятъ жолудь, и ждуть съ нетерпѣніемъ годы, чтобы дубъ выросъ: онъ изъ чужихъ предѣловъ могучею рукой изшоргаешь вѣковые дубы, глубоко врываясь на почвѣ благословенной — и дубы вѣковые быстро принимаются, и готовы осынить Московію.

— Придетъ молодой Шведскій завоеватель, перебила опять Баронесса: нѣсколькими ударами грознаго меча обѣчешъ вѣшви великаго дерева Московитскаго; и что опъ него тогда останешся? Безобразный столбъ для смѣха проходящихъ!

— Я сказалъ, высокородная госпожа Баронесса, я сказалъ, что древо просвѣ-

щенія посажено не руками мальчишекъ верхоглядохъ а врыто глубоко въ землю рукою могучею. Опсѣките въпви; срубите самый стволъ: появятся черезъ нѣсколько времени оппрыски, копорые нѣкогда будутъ также дубы. Повѣрьте мнѣ, на исполнискомъ твердомъ пути Алексѣевича ничто его не остановитъ. Скорѣе не ручаюсь, чтобы пылкій, воинственный духъ молодого героя, Всемилоствѣйшаго нашего Государя и господина — но дѣло не въ томъ — не ручаюсь, говорю я, чтобы духъ сей не занесъ Шведскаго Ахиллеса въ ошибки невозвратимыя, которыя послужатъ къ большому величію Петра. Впрочемъ, да не оскорбился вѣрноподданичскій слухъ Вашего Превосходительства и вашъ, господа высокоименитые Лифлядцы и Шведы, если скажу вамъ по чувству истины: пылкость характера не есть добродѣтель въ Царяхъ; она скорѣе въ нихъ погрѣшность. Обдуманная твердость, ничего неначинающая безъ цѣли, никогда

неполагающаяся на счастье; однимъ словомъ, Минерва въ полномъ вооруженіи: прошу замѣнить, въ полномъ... вопъ что составляетъ истинное достоинство Государей и благоденствіе вѣранныхъ имъ народовъ. А твердостью такою Московскій Государь обладаетъ въ высшей степени. Еще осмѣлюсь прибавить... присовокупить, кшапи или не кшапи... въ послѣднемъ случаѣ, вы меня извините... нигдѣ не покидаетъ Карла мысль о славѣ, для которой онъ, кажется... мнѣ... такъ мнѣ сдается... гошовъ все забыть; нигдѣ не покидаетъ Алексѣевича мысль о благѣ отечества. Алексѣевичъ въ Вѣнѣ, въ Стокгольмѣ, въ Парижѣ будетъ всегда близокъ своего народа. Опважный Карлъ, занеся ногу въ Московію...

— Дѣло не въ томъ, отецъ Плиній изъ Вепшина! перебилъ Шлиппенбахъ, попягиваясь и передразнивая Пастора въ любимой его поговоркѣ: дѣло не о вашемъ возлюбленномъ Алексѣевичѣ, котораго

новый полчокъ Шведскимъ прикладомъ, саkreмeнтъ, подобный Нарвскому, опобьeшь отъ кукольныхъ его заштѣй. Мы спрашивали вашего мнѣнія на счетъ бѣглеца Пашкуля.

— Виноватъ, господинъ Генераль-Вахтмейстеръ! виноватъ, я нѣсколько отдался отъ заданной темы. Что касается до высокоименитаго Югана Рейнгольда Пашкуля, то я долженъ предупредить о слѣдующемъ. Знаменитые юристы Галльскіе, въ томъ числѣ самъ Христіанъ Томазіусъ, сіе солнце Правовѣдѣнія, и наконецъ Лейпцигская судейская Палата рѣшили до меня чудесный казусъ, поспигшій именованную особу, то есть: имѣлъ ли право вѣрноподданный Его Величества желать сохранить себѣ жизнь и честь, отнимаемая у него высшимъ приговоромъ, и предложить свое служеніе другому Государю и странѣ? былъ ли приговоръ Шведскаго суда справедливъ, и прочее? Галль, Лейпцигъ, Томазіусъ рѣшишельно оправдали его на Нѣмецкомъ и

Лапинскомъ языкѣ въ извѣстной Дедукціи, изданной in quarto прошлаго 1701 года Февраля 15 дня. Послѣ того мы, сѣдѣющіе на послѣдней ступени храма Θεμιδіа, какое посмѣемъ сдѣлать опредѣленіе? Развѣ примолвимъ: головы, подобныя Папкулевой, надобно Государямъ беречь, а не рубить. Правда, не лишнимъ будешь еще упомянуть, что въ 5-мъ и 8-мъ пунктахъ извѣстнаго адреса онъ не имѣлъ ашенціи къ Юриспруденціи, и сожалѣть надобно, что онъ не посоветовался съ людьми знающими. Вошъ, напримѣръ, если позволишь, я докажу изъ конспекта моего. . . .

Здѣсь Пасторъ вынулъ изъ боковаго кармана шепрадъ въ золотой обложкѣ и хошѣлъ-было почерпнуть въ ней свидѣтельство доводамъ своимъ; но Генераль, махнувъ повелительно ручкою, сказалъ: — До другаго времени, отецъ юриспруденшъ и орапоръ изъ Вештина! Сакрементшъ, маменька, лагерный часъ обѣда пробилъ!

— До обѣда я имѣю еще важное дѣло вамъ передать, возразила Баронесса: оно касается, какъ я сказала давеча. . .

— Прошу уволить, высокопочтенная Баронесса! перебилъ Генераль: мы поѣдимъ, попьемъ, поспимъ, и тогда примемся за важныя дѣла. Но если для лучшаго аппетита необходимо привести въ движеніе механизмъ языковъ; то попытаемся заставить говорить вашего почтеннаго свата. Гмъ! напримѣръ, господинъ Баронъ Фюренгофъ, что бы вы, добрый Лифляндецъ и вѣрноподданный Его Величества, что бы вы сдѣлали, встрѣшивъ измѣнника Пашкуля (Генераль посмотрѣлъ на Краснаго Носа) въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ могъ быть пойманъ и преданъ въ руки правосудія?

На вопросъ Шлиппенбаха языкъ Фюренгофа прозвучалъ, подобно колокольчику, сжатою постороннимъ шѣломъ: — А, а, господа ! . . . что до меня . . . то я, конечно . . . вы знаете мою преданность Его Величеству . . . но я не знаю, извѣстно ли

Вашему Превосходительству, что онъ...
хотя... но онъ...

— Кто онъ? спросилъ рѣзко Шлиппенбахъ.

— Какъ доложить Вашему Превосходительству, не смѣю...

— Вы, дядюшка, хошите сказать, что Папкуль вашъ родственникъ, подхватилъ Адольфъ: и не имѣете духа выговорить это.

— А, а, Адольфъ, любезный другъ, такъ же какъ и тебѣ; но ты знаешь, что я плохой ораторъ, и ты помоги бы мнѣ, когда бы объявилъ свое мнѣніе, свои чувствованія.

— Вы меня вызываете къ отвѣту, и я дамъ его, сказалъ съ твердостью Адольфъ. Солдатскій отвѣтъ коротокъ. Если я, какъ рядовой воинъ Шведской арміи, встрѣчу Папкуля среди непріятелей: то не пощажу объ него благородной спали. Уничтожишь жесточайшаго врага моего законнаго Государя почту тогда особенною для себя честью. Но —

прибавилъ Траушфештеръ съ особеннымъ чувствомъ — если-бъ я нашелъ его беззащитнымъ, укрывающимся въ отечествѣ, положимъ, хоть здѣсь: шо я наль бы на грудь моего благодѣтеля и втораго отца, оросилъ бы ее слезами благодарности; и горе тому, кто осмѣлился бы наложить на него руку свою!

— Зараза вездѣ проникла! воскликнулъ со вздохомъ Шлиппенбахъ. Тяжкія, горькія времена!

— Благородный, молодой человекъ! сказалъ въ то же время Зибенбюргеръ съ слезами на глазахъ: кто въ сіи минуты не желалъ бы быть Пашкулемъ, чтобы обнять васъ? Жаль, что возвращаюсь изъ Московіи, а не ѣду въ нее; а то съ какимъ удовольствіемъ рассказалъ бы я ему, что онъ имѣетъ еще въ Лифляндіи соотечественниковъ, друзей и роднаго.

Всѣ съ какимъ-то недоумѣніемъ обратили взоры на путешественника, принимавшаго такое живое участіе въ род-

ственныхъ и гражданскихъ связяхъ Папкуля.

— Что-жь? можно, не ѣхавши въ Московію, видѣться съ Генераломъ Московскимъ, сказалъ значительнымъ голосомъ Шлиппенбахъ, коварно посмаптригая на Краснаго Носа. Говорятъ, что онъ здѣсь...

— Какъ здѣсь? спросилъ Адольфъ, измѣнившись въ лицѣ.

Фюренгофъ, при этихъ словахъ, былъ ни живъ, ни мерпвъ; колѣна его ходили туда и сюда. Онъ колебался уже открыть Генералу тайну своего спутника и представить его живьемъ; но Папкуля спасло новое восклицаніе Шлиппенбаха. — Да, онъ скрывается въ Лифляндіи, отвѣчалъ съ таинственнымъ видомъ Генераль: однако-жь, не смотря, что ученыя шпионы его слѣдятъ меня даже на праздники моихъ знакомыхъ, надѣюсь скоро дойдти до логовища этого краснаго звѣря.

Баронесса перемигнулась съ Зибенбюр-

геромъ и сказала таинственнымъ голосомъ: — У кого есть вѣрный маршрутъ, сдѣланный по нѣкоторому астрологическому наведенію, до нѣкоторой резиденціи въ глуши лѣсной... не правда ли, господинъ Докторъ?... тотъ можетъ не надѣяться, а исполнить.

— Увидимъ, увидимъ, кому скорѣе удастся, воскликнулъ Шлиппенбахъ: а для приступа къ нашимъ поискамъ...

Красный Носъ подошелъ къ открытому окну, и почти въ тотъ же мигъ раздалось на дворѣ среди шума народнаго: — Генераль, Господинъ Генераль-Вахтмейстеръ! ради Бога! дѣло важное имѣю до тебя.

На этомъ возгласъ Шлиппенбахъ бросился на терассу; гости вылились за нимъ. Баронесса, примѣтно смѣшавшись, искала около себя Никласзона; но вѣрнаго ея Секретаря давно не было не только въ домѣ, даже въ Гельмешѣ; онъ умѣлъ заранѣе убраться отъ опасности. Дипломатка догадывалась, что не кто иной

взываетъ къ Генералу, какъ преданный ему Шведъ, Вольдемаръ изъ Выборга. Свѣдѣнія о скоромъ выходѣ Русскихъ изъ лагеря, благодарность Пипера, милостивое вниманіе самаго Государя — все похищено у ней въ одну минуту.

Пользуясь общею суматохой, произведенною любопытствомъ, Адольфъ бросился къ Зибенбюргеру, схватилъ его за руку, опозвалъ въ другую комнату и поропливо сказалъ ему вполголоса: »Вы Пашкуль! Голосъ вѣрнѣе опца, при первомъ его звукѣ, опозвался въ моемъ сердцѣ. Бѣгите, за вами примѣчаютъ. Фюренгофу сдѣлають допросъ, и вы пропа-ли. Кто знаетъ? черезъ нѣсколько минутъ я только Шведскій подданный!« Выговоря это, Адольфъ бросился назадъ и смѣшался съ толпою на терасѣ. Зибенбюргеръ или Пашкуль (читатели, вѣроятно, давно догадались, что это одно и то же лице) имѣлъ только время пожать руку Адольфу, пробрался черезъ внутреннія комнаты и заднія крыль-

цомъ въ садъ. Тушъ онъ услышалъ въ кустахъ тихій голосъ: »Ау, ау, Красный Носъ!« Онъ пренебрегъ эшимъ насмѣшливымъ зовомъ, углубился въ садъ; но забывъ расположеніе его, ошибся дорогами, отбился къ сѣверной споронѣ, воротился, и опять пришелъ къ дому. На дворѣ была необыкновенная тревога. Не думая долго, побѣжалъ онъ прямо на восточную спорону, но шунъ заградилъ ему пунъ крушой оврагъ. »Боже! я пропалъ!« воскликнулъ онъ. — »Ау, ау, Красный Носъ!« опять раздалось около него. — »Лѣшій ли ты, или человекъ волею или неволею, ты проведешь меня къ восточной калпикѣ!« закричалъ Папкуль, вынулъ шпагу изъ поженъ и успремился на кустъ, ошкуда слышался голосъ. — »За мною, я твой проводникъ!« сказалъ кто-то, выпрыгнувъ изъ куста, какъ заяцъ. Это былъ рыжеволосый мальчикъ, Мартышка. Папкуль, по сдѣланному ему описанію, шопчасъ узналъ племянника Фрицова, вздохнулъ свободнѣе, и ухеа-

шился за Аріадину пиить, ему шакъ кспа-
ни предлагаемую, то естъ посиѣшилъ
за огненнымъ, который, махая ему рукой,
указывалъ путь между деревьями и ку-
стами, по камнямъ черезъ ручей Тар-
васъ, и мигомъ довелъ его до восточной
калитки. У ней съ неперѣнїемъ и спра-
хомъ дожидался вѣрный служитель его,
Фрицъ, держа двухъ оседланныхъ бойкихъ
лошадей, лучшихъ, какія были когда-либо
на конюшнѣ Баронессинной. »Слава Богу,
вы здѣсь, и спасены!« сказалъ вѣрный слу-
житель, помогая Пашкулю садиться на
лошадь. — »Я опмщенъ, добрый мой
Фрицъ, и месъ моя опкликнется въ
сердцѣ Карла. Съ меня довольно!« отвѣ-
чалъ Рейнгольдъ, вынулъ изъ кармана ло-
скушъ бумаги, карандашъ и, написавъ
что-то на ней, вручилъ ее рыжеволосому
вмѣстѣ съ крупною серебряною монетою.
Забытъ сдѣлать сію награду было бы
опасно: месъ неминуемо послѣдовала бы
за симъ забвенїемъ. Маленькому проводни-
ку поручено опдать сію бумагу Генералу

Шлиппенбаху — шпоры вонзены въ бока лошадей — и скоро перелѣски къ спонѣ Пекгофа скрыли Пашкуля и его конюшаго, кончившаго уже свою роль въ Гельмешѣ. Черезъ минуны двѣ, при, всякая погоня за ними была бы напрасна.

Обратимся къ терассѣ.

— Вольдемаръ, Вольдемаръ! чего ты хочешь отъ меня? кричалъ Генераль-Вахтмейстеръ гуслишу, который, протираясь сквозь толпу, выбивался вмѣстѣ съ тѣмъ изъ рукъ двухъ дюжихъ служителей, его удерживавшихъ. — «Генераль, меня не допускають до тебя!» вопилъ умоляющимъ голосомъ Вольдемаръ. — «Мошенники! плуты!» продолжалъ кричать Шлиппенбахъ: «отпустиите его, или я велю повѣсипъ васъ на первомъ Гельмешскомъ деревѣ.» Угрозы Генерала немедленно подѣйствоввали, какъ ударъ изъ ружья надъ яспребами, дѣлящими свою добычу; освобожденный плѣнникъ прорѣзалъ волны народныя и всбѣжалъ на терассу. Величаво, пламенными глазами, по-

смотрясь онъ вокругъ себя; трясая головой, закинулъ назадъ черныя кудри, ironically усмѣхнулся (въ этой усмѣшкѣ, во всей наружности его боролись чувствованія благородныя съ прищворствомъ) и сказалъ Шлиппенбаху: — »Съ того времени, какъ ты пріѣхалъ, ищу къ тебѣ пробраться; но меня не допускали до тебя, по чьему-то приказанію. Ты ничего не знаешь. Русскіе въ Сагницѣ.«

Слова сіи разлились по толпѣ, окружавшей Генераль-Вахшмейстера, подобно электричеству громоваго удара. Всѣ смотрѣли на чудеснаго вѣстника-музыканта, смотрѣли другъ на друга и, слыша бѣду, ужь оглушенные увѣдомленіемъ о ней, еще ей не вѣрили.

— Русскіе въ Сагницѣ? вскричалъ Шлиппенбахъ. Что ты говоришь, несчастный? Одно слово неправды — и развѣ воронья соберутъ завтра кости твои!

— Нѣтъ, не опдамъ я костей своихъ здѣшнимъ вороньямъ. Лежатъ имъ на сторонѣ другой! возразилъ Вольдемаръ,

одушевленный необыкновеннымъ чувствомъ. Грудь его, не вмѣщая онаго, сильно волновалась. — Говорю тебѣ: Русскіе въ Сагницѣ. Того и жди гонца съ этимъ извѣстіемъ; но помни, что я первый принесъ его тебѣ.

Генералъ, нахмурившись, позовалъ вѣстника за собой въ ближайшую комнату и сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы никто за нимъ не слѣдовалъ. Не долго продолжалась пошленная бесѣда. Когда онъ показался вновь обществу, маленькое, сухощавое лице его, казалось, вытянулось на цѣлую половину; однако-жъ, стараясь призвать на него спокойствіе, онъ сказалъ собравшимся около него и выжидавшимъ его словъ, какъ рѣшенія оракула: »Мой добрый Шведъ пересолнилъ своимъ усердіемъ. При повѣркѣ выходилъ, что Татары вздумали похрабриться и выползли изъ своего Нейгаузенскаго разбойническаго прифона. Шереметевъ только-что собирается надѣть львиную кожу!

Впрочемъ удивляюсь, почему не допускали до меня вѣрнаго моего Шведа.» Сказавъ это, Шлиппенбахъ повелъ мышачьими глазами своими вокругъ себя и, не найдя Краснаго Носа, приказалъ нѣсколькимъ дюжимъ офицерамъ опрыть его въ домѣ, во что бы ни стало. Досада его была ужасная, когда ему доложили, что ученый путешественникъ скрылся внезапно невидимкою, вѣроятно помощію волшебства. Сдѣланъ былъ допросъ Фюренгофу. На сей разъ Рипгенскій Баронъ, рассчитавъ такъ вѣрно, какъ свои проценты, что приближеніемъ Русскихъ исполняющія обѣщанія новаго его папрона, обладая уже драгоцѣннымъ охраннымъ листомъ и надѣясь впредь великихъ и богатыхъ милостей отъ родственника своего, Генераль - Кригскоммиссара Московскаго Государя, укрѣпился духомъ прошивъ девятого вала, на него хлынувшего. Пріосамившись, онъ отвѣчалъ съ твердостію, что если, паче всякаго чаянія, былъ онъ обманутъ свѣдѣніями, до-

ставленными ему изъ Лейпцига о Г-нѣ Зибенбюргерѣ, то не считаетъ себя ни въ чемъ виноватымъ; но что впрочемъ Его Превосходительство самъ могъ ошибиться въ ученѣмъ путешественникѣ, принимая его за шпіона Пашкулева: онъ же, съ своей стороны, видишь въ немъ любезнаго и умнаго собесѣдника, непріятнаго только для тѣхъ, которые не любятъ истины и близоруки. Что-жъ касается до внезапнаго отъѣзда Зибенбюргера; то Фюренгофъ приписывалъ его разнымъ оскорбленіямъ, будто бы ему сдѣланнымъ. Баронесса, обиженная Генераломъ требованіями отъ нея отчета въ ея поступкахъ, рѣшительно заступилась за Рингенскаго Барона. Такимъ образомъ въ общей перебранкѣ оыгрался Фюренгофъ и поспѣшилъ-было заранѣе улестись изъ Гельмеша, надъ которымъ стояла такая грозная туча; но вспомнивъ, что онъ лишился на полѣ битвы перчатки, вѣрошилъ искать ее. Адольфъ замѣнилъ это: далъ ему свою пару но-

выхъ перчатокъ и едва не вытолкалъ его изъ дому.

Черезъ нѣсколько минутъ, Марпышка, пользуясь приказомъ впускатъ къ Генералу всѣхъ, кому нужно было съ нимъ переговорить, подалъ ему записку слѣдующаго содержанія: »Господинъ Генераль-Вахтмейстеръ Шведскій! благодарю васъ: вы дали мнѣ случай попоржеспвовашъ именемъ покорнаго вашего слуги надъ вами и Королемъ Шведскимъ. Поблагодарите отъ меня и хозяйку Гельмеша, почтеннѣйшую дипломатку Двора Шведскаго за лестный пріемъ, мнѣ оказанный и мною неожиданный. Ласки ея такъ обольстили меня, что я назначаю у неймою главную квартиру на 29-е и 30-е нынѣшняго мѣсяца. Что-жъ касается до вашихъ мнѣ личныхъ оскорбленій, то мы сочтемся въ нихъ завтра на чистомъ полѣ.«

Генераль-Кригскоммиссаръ Его Царскаго Величества І. Рейнгольдъ. Паткуль.

Писано въ Гельмешѣ 16го Іюля 1702.

Шлиппенбахъ, прочтя эту записку, едва не заскрежеталъ зубами, подаль ее Баронессѣ, не смотря на нее, и примолвилъ пронически: »Плоды вашей дипломашки!« Баронесса, въ свою очередь, читая сладкое посланіе, измѣнялась безпрестанно въ лицѣ: то бѣлѣла, какъ полотно, то краснѣла, какъ сукно алое. Но скоро оправившись отъ перваго впечатлѣнія, она разодрала записку въ мелкіе лоскутки и произнесла съ гордостію и твердо: »Плоды вашей безпечности, вашей лѣни, Господниъ Генераль-Вахтмейстеръ! Вы проспали мои заботы и надежды и ваше доброе имя. Дѣло важное, которое я хотѣла вамъ втайнѣ передать, есть извѣстіе, сообщенное вамъ вѣрнымъ вашимъ Шведомъ: можетъ быть, слаще было вамъ услышать сіе извѣстіе при свидѣтеляхъ. Впрочемъ величіе души познается въ трудныхъ обстоятельствахъ. Кто не умѣетъ поставить себя выше своего состоянія, тотъ недостойнъ быть даже — женщиною! Амшманъ! — продол-

жала она, обратившись къ своему управителю — поставъ передъ въѣздомъ въ Гельмешъ висѣлицу и прибей къ ней вывѣску съ надписью крупными буквами: *Главная квартира Югана Рейнгольда Паткуля*. Черезъ часъ приди получишь отъ меня новыя приказанія. Если достанется когда Гельмешъ Московичамъ, то онъ достанется имъ дорого: пусть помнятъ они, что госпожа его Лифляндка Зегевольдъ. Народу позволю веселиться, сколько хочеть: завтра мы употребимъ его въ дѣло.» Съ послѣднимъ словомъ она важно поклонилась обществу и тихими, твердыми шагами выступила въ другія комнаты.

— Кто далъ тебѣ эту бумажку? спросилъ Генераль рыжаго мальчика, прясаясь отъ гнѣва.

Огненный низко поклонился, почесалъ себѣ голову, ушерь носъ рукавомъ кафтана и сказалъ, просяжно выговаривая слова: — Какой-то господинъ — съ большимъ носомъ, будто клевалъ все че-

решию. — Онъ садился у воротъ на лошадку — ну вошь, вѣдашь, на вороненькую, бѣлоножку, съ господской конюшни, что грива такая большая, какъ у тебя на головѣ...

— Говори дѣло, дуракъ!

— Вотъ ужъ и дуракъ! Хе, хе, хе... шли... Красный Носъ сидѣлъ браво на лошаdkѣ, какъ деревянный солдашъ, далъ мнѣ грамошку и сказалъ: опнеси, умпица, эту грамошку маленькому дурному офицеру, котораго хуже нѣтъ, въ большихъ сапогахъ и въ большихъ рукавицахъ, и попроси съ него за работу.

— Подожди, я дамъ!... потомъ?

— Потомъ я все искалъ маленькаго дурнаго офицера въ большихъ сапогахъ и въ большихъ рукавицахъ, нашелъ тебя... шли... Господниъ пригожій, пожалуй за работу.

— Изъ ада что-ли ты, бѣсенокъ, вынырнулъ нынѣ съ другими бѣсами? закричалъ Генераль, топая маленькими но-

гами въ большихъ сапогахъ. Въ которую сторону поѣхалъ Красный Носъ?

— Я... не виноватъ, господинъ хороший... я вошь сейчасъ тебѣ скажу. Кажется, какъ бы тебѣ не солгать... да, онъ поскакалъ прямо на Оверлакъ, ну туда, гдѣ живетъ офицеръ, что уморилъ было барышню... шми... — Тутъ мальчикъ, играя шпагою сшоявшаго возлѣ него офицера, запѣлъ жалобно:

Горько, горько пѣла пшашечка,
Сизобокая синичка...

Шлиппенбахъ опдалъ приказанія pursue въ погоню за Краснымъ Носомъ (настоящаго имени его онъ не открывалъ), и собралъ около себя военный советъ; между тѣмъ Марпышка продолжалъ распѣвать:

Ты сходи, послушъ, сесприца,
Что за пѣсенку поешъ
Сизобокая синица.

Ахъ! поешъ синичка пѣсню:
Брашецъ, тебѣ на войну!

Брашець — шебъ — на войну! повпоришь онъ, прихлипывая и кивая Генералу; какъ вьюнъ, проскользнулъ между слушающими своими и скрылся; только на дворъ слышно было еще его пѣніе:

Курляндцы вялые ребяша

Все крадутся ползкомъ въ кустахъ.

Лифляндцы молодцы стрѣлять.

„Подстрѣлили разъ Курляндца,
За ворону принимая.

Ха, ха, ха! ха, ха, ха!“

Въ военномъ совѣтѣ, послѣ многихъ разногласій, едва было рѣшено собрать Шведскія войска при Гуммельсгофѣ и дать тамъ оппоръ набѣгу Русскихъ, когда къ Гельмешскому двору прискакалъ Шведскій офицеръ, такъ сказать, на шпорахъ и шпагѣ; ибо измученное живошное, въ коемъ онъ еще возбуждалъ ими жизнь, пало, лишь только онъ успѣлъ слѣзти съ него. Случай сей принять былъ за худое предвѣстіе для Шведовъ. Гонецъ подтвердилъ слова Вольдемара.

Надобно было видѣть суматоху, про-

изведенную между гостями, слугами ихъ и жишелями Гельмеша извѣстіемъ о приближеніи Русскихъ. — Лошадь такого-то! — Карешу такого-то! одноколку! — колымагу! — кричали всѣ въ разные голоса. Кучера толкали другъ друга, въ порняхъ брались за чужихъ лошадей; лошади были разсѣдланы, подпруги и уздечки порваны у иныхъ, у другихъ постромки экипажей подрѣзаны, сбруя разбросана и перемѣшана. Госпожи ахали, мешались въ разныя стороны, плакали, ломали себѣ руки (падать въ обморокъ было некогда); господа сами бѣгали въ конюшни и по заднимъ дворамъ, чшобы помочь служителямъ осѣдлатъ лошадей, выгородить экипажи и сдѣлать разныя низкія работы, за которыя въ другое время не взяли бы тысячей. Медикъ Блуменпросъ, до сего времени щцательпо опдалавшійся опъ знакомства съ Маріенбургскимъ Пасторомъ, предложилъ ему теперь свой экипажъ, который, по спеченію благопріятныхъ обстоятельствъ,

сползъ у самой террасы во всей готовности. За неимѣніемъ лучшаго способа перенестись въ Маріенбургъ, предложеніе медика, этого сосѣда долины мертвецовъ, было принято съ удовольствіемъ. Луиза и Катерина Рабе прощаясь плакали, какъ дѣти. »Кто знаетъ — говорили онѣ — когда мы увидимся? ... Можешь быть, никогда!« Пасторъ поставилъ уже ногу на подножку экипажа, чтобы сѣсть въ него; но подумавъ, что Баронесса черпнуть, можешь быть, планъ защищенія Гельмеша, приложилъ палецъ ко лбу, спустилъ ногу и ворочился назадъ, чтобы подать дипломаткѣ свои совѣты. Но такъ какъ она не приняла его и приказала ему сказать, что умѣешь обойтись безъ совѣтниковъ; то Гликъ рѣшился опмстить ей немедленнымъ отъѣздомъ. Наконецъ Гельмешъ опустился; и представителями великаго праздника, которыми хотѣли удивить всю Лифляндію, остались одни пьяные Лапыши. — Госпожа позволила намъ веселиться, кричали

они: послѣ того не боимся не только Московитовъ, самаго чорта!

Куда дѣвались Вольдемаръ и слѣпецъ? Преданный Генераль-Вахтмейстеру Шведъ поскакалъ въ слѣдъ за нимъ, а товарищъ его нашелъ пріюти, какъ обѣщано было, въ комнатѣ Адама Бира.

До свиданія въ будущей части, друзья мои! Праздникъ Баронессинъ меня такъ замучилъ, что я — насилу досказалъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШИБКИ

во 2-й части:

Спр. Сшрок. *Напечатано:* *Поправлено:*

5	10	Изборскихъ	Изборскъ
52	8	да пошолкуй;	да покукуй;
55	3 и 13	шелѣжка	шѣлежка
62	10	оныя	ихъ
86	16	нашъ	намъ
159	1	обмѣнишь	ошмѣнишь
—	6	замѣнишь	замѣнишь
162	11	нимъ	ними
175	5 и 6	Ей, ей	Эй, эй,
184	6	въ мракъ	во мракъ
214	1	далѣе	долѣе
220	4	няѣ	мяѣ
274	2	шебѣ	шебя
294	20	все. Оспавались	все оспавались
308	4	ваше	Ваше
321	7	дипломатка	дипломатика
325	17.	опъ радости	опъ удовольствія
